

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РЕГИОНАЛЬНЫЙ МОНИТОРИНГ: ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Хабаровск
ИЭИ ДВО РАН
2019

ECONOMIC RESEARCH INSTITUTE
FAR EASTERN BRANCH
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**REGIONAL
MONITORING:
FAR EASTERN
FEDERAL
DISTRICT**

Khabarovsk
ERI FEB RAS
2019
2

Региональный мониторинг: Дальневосточный федеральный округ / под ред. О.М. Прокапало; Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Институт экономических исследований. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2019. – 210 с.

ISBN 978-5-906118-49-3

Данная монография является продолжением аналитических исследований по проблемам измерения и оценки социально-экономического состояния и тенденциям развития Дальневосточного федерального округа в разрезе регионов и отраслевых комплексов. Исследования сосредоточены на выявлении основных факторов и проблем функционирования основных отраслей экономики, социальной сферы, внешнеэкономической деятельности, финансового и денежно-кредитного сектора в 2013–2018 гг. Показано, что существенных изменений экономической структуры не произошло, промышленный потенциал остается стратегическим преимуществом экономики макрорегиона. В добывающем секторе устойчивость динамики почти полностью определяется устойчивостью внешнеэкономической конъюнктуры и стабильностью курса рубля, динамика перерабатывающего сектора зависит от платежеспособного спроса на внутреннем рынке России. Сохраняющиеся ограничения в области доступа к финансовым ресурсам как на внутреннем, так и на международных рынках, ухудшение ситуации с технологическим обменом поддерживают сохранение неопределенности с перспективами роста в целом по экономике макрорегиона.

Ключевые слова: мониторинг, динамика, ВРП, промышленное производство, инвестиции, доходы населения, миграция, внешняя торговля, иностранные инвестиции, транспорт, уровень жизни, финансы, регион, Дальневосточный федеральный округ.

Рецензент – канд. экон. наук О.Г. Поливаева

Рекомендовано к изданию Ученым советом ИЭИ ДВО РАН

Regional Monitoring: Far Eastern Federal District / Edited by O.M. Prokapalo; Russian Academy of Sciences, Far Eastern Branch, Economic Research Institute. – Khabarovsk : ERI FEB RAS, 2019. – 210 p.

This monograph is a continuation of analytical studies on the problems of measuring and assessing the socio-economic status and development trends of the Far Eastern Federal District in the context of regions and industry complexes. The studies are focused on identifying the main factors and problems in the functioning of the main sectors of the economy, social sphere, foreign economic activity, financial and monetary sectors in 2013–2018. It is shown that no significant changes in the economic structure have occurred; industrial potential remains a strategic advantage of the macro-region economy. In the extractive sector, the stability of the dynamics is almost entirely determined by the stability of the external economic situation and the stability of the ruble, the dynamics of the processing sector depends on effective demand in the domestic market of Russia. Continuing restrictions on access to financial resources in both the domestic and international markets, the deterioration of the situation with technological exchange support the persistence of uncertainty with growth prospects in the macroeconomic economy as a whole.

Keywords: monitoring, dynamics, GRP, industrial production, investments, population incomes, migration, foreign trade, foreign investments, transport, living standards, finances, region, Far Eastern Federal District.

ISBN 978-5-906118-49-3

© Авторы, 2019

© Институт экономических исследований ДВО РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение	6
РАЗДЕЛ 1. МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА	11
1.1. ДФО в экономике России	11
1.2. Факторы экономического роста	18
РАЗДЕЛ 2. НАСЕЛЕНИЕ И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ	34
2.1. Демография и миграция	34
2.2. Благополучие населения	50
2.3. Рынок труда	70
РАЗДЕЛ 3. РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВЫХ КОМПЛЕКСОВ	82
3.1. Обрабатывающая промышленность	82
3.2. Минерально-сырьевой комплекс	86
3.3. Лесной комплекс	96
3.4. Агропромышленный комплекс и самообеспеченность населения Дальнего Востока сельскохозяйственными продуктами	108
3.5. Транспортный комплекс	126
РАЗДЕЛ 4. ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	140
4.1. Внешняя торговля	140
4.2. Иностранные инвестиции	147
РАЗДЕЛ 5. ФИНАНСЫ	170
5.1. Государственные региональные финансы	170
5.2. Финансы предприятий и организаций	180
5.3. Денежно – кредитный сектор	183
Заключение	194
Список литературы	196

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленная работа является продолжением ведущихся в Институте экономических исследований ДВО РАН аналитических исследований по проблемам измерения и оценки социально-экономического состояния и тенденциям развития Дальневосточного федерального округа в разрезе регионов и отраслевых комплексов.

Исследования авторского коллектива в данной книге сосредоточены на выявлении основных факторов и проблемам функционирования основных отраслей экономики, социальной сферы, внешнеэкономической деятельности, финансового и денежно-кредитного сектора в 2013–2018 гг.

Проблемы мониторинга социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа особенно актуальны в условиях проявляющихся кризисных процессов. Одна из главных задач мониторинга состоит в создании надежной и объективной базы для выработки государственной политики регулирования территориального развития и определения ее приоритетов.

В данной работе показано, что существенных изменений экономической структуры не произошло, и промышленный потенциал остается стратегическим преимуществом экономики региона. В добывающем секторе устойчивость динамики почти полностью определяется устойчивостью внешнеэкономической конъюнктуры и стабильностью курса рубля, а динамика перерабатывающего сектора зависит от платежеспособного спроса на внутреннем рынке России. Сохраняющиеся ограничения в области доступа к финансовым ресурсам как на внутреннем, так и на международных рынках, ухудшение ситуации с технологическим обменом поддерживают сохранение неопределенности с перспективами роста в целом по региональной экономике.

Монография подготовлена авторским коллективом в составе: д-р экон. наук Прокапало О.М. (предисловие, 1.1, 5.2, заключение), д-р геогр. наук Демьяненко А.Н. (введение), канд. экон. наук Белоусова А.В. (1.2), канд. экон. наук Исаев А.Г. (1.2, 3.1), д-р экон. наук Мотрич Е.Л. (2.1), д-р экон. наук Найденов С.Н. (2.2), канд. экон. наук Грицко М.А. (2.3), д-р экон. наук Ломакина Н.В. (3.2), д-р экон. наук Антонова Н.Е. (3.3), канд. с.-х. наук Сухомиров Г.И. (3.4), канд. экон. наук Бардаль А.Б. (3.5), Мазитова М.Г. (4.1), канд. экон. наук Суслов Д.В. (4.2), д-р экон. наук Леонов С.Н. (5.1), Троп Т.И. (5.3).

ВВЕДЕНИЕ

Обычное определение мониторинга состоит в организации непрерывного наблюдения и анализа показателей, описывающих состояние исследуемого экономического объекта. И в этом качестве мониторинг является необходимым элементом в системе управления (регулирования) экономических систем и процессов уже в силу того, что он обеспечивает контуры обратной связи, без которых любые управленческие решения рискуют оказаться неэффективными.

Так как невозможно мониторить все, к тому же все возрастающая неопределенность во внешней среде экономических объектов (возможно, точнее систем) все нарастает, появляются все новые и новые источники рисков¹, то организация экономического мониторинга (в том числе и регионального) должна быть органично вписана в систему государственного регулирования.

Это, в свою очередь, предполагает, во-первых, что мониторинг должен быть вписан как в систему стратегического, так и оперативного управления рисками; во-вторых, мониторинг должен быть организован на всех уровнях принятия решений – от национального до местного.

Для того чтобы эффективно реагировать на риски², которые могут возникнуть, органы власти соответствующих уровней должны обладать информацией, которая позволила им: во-первых, идентифицировать риски в соответствующих сферах ответственности; во-вторых, оценить, насколько значительны будут последствия в случае наступления тех или иных событий; в-третьих, сформировать программу действий, которая была бы ориентирована на предотвращение рисков и если это невозможно, то смягчить последствия возникновения нежелательных событий или ограничить их распространение. Наконец, внести необходимые коррективы, если выяснилось, что предпринимаемые действия не дали ожидаемого эффекта или если существующая система мониторинга не отслеживает состояния, которые могут привести к нежелательным последствиям.

При организации системы мониторинга, и в том числе регионального, следует учитывать одно крайне важное обстоятельство. Имеется в виду часто игнорируемый

¹ Скорее всего, правы те исследователи, которые к новым источникам рисков относят растущую связность мира, которая делает нас более уязвимой для событий, значительно удаленных географически. Но, следует иметь в виду, что у «растущей связности» есть и обратная сторона. Именно, благодаря связности стала возможной и предельно быстрая переброска сил и средств (иначе говоря, ресурсов) необходимых для предотвращения рисков и ликвидации их последствий на большие расстояния.

² Естественно, что мониторинг приобретает особое значение применительно к тем ситуациям, которые сопряжены с высокой потенциальной способностью причинять значительный ущерб (в нашем случае экономической системе).

факт, что риски (и природного и социального характера) представляют собой неоднородное явление. По этой причине властным структурам, принимающим на себя ответственность не только за организацию мониторинга, но (и это главное) за предотвращение и ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций, следует помнить, что измерение рисков – дело благородное, но крайне ненадежное. По большей части государству «приходится иметь дело не с исчислимыми величинами рисков, а со степенями неопределенности»¹, а, следовательно, решения приходится принимать, основываясь «не столько на стандартных формулах, сколько на оценочных суждениях»².

Это вовсе не означает, что «стандартные формулы» не нужны вовсе, без них не обойтись, но все-таки (особенно на национальном уровне, а, возможно, и на уровне макрорегионов) на первый план выходят именно «оценочные суждения». Но, чтобы иметь оценочные суждения, необходимо экспертное сообщество, обладающее соответствующими знаниями. Причем, знаниями не вообще о природе рисков и вероятностях возникновения нежелательных ситуаций, а знания, имеющие непосредственное отношение к возникновению таких ситуаций как в пределах национальной экономики, так и макрорегионов. Естественно, что на уровне регионов, а тем более на местном уровне, такого рода знания приобретают все более конкретный характер. Поэтому формализованные механизмы отслеживания и анализа рисков возникновения нежелательных ситуаций на региональном и местном уровнях организации мониторинга может ослабить способность экономики к своевременному и эффективному отклику на неожиданные воздействия.

Традиционно основной целью регионального мониторинга является анализ вероятности выхода показателей регионального социально-экономического развития за пределы пороговых значений, а также разработка прогнозных вариантов динамики отдельных показателей и в целом описываемой ими социально-экономической системы региона.

Как правило, сама система мониторинга организована по функциональному (отраслевому) принципу. И это вполне объяснимо и оправдано. Но в современных условиях такой подход к мониторингу уже явно недостаточен. Прежде всего, это относится к таким макрорегионам как Дальний Восток, которые отличаются не только размерами территории, но и разнообразием пространственных форм организации экономической деятельности, а также условий (природных и социальных) жизнедеятельности населения. Более того, и дальневосточные субъекты РФ, как правило, значительно отличаются своими территориальными размерами и разнообразием от среднероссийских³. По-

¹ Малган Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знаний по имя всеобщего блага М.: Институт Гайдара, 2012. С. 297.

² Там же. С. 304.

³ См., например, Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006; Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011; Тихоокеанская

этому при организации мониторинга эти обстоятельства необходимо учитывать. В противном случае, можно получить показатели, которые имеют отдаленное отношение к реальной экономической ситуации в регионе.

Таким образом, по причине растущих природных и социальных рисков мониторинг предполагает не только отслеживание и анализ традиционных параметров, описывающих отраслевую структуру экономики макрорегиона и качество жизни проживающего в его пределах населения, но и параметров, характеризующих устойчивость внутрирегиональных экономических систем и сетей расселения¹.

Во-первых, следует признать, что в пределах ДФО все еще не сформировалась целостная пространственная экономическая система. В лучшем случае, мы имеем дело с совокупностью экономических районов мезо- и микроуровня, которые только в пределах южной макроэкономической зоны не перемежаются лакунами, то есть не освоенными (резервными) территориями². Что же касается дальневосточного Севера и Арктики, в особенности, то на этих территориях мы имеем дело с крайне разреженным и, в то же время, фрагментированным экономическим пространством, в пределах которого отдельные ареалы концентрации экономической деятельности практически не взаимодействуют друг с другом³. Следовательно, в рамках мониторинга необходимо предусмотреть сбор и систематизацию информации о состоянии, как экономики, так и социально-демографических процессов в пределах отдельных территориально обособленных частей ДФО. По-нашему мнению, здесь было бы уместно проводить мониторинг как в разрезе макроэкономических зон: Крайний Север (Арктическая зона), Дальний

Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2010; Территориальные социально-экономические структуры. Т. 3 // Геосистемы Дальнего Востока России на рубеже XX–XXI веков. В 3-х т. / под общ. ред. П. Я. Бакланова; Тихоокеанский институт географии ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2012.

¹ Вопросы становления и эволюции экономики Дальнего Востока достаточно подробно освещены в работах: Демьяненко А.Н. Российский Дальний Восток: становление экономического макрорегиона // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 5; Демьяненко А.Н. Дальний Восток: между Империей и СССР // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 1. Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Экономическое пространство Дальневосточного Севера // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 3; Минакир П.А. Исследование экономики Дальнего Востока: 1975–2000. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017; Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006; Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная социально-экономическая динамика. Дальний Восток. Хабаровск: ДВО РАН, 2010; Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. и др.

² Принципы и методы макроэкономического зонирования Дальнего Востока представлены в работах: Вишневский Д.С., Демьяненко А.Н. Макроэкономическое зонирование как метод регионального стратегического анализа: Дальний Восток России // Пространственная экономика. 2010. № 4; Демьяненко А.Н. О декомпозиции экономического пространства в пределах Дальневосточного макрорегиона // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 2.

³ Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Экономическое пространство Дальневосточного Севера // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 3.

Север, Ближний Север и Южную зону¹, так и экономических систем – Дальний Восток, Якутия и Забайкалье².

Более того, для таких дальневосточных субъектов РФ как Хабаровский край и Республика Саха (Якутия), в первую очередь, при организации мониторинга следует учитывать размеры их территорий и существенные различия в структуре экономики, условиях ведения экономической деятельности и проживания населения. В противном случае средние значения макропараметров по субъектам РФ с такими размерами и разнообразием условий могут привести к эффекту «средней температуры по больнице».

Во-вторых, следует признать, что результаты институциональных новаций последних лет («территории опережающего развития», «свободный порт Владивосток», «дальневосточный гектар», изменение состава ДФО и перенос столицы из Хабаровска во Владивосток и т. п.) по созданию преференциальных режимов для отдельных территорий Дальнего Востока, как минимум, неоднозначны³.

Причина тому очевидна: приоритетное развитие одной части экономического пространства региона неизбежно сказывается на развитии других. И главный вопрос здесь, ответ на который далеко не прост, заключается в том, какова будет реакция отдельных частей экономического пространства на эти новации, с учетом того, что отдельные пространственные экономические системы обладают различными способностями к адаптации как по причинам экономическим, так и не экономическим.

Поэтому необходим мониторинг упомянутых выше реакций или откликов отдельных экономических систем регионального уровня на институциональные новации.

Наконец, экономическое, а тем более социальное, развитие Дальнего Востока, как геостратегической территории, занимающей важное место в Стратегии национальной безопасности России «не может происходить на основе только рыночных критериев и требует масштабных государственных расходов»⁴. И приоритет должен быть отдан проектам, которые работают на экономическое и социальное развитие Дальнего Востока. И если такого рода проекты предполагаются, то следует заранее предусмотреть систему параметров, которые необходимо отслеживать в ходе их реализации, уделив осо-

¹ Вишнеvский Д.С., Демьяненко А.Н. Макроэкономическое зонирование как метод регионального стратегического анализа: Дальний Восток России // Пространственная экономика. 2010. № 4; Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2010.

² Подробно этот вопрос освещен в: Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М., Горюнов А.П. Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4.

³ Упомянутые институциональные новации: их цели, механизм реализации и самое главное: результаты были рассмотрены в целом ряде публикаций, например: Минакир П.А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 4. Демьяненко А.Н. Сколько столиц нужно Дальнему Востоку? // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 5.

⁴ Вардомский Л.Б. Об азиатском векторе трансформации экономического пространства России // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России. М.: Кодекс, 2016.

бое внимание тем, которые работают на обеспечение экономической безопасности Дальневосточного макрорегиона¹.

Таким образом, для парирования существующих вызовов необходимо проведение государственной стратегии, направленной на диверсификацию экономики, привлечение инвестиционных ресурсов, улучшение качества жизни. И это давно стало общим местом, но результативность стратегических решений все еще оставляет желать лучшего. Конечно, эта ситуация определяется не столько тем, каким образом организован мониторинг, хотя и отрицать значения регионального мониторинга вряд ли оправдано. Это особенно важно в современных условиях, характеризующихся не только высоким уровнем неопределенности экономических и политических процессов, но и многочисленными, далеко не всегда учитывающими специфику Дальнего Востока, институциональными новациями. В противном случае вполне возможна ситуация, когда решение одних проблем может породить новые проблемы, но уже в других регионах Дальнего Востока. А для того, чтобы предотвратить возникновение такого рода ситуаций, необходимо, помимо всего прочего, мониторинг и не только за состоянием отдельных сфер экономической деятельности, но и за состоянием пространственных экономических систем.

¹ Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Экономическое пространство Дальнего Востока России: посткризисная динамика и экономическая безопасность // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 5.

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

1.1. ДФО В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

Дальний Восток России в системе формирования макропоказателей национальной экономики занимает довольно скромные позиции, которые существенно не изменились в результате административных новаций¹. Округ, занимая первое место в РФ по площади территории, остается самым малонаселенным, а по удельному весу в территориальной структуре ВРП, инвестиций в основной капитал, численности занятых в экономике уступает всем (кроме Северо-Кавказского) федеральным округам (*табл. 1.1*).

Сохранились и макроэкономические структурные пропорции экономики. По-прежнему, основной удельный вес в структуре ВРП обновленного ДФО по оценкам приходится на добывающие отрасли (28,1 и 26,1% ДФО в старых и новых границах соответственно), сектор транспортных услуг (12,2 и 12,7%), торговлю (10,8 и 10,9% соответственно).

В период 2013–2018 гг. социально-экономическое развитие национальной экономики проходило под воздействием как внешних (низкие цены на экспортное сырье, девальвация национальной валюты, финансовые, а затем и технологические санкции), так и внутренних шоков (низкий уровень инвестиционных мотиваций, недоверие частного бизнеса, низкий уровень внутреннего спроса, низкая производительность труда, зарегулированность экономики).

В ДФО² с 2014 г. (за исключением 2017 г.) сохраняется положительная динамика валового регионального продукта (ВРП) с минимальными темпами роста (*рис. 1.1*).

¹ В состав Дальневосточного федерального округа были включены Забайкальский край и Республика Бурятия. Указ Президента Российской Федерации от 03.11.2018 № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849». Официальный интернет-портал правовой информации // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201811040002?index=0&rangeSize=1>

² Характеристика показателей развития ДФО дается в старых границах, если не указано иное.

Место ДФО в формировании национальной экономики, 2018 г.

Показатель	Удельный вес в РФ, %	
	ДФО в старых границах	ДФО в новых границах
Территория, тыс. км ²	36,0/1	40,6/1
Численность населения на 1.01.2019 г., тыс. чел.	4,2/8	5,6/8
Среднегодовая численность занятых в экономике, тыс. чел. ¹	4,4/8	5,6/7
Валовой региональный продукт, млн руб. ¹	5,2/7	5,8/7
Инвестиции в основной капитал, млн руб.	7,1/7	7,9/7
Ввод в действие жилых домов, тыс. м ² общей площади	2,4/8	3,0/8

Примечание: ¹ – данные за 2017 г.; в знаменателе – ранг среди федеральных округов.

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 / ФСГС. 2019; Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации / ФСГС. 2019.

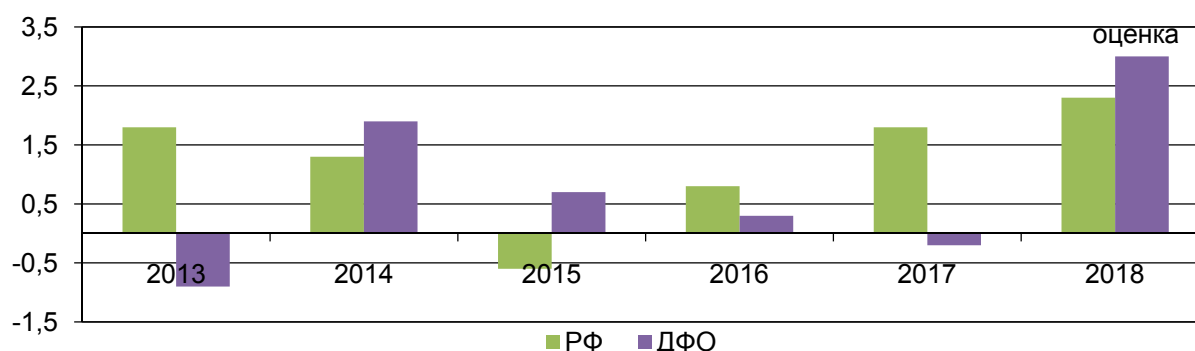

Рис. 1.1. Динамика ВВП (ВРП) РФ и ДФО, темпы прироста (снижения) к предыдущему году, %

В экономике Дальнего Востока все негативные факторы, влияющие на российскую социально-экономическую динамику, сохраняются, но проявление их в отдельных сферах деятельности обусловлено как многолетними региональными трендами и пропорциями, так и структурными особенностями экономики.

Экономика ДФО в структурном отношении в очень малой степени корреспондирует с экономикой РФ. Расчеты меры существенности различий структур¹ с исполь-

¹ Отношение фактической меры расхождений значений компонентов двух структур с их максимально возможным значением. Для интерпретации результатов определены интервалы «шкалы» оценки мер существенности различий структур критерия J_R : 0,000–0,030 – тождественность структур; 0,031–0,070 – весьма низкий уровень различий; 0,071–0,150 – низкий уровень различий; 0,151–0,300 – существенный уровень различий; 0,301–0,500 – значительный

зованием критерия J_R показали, что структура экономики ДФО имеет значительный уровень различий как с экономикой РФ в целом, так и в разрезе федеральных округов (табл. 1.2).

Таблица 1.2

Распределение федеральных округов РФ по критерию различий региональной структуры валовой добавленной стоимости от структуры Дальневосточного федерального округа, 2017 г.

Характеристика меры структурных различий	Федеральный округ
Существенный уровень различий	Уральский, Сибирский
Значительный уровень различий	Северо-Западный, Южный, Приволжский
Весьма значительный уровень различий	Центральный, Северо-Кавказский

«Непохожесть» структуры экономики связана, в первую очередь, с высокой (и постоянно увеличивающейся) долей отраслей добывающего сектора, а также сектора транспортной инфраструктуры (рис. 1.2).

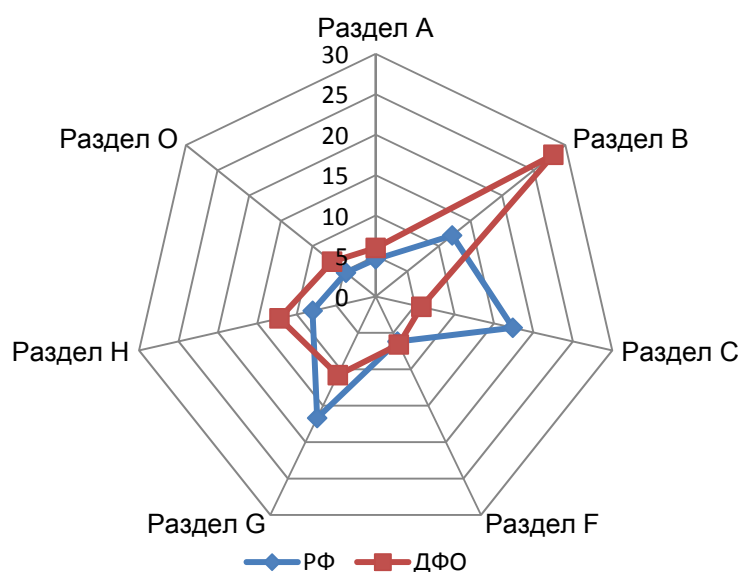

Рис. 1.2. Структура валовой добавленной стоимости РФ и ДФО в 2017 г., %

Примечание: раздел А – сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; раздел В – добыча полезных ископаемых; раздел С – обрабатывающие производства; раздел F – строительство; раздел G – торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов; раздел Н – транспортировка и хранение; раздел О – государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение.

Источник: Структура ВРП по отраслям экономики по ОКВЭД 2 (КДЭС Ред.2) (2016 – 2017 гг.) / ФСГС. 2019 .

уровень различий; 0,501-0,700 – весьма значительный уровень различий; 0,701–0,900 – противоположный тип структур; 0,901 и выше – полная противоположность структур (Сивелькин В.А., Кузнецова В.Е. Статистический анализ структуры социально-экономических процессов и явлений. Оренбург: ГОУ ВПО ОГУ, 2002).

Если в течение 2013–2017 гг. в целом по России доля добывающих отраслей в структуре валовой добавленной стоимости (ВДС) была около 12%, то на Дальнем Востоке России – более 28%, а по отдельным регионам округа колеблется от 38–48% (Магаданская область, ЧАО, Якутия) до 60% (Сахалинская область).

Повышенный (относительно среднероссийских показателей) объем в ВДС округа сектора транспортных услуг обусловлен, в большей степени, увеличением транспортного транзита, в основном экспортных грузов, через территорию региона.

В 2014–2018 гг. положительные темпы роста ВРП округа были обеспечены, в основном, за счет наращивания производства в добывающем сегменте (полезные ископаемые, рыба и морепродукты), производстве и переработке сельскохозяйственной продукции, транспортных услугах, торговле.

Добывающий сектор экономики ДФО в течение 2013–2018 гг. развивался темпами, превосходящими остальные сектора экономики. В этот период прирост продукции в добывающем секторе ДФО составил более 30% против 11% в РФ (*табл. 1.3*).

Таблица 1.3

**Динамика основных макропоказателей развития экономики РФ и ДФО,
2018 г. к 2013 г. (сопоставимые цены), %**

Показатель	РФ	ДФО
Валовой внутренний (региональный) продукт	105,7	105,8
Индекс промышленного производства ¹	108,3	123,6
добыча полезных ископаемых	110,8	131,1
обрабатывающие производства	108,7	105,6
Инвестиции в основной капитал	96,2	103,7
Экспорт товаров	84,3	99,3
Импорт товаров	79,9	51,2
Ввод в действие жилых домов, тыс. м ² общей площади	106,8	102,9
Реальные денежные доходы населения	89,7	93,7 ²

Примечание: ¹ – агрегированный индекс производства по видам деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды»; ² – оценка.

Источник: Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации / ФСГС. 2019.

Стабильное развитие добывающих отраслей экономики связано как с технико-экономическими факторами (ввод в разработку новых месторождений, технические условия эксплуатации существующих месторождений), так и с факторами спроса на внешних рынках. Благоприятное сочетание этих факторов и значительный удельный вес в экономике региона добывающего сектора, в котором проявление кризисных шоков было не столь глубоким и разрушительным, как в обрабатывающем секторе, позволило избежать резкого падения производства.

В добывающем секторе экономики ДФО основной объем (более 60%) приходится на топливно-энергетические ресурсы. В период 2013–2018 гг. добыча нефти и газового конденсата выросла на 46%, угля – на 42%, природного газа – на 17%.

Сырьевая специализация Дальнего Востока сохраняет за ним роль ведущего поставщика ресурсов на внутрисистемный и внешний рынки. На долю Дальнего Востока в 2017 г. приходилось 65,8% общероссийского вылова рыбы и водных биоресурсов, 10,3% – добычи угля, 9,1% – производства лесоматериалов (*табл. 1.4*).

Таблица 1.4

Удельный вес производства продукции в натуральном выражении ДФО в российской экономике, 2017 г.

Показатель	Удельный вес ДФО в РФ, %	Ранг*
Производство электроэнергии	4,8	7
Уголь каменный и бурый	10,3	2
Нефть сырая, включая газовый конденсат	5,1	5
Газ природный и попутный	4,9	2
Производство лесоматериалов необработанных	9,1	4
Улов рыбы и добыча других водных биоресурсов	65,8	1
Производство скота и птицы на убой	1,3	8
Производство молока	1,7	8

Примечание: * – ранг среди федеральных округов.

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 / ФСГС. 2019.

В настоящее время Дальний Восток превратился в нефтеэкспортирующий регион, благодаря широкомасштабному экспорту углеводородного сырья с шельфовой зоны о. Сахалин. Концентрация почти 99% регионального экспорта на традиционных и новых продуктах сырьевой специализации (топливные и лесные товары, цветные металлы, металлические руды, рыбопродукция) свидетельствует о закреплении новой, по сравнению с советским периодом развития, эффективной с точки зрения коммерческих критериев размещения, специализации¹.

Еще одной структурной «особенностью» экономики Дальнего Востока является невысокая доля обрабатывающих производств. Так, в 2017 г. доля обрабатывающего сектора в структуре валовой добавленной стоимости составляла лишь 5,8% против 17,4% среднероссийского показателя (*рис. 1.2*). Основным ядром обрабатывающих производств в регионах Дальнего Востока являются предприятия авиа-, судо- и машиностроения. Более 65% всей продукции обрабатывающих производств сосредоточены в Хабаровском и Приморском краях. Функционирование предприятий связано с выполнением государственных контрактов на поставку продукции авиа- и судостроения во-

¹ Российский Дальний Восток на пути в будущее. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. С. 53.

енного и гражданского назначения, определяющих, в конечном счете, ритмичность и стабильность работы обрабатывающего сектора экономики.

В течение 2013–2018 гг. в экономику Дальнего Востока России было направлено 6031,8 млрд руб. валовых инвестиций (6,7% общероссийского уровня). Отраслевая структура распределения инвестиционных ресурсов свидетельствует о предпочтении развития отраслей сырьевого сектора. В добывающий комплекс Дальнего Востока в этот период было направлено 32–34% общего объема инвестиций (в РФ – 15–24%). Из общего объема инвестиционных ресурсов, аккумулированных в добывающем секторе ДФО, более 80% было сосредоточено в Республике Саха (Якутия) и Сахалинской области, что связано со строительством газопровода «Сила Сибири» и разработкой крупномасштабных проектов на шельфе о. Сахалин.

За период 2013–2018 гг. объем поступивших прямых иностранных инвестиций (ПИИ) составил 53,9 млрд долл. США (6,0% общероссийского уровня). Основной объем поступивших иностранных вложений (69%) аккумулировался в Сахалинской области, что также связано с разработкой крупных нефтегазовых проектов.

Основной интерес иностранных инвесторов связан с разработкой проектов по добыче полезных ископаемых, особенно топливно-энергетических (более 90% ПИИ). Кроме этого, привлекательными видами деятельности для иностранных вложений являются обрабатывающие производства, пищевая промышленность, транспортировка и хранение.

На начало 2018 г. стоимостной объем основных фондов, задействованных в экономике Дальнего Востока России, составлял 12404,3 млрд руб. (6,4% общероссийского уровня), и по данному показателю Дальний Восток уступал всем (кроме Северо-Кавказского) федеральным округам.

Значительный объем инвестиционных ресурсов, направленных на реализуемые на Дальнем Востоке проекты по добыче и переработке полезных ископаемых и строительству объектов транспортной инфраструктуры, позволили значительно обновить производственные мощности в этих видах деятельности. Так, на начало 2014 г. коэффициент износа основных фондов в экономике Дальнего Востока составлял: добыча полезных ископаемых – 36,6% (РФ – 52,3%), обрабатывающие производства – 33,7% (РФ – 43,5%), транспорт и связь – 28,3% (РФ – 40,0%), торговля и ремонт – 14,6% (РФ – 62,2%). Но сокращение объема инвестиционных ресурсов привело к замедлению обновления основных фондов и, как следствие, к увеличению объема устаревшего оборудования. На начало 2018 г. износ основных фондов в добывающем и обрабатывающем секторах экономики Дальнего Востока увеличился до 51,4 и 41,8% соответственно, старение оборудования отмечается и в других отраслях (*табл. 1.5*).

Вклад Дальнего Востока в формирование общероссийских финансовых индикаторов не очень высок и неустойчив. В 2013–2018 гг. в валовом общероссийском объеме сальдированного финансового показателя (прибыль минус убыток) доля Дальнего Востока составила 4,8% и колебалась в пределах от 1,6% в 2013 г. до 11,1% в 2018 г. Лиди-

рующие позиции в значительном улучшении финансовых индикаторов в ДФО занимают предприятия Чукотского автономного округа (рост в 40,3 раза относительно 2017 г.), что связано с реализацией проектов в золоторудной и угольной промышленности¹, в том числе с поставкой угля в страны Азиатско-Тихоокеанского бассейна².

Таблица 1.5

Состояние основных фондов по видам экономической деятельности в РФ и ДФО, % от общего объема, на начало 2018 г.

Вид экономической деятельности	Структура		Структура ввода в действие		Степень износа, %	
	РФ	ДФО	РФ	ДФО	РФ	ДФО
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	3,0	2,5	5,3	5,4	40,0	47,1
Добыча полезных ископаемых	12,3	25,3	21,8	35,3	56,4	51,4
Обрабатывающие производства	9,3	3,5	14,2	4,0	48,8	41,8
Обеспечение электрической энергией, газом и паром	7,0	7,9	7,4	6,3	43,2	45,2
Строительство	1,1	1,3	1,3	1,7	52,1	52,5
Торговля и ремонт	2,4	1,2	3,9	1,8	64,9	35,2
Транспортировка и хранение	22,5	28,0	12,6	16,8	42,1	35,7
Деятельность в области информации и связи	2,6	2,1	3,4	3,6	60,9	56,2

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 / ФСГС. 2019.

Основной вклад в формирование финансовых показателей вносят предприятия экспортно-сырьевого сегмента, что связано с улучшением мировой ценовой конъюнктуры. Так, в 2017 г. в общероссийском сальдированном результате по экономической деятельности «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» удельный вес организаций ДФО составлял 14,2%; «добыча полезных ископаемых» – 7,2%, «транспортировка и хранение» – 4,3%.

Ситуация в экономической сфере оказывает влияние и на состояние социально-демографических параметров и процессов. В 2014–2018 гг. в ДФО сохранялась тенденция снижения численности населения. Надо отметить, что сокращение численности населения характерно также для Сибирского и Приволжского федеральных округов. По сравнению с 2014 г., на фоне положительной динамики роста постоянного населения как в целом по РФ (100,4%), так и по отдельным округам (от 102,1% в Северо-Кавказском до 100,6% в Уральском федеральных округах), численность населения в ДФО сократилась на 1,15%, а в Приволжском и Сибирском – на 1,07 и 0,46% соответственно.

¹ Экономике Чукотки ждет диверсификация // Известия. 2018. 1 августа.

² Чукотка увеличила добычу угля, газа и россыпного золота // Дальневосточный капитал. 2019. 17 января.

В течение последних нескольких лет уровень благосостояния россиян снижался. И хотя не наблюдалось резкого увеличения числа безработных, население стало беднее. В 2018 г. реальные денежные доходы населения Дальнего Востока России составили лишь 93,7 % к уровню 2013 г. (РФ – 89,7%). Как следствие, снижается покупательная способность населения.

Таким образом, общегосударственное значение Дальнего Востока определяется эксплуатацией транзитных и природно-ресурсных полезностей региона и близостью к динамично развивающимся странам Азиатско-Тихоокеанского региона.

1.2. ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ДФО

Структура выпуска продукции и услуг

Структура производства товаров и услуг ДФО с 2013 г. не претерпела существенных изменений (*табл. 1.6*). Сектор добычи полезных ископаемых является основной отраслью специализации, создавая более четверти добавленной стоимости в макрорегионе. В структуре добычи доминируют топливно-энергетические ресурсы, основные запасы которых сосредоточены в Республике Саха (Якутия) и Сахалинской области. Последняя до 2013 г. являлась лидером в ДФО по объемам добычи полезных ископаемых. Добыча руд цветных металлов территориально более диверсифицирована, однако около половины объемов запасов приходится на Амурскую и Магаданскую области. Около 14% валовой добавленной стоимости приходится на сектор транспорта и связи.

Таблица 1.6

**Структура валовой добавленной стоимости
Дальневосточного федерального округа, % от ВРП**

Вид экономической деятельности	2013	2017
Сельское хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	5,4	6,0
Добыча полезных ископаемых	26,3	28,2
Обрабатывающие производства	5,3	5,8
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	4,1	4,3
Строительство	6,8	6,6
Оптовая и розничная торговля	11,0	10,8
Транспорт и связь	13,7	13,9
Прочие (сфера услуг)	27,2	24,5

Источник: составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 / ФСГС. 2019.

Наибольший вклад в совокупный ВРП Дальневосточного федерального округа вносят Сахалинская область и Республика Саха (Якутия). Если в 2013 г. лидером была

Сахалинская область (671 млрд руб. против 570 млрд руб. Республики Саха (Якутия)), то к 2017 г. эти два субъекта РФ поменялись местами (771 млрд руб. и 916 млрд руб. соответственно). При этом на сектор добычи полезных ископаемых в структуре ВРП Республики Саха (Якутия) в 2017 г. приходилось 48%, в Сахалинской области – 60%.

Динамика промышленного производства ДФО за период 2013–2018 гг. (рис. 1.3) свидетельствует, что устойчивый рост наблюдался только в секторе добычи полезных ископаемых. Только Амурская область сократила объемы добычи (на 26%), во всех остальных дальневосточных субъектах РФ наблюдался рост. Наиболее существенное увеличение выпуска пришлось на Еврейскую автономную область (164%), главным образом, по причине ввода в указанный период Кимкано-Сутарского ГОКа. По объему отгруженной рудной продукции Еврейская автономная область в 2017 г. обошла Приморский край.

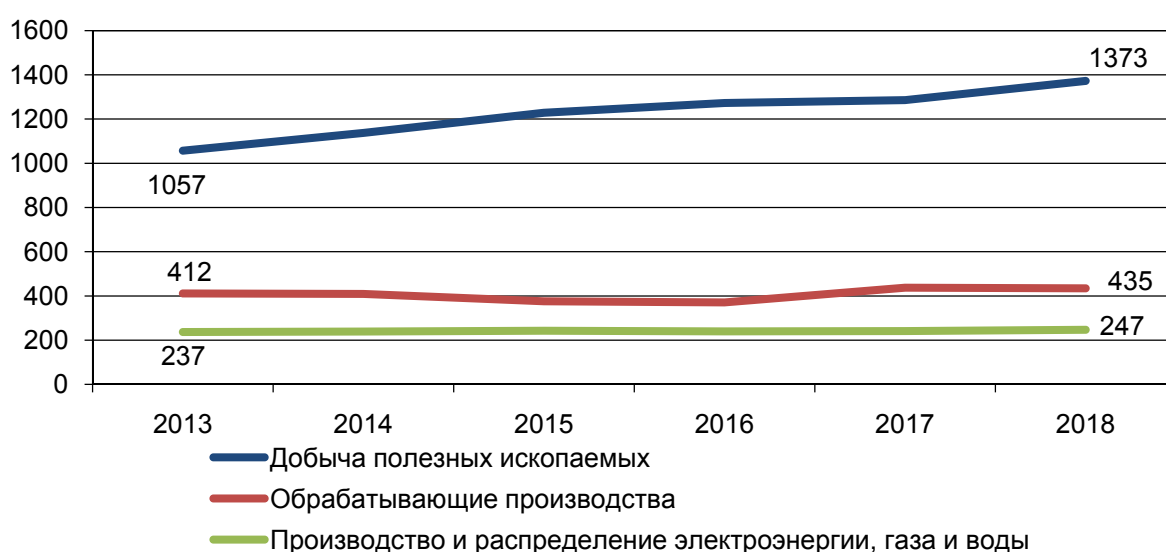

Рис. 1.3. Объем отгруженной продукции промышленности ДФО, млрд руб., в ценах 2013 г.

Устойчивый уровень выпуска наблюдается в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды. В 2018 г. в ДФО произведено 67 170 млн кВт-ч. электроэнергии, что на 5,9% больше уровня 2013 г. Основными энергогенерирующими регионами являются Приморский край (23,5% от объема отгруженной продукции данного сектора в ДФО в 2018 г.), Республика Саха (Якутия) (22,4%), Хабаровский край (19,9%). Доля Амурской области, на территории которой расположены Зейская и Бурейская гидроэлектростанции, по показателю отгруженной продукции составила только 10,3%.

Внешняя торговля

Открытость экономики региона, по умолчанию, определяет внешнюю торговлю в качестве фактора экономической динамики последнего. Экспортная деятельность, увеличивая объемы совокупного спроса, расширяя возможности для сбыта продукции, стимулируя развитие производства во внешнем секторе экономики, а также сопряженных с ним видах деятельности, ориентированных на покрытие региональных потребно-

стей, создает тем самым импульсы для регионального роста. Генерация последних со стороны импорта обуславливается удовлетворением рирегиональных потребностей. При этом, с точки зрения модели совокупных расходов, необходимым условием роста ВРП макрорегиона, продуцируемого вышеуказанными импульсами, является превышение объемов экспорта над объемами импорта (положительное значение чистого экспорта)¹.

Суммарный объем экспорта ДФО в 2013–2018 гг. составил 146,5 млрд долл. Основными товарами экспорта являлись минеральные продукты (61,5%), из них топливно-энергетические товары – 95,7% (нефть сырая – 50,6 п. п.; газ природный, сжиженный – 28,3 п. п.), драгоценные камни и металлы (17,1%), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (11,5%), из них рыба и ракообразные – 22% (мороженая рыба – 15,4 п. п., ракообразные – 6,16 п. п.).

В территориальной структуре экспорта макрорегиона основной удельный вес приходился на Республику Корея (29%), Японию (28%), Китай (20,5%).

Суммарный объем импорта ДФО в 2013–2018 гг. составил 46,77 млрд долл. Основными товарными группами импорта являлись: машины, оборудование и аппаратура (34,5%), транспорт (13,4%), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (13,0%), металлы и изделия из них (9,9%).

В территориальной структуре импорта ДФО основную долю занимали Китай (44%), Япония (13%), Республика Корея (10,9%).

Рассматривая экспорт (чистый экспорт) как элемент конечного использования, определяющий динамику ВРП макрорегиона, можно отметить отсутствие в исследуемом периоде единой тенденции во влиянии экспортного спроса. Данное обстоятельство обуславливалось волатильностью валютных курсов, нестабильностью конъюнктуры на внешнем рынке, связанной с введением антироссийских торговых санкций, изменением условий торговли. Так, замедление в 2015 г., темпов роста удельного веса экспорта (чистого экспорта) в ВРП федерального округа обуславливалось резким падением цен на нефть, продолжающейся девальвацией рубля относительно доллара и евро, а также снижением доходов населения и, как следствие, сужением потребительского спроса (*табл. 1.7*). В результате действия указанных шоков стоимостной объем экспорта ДФО уменьшился на 28,2%, импорта – на 44,5% по отношению к 2014 г. (на 27 и 51,4% к 2013 г. соответственно).

¹ Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. М.: ИНФРА-М, 1999; Кругман П.Р. Обстфельд М. Международная экономика. СПб.: Питер, 2003; Белоусова А.В. Региональный вывоз в экономике Хабаровского края: шоки и эффекты / отв. ред. А.П. Горюнов; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2011.

Таблица 1.7

Динамика основных показателей внешней торговли ДФО

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Экспорт, млрд долл.	28,2	28,7	20,6	18,6	22,2	27,8
Средний номинальный курс доллара США к рублю	31,82	37,97	60,66	66,9	58,33	62,54
Средний номинальный курс евро к рублю	42,27	50,46	67,43	74,06	65,78	73,88
Доля экспорта в ВРП, %	31,67	33,91	34,87	33,56	33,39	43,52
Доля чистого экспорта в ВРП, %	18,08	21,39	24,92	23,20	23,93	33,86
Физические объемы экспорта основных товаров						
Нефть сырая, тыс. т	12332,2	12769,3	12785,2	14314,4	14942,1	16605,2
Газ природный, сжиженный, тыс. м ³	26317,5	20472,5	21332,5	24144,8	24340,1	29352,9
Драгоценные камни и металлы, т.	49	37	37	87	70	115
Рыба мороженая, тыс. т	1258,7	1059,3	1097,7	1142,3	1279,9	1363,3
Средние цены на основные товары экспорта, долл. за ед. изм.						
Нефть сырая, 1 т	846,84	827,42	452,59	329,65	398,14	546,58
Газ природный, сжиженный, 1 м ³	209,29	255,93	212,78	119,87	129,98	154,38
Импорт, млрд долл.	12,1	10,6	5,88	5,74	6,29	6,17
Реальные денежные доходы населения (в % к пред. году)	106,2	102,8	98,9	93,5	98,3	н.д.
Дальневосточные субъекты РФ (отношение экспорта в ВРП / отношение чистого экспорта в ВРП)						
Республика Саха (Якутия)	26,42/ 25,42	29,14/ 28,70	30,72/ 29,20	34,61/ 33,85	30,55/ 29,60	н.д.
Камчатский край	14,74/ 12,49	13,56/ 11,30	19,19/ 17,00	19,37/ 16,38	20,26/ 17,06	н.д.
Приморский край	18,38/ -28,39	23,48/ -21,17	22,89/ -7,81	19,69/ -9,16	23,05/ -5,04	н.д.
Хабаровский край	9,63/ 3,69	10,12/ 4,36	11,66/ 6,84	16,49/ 12,02	18,73/ 14,13	н.д.
Амурская область	6,74/ -0,83	6,27/ -1,93	8,72/ 2,66	8,40/ 4,30	6,77/ 2,21	н.д.
Магаданская область	15,36/ -1,03	18,10/ 13,68	15,96/ 13,76	18,74/ 16,56	14,99/ 12,42	н.д.
Сахалинская область	80,57/ 74,89	79,33/ 73,12	83,90/ 75,99	80,41/ 65,17	79,98/ 69,46	н.д.
ЕАО	1,48/ -5,51	2,13/ -4,26	5,08/ -0,48	5,02/ 1,05	13,21/ 9,33	н.д.
ЧАО	6,38/ 5,87	8,83/ 0,51	8,74/ 1,77	9,43/ 4,26	10,54/ 5,69	н.д.

Источник: данные Федеральной таможенной службы России. 2019. URL: <http://dvtu.customs.ru> (дата обращения: 25.07.2019).

Несмотря на прибыльность экспортной деятельности в виду продолжающегося падения курса российской валюты и наращивание физических объемов экспорта, сохраняющаяся неблагоприятная ценовая конъюнктура внешнего рынка относительно основных товаров дальневосточного экспорта обусловила сокращение в 2016 г. вклада последнего в экономический рост: доля экспорта в ВРП макрорегиона уменьшилась на 1,31 п. п., доля чистого экспорта – на 1,72 п. п. по отношению к 2015 г.

Улучшение внешней конъюнктуры в 2017–2018 гг., а именно рост цен на основные экспортные товары, при увеличении объемов их вывоза, обусловили рост стоимостных объемов экспорта ДФО в долларовом выражении (119,4 и 125,2% к предыдущему году соответственно). Однако укрепление курса рубля в 2017 г. выступило ограничением для роста доли экспорта в ВРП макрорегиона: изменение последней по отношению к предыдущему году являлось по-прежнему отрицательной величиной и в абсолютном выражении составило 0,17 п. п (сама величина удельного веса экспорта в ВРП оценивалась в 33,39%). Девальвационные процессы 2018 г. позволили преодолеть данную тенденцию: влияние экспортного спроса начало расти (+10,13 п. п. относительно 2017 г.); при этом каждый рубль агрегатной валовой добавленной стоимости Дальневосточного макрорегиона на 43,5 коп. был обусловлен расходами сектора «заграница».

Колебания курса доллара по отношению к российской валюте, несмотря на продолжающееся сужение внутрирегионального спроса, обеспечили увеличение объемов импорта ДФО в 2017 г. на 550 млн долл. (109,6% к 2016 г.) и снижение достигнутых объемов на 120 млн долл. в 2018 г. (98,1% к 2017 г.). В результате темпы прироста доли чистого экспорта в ВРП макрорегиона в указанных годах составили 3,1 и 41,5% по отношению к предыдущему периоду соответственно.

В целом среднегодовое значение экспортной квоты в ДФО в 2013–2018 гг. оценивалось в 31,2%, импортной квоты – в 24,2%.

В территориальной структуре экспорта ДФО наибольший удельный вес в исследуемом периоде приходился на Сахалинскую область (54,3%), Республику Саха (Якутия) (19,2%), Приморский край (12,8%); в территориальной структуре импорта – на Приморский край (64,2%), Сахалинскую область (17,3%), Хабаровский край (8,0%). При этом, в отличие от макрорегиона в целом, внешнеторговое сальдо дальневосточных субъектов РФ не всегда оценивалось положительной величиной. Так, превышение импорта над экспортом фиксировалось на протяжении всего исследуемого периода в Приморском крае (в 2013 г. на 5151,8 млн долл., в 2018 г. на 671,5 млн долл.). В Амурской, Магаданской областях, Еврейской автономной областях и Чукотском автономном округе отрицательное значение чистого экспорта наблюдалось в отдельные годы (см. табл. 1.7). Таким образом, внешнеторговая деятельность перечисленных регионов в вышеуказанных годах выступала сдерживающим фактором экономического роста ДФО.

Трудовые ресурсы

Согласно постулатам экономической теории трудовые ресурсы выступают одним из основных факторов роста экономики. Под их вкладом в экономический рост или под затратами труда подразумеваются услуги последнего, предоставляемые занятым населением¹.

Для количественного анализа вышеуказанного вклада (при рассмотрении трудовых ресурсов в качестве экстенсивного фактора роста), как правило, используются такие показатели как «среднегодовая численность занятых» («уровень занятости») и «численность безработных» («уровень безработицы»)². Поскольку соответствующие показатели с методологической точки зрения являются «противоположными», их влияние на экономическую динамику трактуется как положительное: в первом случае – при наличии в ряду их значений возрастающей тенденции, во втором – убывающей.

Динамика занятости, исследуемая по показателю «уровень занятости»³, в ДФО в 2013–2018 гг. характеризовалась положительным трендом: в границах исследуемого периода прирост величины соответствующего показателя составил 1,7 п. п. (2013 г. – 65,2%, 2018 г. – 66,9%⁴). При этом среднегодовой темп роста численности занятых в макрорегионе оценивался в 99,23% (табл. 1.8). Сопоставление изменений вышеуказанных относительного и абсолютного показателей свидетельствует о «номинальности» оценок первого при количественной идентификации вклада труда в рост экономики ДФО: увеличение уровня занятости в округе обуславливалось лишь превосходством темпов сокращения численности населения над темпами сокращения численности занятых⁵. Исключением из данной тенденции являлся 2016 г., когда численность занятых макрорегиона по отношению к предыдущему году оценивалась в 100,72% .

Среднегодовые темпы роста занятости в дальневосточных субъектах РФ, как и в случае округа в целом, не превышали 100%-ного рубежа. Наименьшая скорость сокращения объемов трудовых ресурсов фиксировалась в регионах, где их совокупный объем составлял около 70% соответствующего показателя ДФО (см. табл. 1.8): Приморском крае (удельный вес в численности занятых ДФО – 30,40%; среднегодовой темп

¹ Власюк Л.И., Редько В.В. Факторы роста экономики Дальнего Востока в 2000–2007 гг. // *Пространственная экономика*. 2010. № 4.

² Мун Д.Е. Оценивание интенсивных факторов экономического роста Хабаровского края // *Пространственная экономика*. 2007. № 1; Власюк Л.И., Редько В.В. Факторы роста экономики Дальнего Востока в 2000–2007 гг. // *Пространственная экономика*. 2010. № 4; Прокапало О.М., Бардаль А.Б., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2018 г. // *Пространственная экономика*. 2019. № 2.

³ Отношение численности занятого населения определенной возрастной группы к общей численности населения соответствующей возрастной группы, в процентах

⁴ Исследуемая возрастная группа – 15–72 лет.

⁵ Вклад трудовых ресурсов в рост экономики может быть оценен посредством уровня занятости в том случае, если соответствующий показатель демонстрирует положительную динамику при не сокращении численности занятого населения

изменения занятости – 99,97%), Хабаровском крае (21,90; 99,29%), Республике Саха (Якутия) (14,98; 99,36%)¹. Наибольшие потери в численности занятых отмечались в таких субъектах РФ как: Амурская область (–9,16%), Сахалинская область (–8,92%), Чукотский автономный округ (–8,21%). При этом максимальный вклад в сокращение численности занятых федерального округа (–137,25 тыс. чел.) внесли: Амурская область (39,0%), Хабаровский край (31,7%), Сахалинская область (25,6%).

Таблица 1.8

Основные показатели динамики трудовых ресурсов ДФО за период 2013–2018 гг., %

Территория	Занятость			Безработица					
	средне-годовая структура	средне-годовой темп роста	темпы прироста (2018 / 2013)	средне-годовая структура		средне-годовой темпы роста		темпы прироста (2018 / 2013)	
ДФО	100	99,23	–4,18	100*	100**	95,68*	91,71**	–21,73*	–32,04**
Республика Саха (Якутия)	14,98	99,36	–3,63	17,93	18,87	97,68	98,64	–7,22	–2,51
Камчатский край	5,39	98,56	–8,52	4,50	5,92	96,44	93,04	–18,52	–18,94
Приморский край	30,40	99,97	0,23	32,62	25,98	95,68	88,99	–26,25	–43,08
Хабаровский край	21,90	99,29	–4,34	18,42	16,05	91,14	84,83	–35,31	–55,52
Амурская область	12,53	98,24	–9,16	12,00	23,44	99,9	93,80	–11,67	–23,37
Магаданская область	2,79	98,99	–4,40	1,92	2,85	104,49	94,92	57,14	–10,00
Сахалинская область	8,77	98,46	–8,92	8,69	3,51	93,69	92,11	–27,80	–32,80
ЕАО	2,25	98,94	–4,52	3,38	1,87	95,38	97,23	–23,29	–15,50
ЧАО	0,99	98,13	–8,21	0,54	1,51	92,70	97,38	–25,00	–14,75

Примечание: * – методология МОТ; ** – регистрация в государственной службе занятости).

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013–2018 / ФСГС. 2019.

Анализ распределения численности занятых по видам экономической деятельности в ДФО показывает ее наибольшую концентрацию в сфере услуг: в оптовой и розничной торговле, ремонте автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (17,4%), транспортировке и хранении, деятельности в

¹ Значения J_R-критерия, оценивающего изменения в территориальной структуре занятости, в ДФО в 2013–2018 гг. не превышали 0,01. Данные оценки свидетельствуют об устойчивости распределения занятости по дальневосточным субъектам РФ в исследуемом периоде.

области информации и связи (10,27%), образовании (8,8%). В сфере производства – сосредоточение трудовых ресурсов в основной своей массе (без учета реализации кратко- и среднесрочных инвестиционных проектов) происходило в отраслях специализации – «локомотивах» экономической динамики регионов. Так, в Республике Саха (Якутия), Магаданской области, Чукотском автономном округе наибольший удельный вес занятых приходился на добычу полезных ископаемых (9,57; 11,80; 17,75% соответственно), Камчатском крае, Амурской области, Еврейской автономной области – на сельское хозяйство, охоту и лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство (11,58; 9,57; 10,47%), Приморском, Хабаровском краях, Сахалинской области – на обрабатывающие производства (10,60; 11,03; 6,87%).

Одним из факторов, оказывающих влияние как на отраслевую структуру, так и на региональный уровень занятости, выступает заработная плата. Последняя, являясь денежной формой выражения стоимости услуг труда, служит не только одним из параметров управления объемом трудовых ресурсов как фактором производства, но и рассматривается в качестве компоненты ВРП, исчисленного как сумма первичных доходов, распределяемых между непосредственными участниками производственного процесса. Кроме того, заработная плата, влияя на формирование платежеспособного спроса на потребительском рынке, согласно модели совокупных расходов, определяет объем конечного потребления домашних хозяйств, которое, в свою очередь, также является аддитивной компонентой ВРП.

В 2013–2018 гг. размер заработной платы в сервисных видах экономической деятельности Дальневосточного макрорегиона, характеризующихся наибольшей концентрацией численности занятых, превосходил размер заработной платы в среднем по экономике только в транспортировке и хранении, деятельности в области информации и связи (на 14% в среднем за период). В торговле и образовании «отставание» заработной платы от средней по экономике оценивалось в 42,4 и 19,5% соответственно. Между тем, во всех трех видах деятельности в исследуемом периоде наблюдалось наименьшее падение стоимости услуг труда: среднегодовые темпы роста последней составили 97,6, 99,34 и 97,87% соответственно (наибольшее падение заработной платы было зафиксировано в государственном управлении: среднегодовой темп роста оценивался в 94%).

В сфере производства ДФО во всех видах экономической деятельности, характеризующихся на исследуемом периоде наибольшей концентрацией численности занятых, среднегодовые темпы роста заработной платы превышали 100%-ый рубеж: сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство – 106,41%, добыча полезных ископаемых – 101,16%, обрабатывающие производства – 100,69%. Превосходство стоимости услуг труда над средней по экономике наблюдалось в добыче полезных ископаемых (в 2,02 раза в среднем за период). В видах деятельности, соответствующих разделам А и С ОКВЭД 2, заработная плата отставала от средней по экономике на 8,8% и 15,4% соответственно.

Среднегодовой темп роста численности безработных в ДФО, оцененной по методологии МОТ на основе данных выборочных обследований рабочей силы, в 2013–2018 гг. оценивался в 95,7%. Темп прироста безработицы за указанный период составил –21,7% (см. *табл. 1.8*).

Наибольший удельный вес в территориальной структуре безработицы федерального округа, как и в случае занятости, приходился на регионы с наибольшей численностью населения: Приморский край (32,62%), Хабаровский край (18,42%), Республику Саха (Якутия) (17,93%).

Почти во всех дальневосточных субъектах РФ, за исключением Магаданской области, среднегодовые темпы роста численности безработных демонстрировали сокращение последней (см. *табл. 1.8*). Наибольшие по абсолютному значению темпы прироста безработицы фиксировались в Хабаровском крае (–35,31%), Сахалинской области (–27,80%), Приморском крае (–26,25%). Перечисленные регионы также внесли максимальный вклад в уменьшение численности безработных в целом по макрорегиону (–48,6 тыс. чел.): 30,66; 11,73; 40,95% соответственно.

Данные о безработице, приводимые государственной службой занятости, в целом не противоречат данным выборочных обследований рабочей силы (см. *табл. 1.8*). Исключение составляет среднегодовой темп роста численности безработных в Магаданской области (94,92% против 104,5%). Помимо этого, в территориальной структуре безработицы ДФО к регионам-«лидерам», помимо Республики Саха (Якутия) (18,87%), Приморского (25,98%) и Хабаровского (16,05%) краев, добавляется также и Амурская область (23,44%).

Проведенный выше анализ позволяет перейти к исследованию динамики уровня безработицы¹ в ДФО, расчет значений которого осуществляется на основе суммарной оценки количества лиц, считающихся занятыми и безработными (последняя определяет численность рабочей силы).

Динамика уровня безработицы в ДФО в 2013–2018 гг. характеризовалась убывающим трендом: изменение соответствующего показателя за указанный период составило –1,2 п. п. (2013 г. – 6,5%, 2018 г. – 5,3%). Поскольку уровень безработицы, как и рассматриваемый ранее уровень занятости, является относительной величиной, его использование для оценки вклада трудовых ресурсов в рост экономики возможно только при выполнении следующих условий: уменьшении значений показателя при не сокращении (росте или постоянстве) численности рабочей силы.

Между тем, в 2013–2018 гг. среднегодовой темп роста численности рабочей силы Дальневосточного макрорегиона оценивался в 99,4%; темп прироста соответствующего показателя в границах периода составил –3,23%. Приведенные оценки являются основанием для отнесения уровня безработицы (как и уровня занятости) к числу показате-

¹ Отношение численности безработных определенной возрастной группы к численности рабочей силы соответствующей возрастной группы, в процентах

лей, не позволяющих получить реальные оценки вклада трудовых ресурсов в рост экономики ДФО: уменьшение значений уровня безработицы в макрорегионе в исследуемом периоде обуславливалось лишь превышением темпов сокращения численности безработных над темпами сокращения рабочей силы.

Совместный анализ динамики безработицы и рабочей силы в ДФО показывает, что в исследуемом периоде сокращение численности безработных не сопровождалось увеличением численности занятых (первые не приобретали «статус» вторых), а, следовательно, уменьшение безработицы не способствовало формированию импульсов, в виде дополнительных объемов услуг труда, для роста дальневосточной экономики¹.

При этом существование возможностей для указанного роста доказывает анализ потребностей организаций в работниках: спрос на труд в отдельные годы превышал его предложение². Так, по данным государственной службы занятости населения, в 2014 г. количество открытых вакансий составляло 100,3% по отношению к численности зарегистрированных безработных, в 2018 г. – 113,7%³.

Таким образом, вышеприведенный анализ динамики трудовых ресурсов в ДФО в 2013–2018 гг. показал, что в указанный период соответствующий фактор производства не оказывал влияния на экономику макрорегиона за счет своего экстенсивного роста. Между тем, среднегодовое значение индекса производительности труда в ДФО – 101,1% – дает основание рассматривать трудовые ресурсы как интенсивный фактор регионального роста в 2014–2018 гг. (за исключением 2017 г.) и «компенсационный» (позволяющий избежать еще большего падения валового регионального продукта) в 2013 г. и 2017 г.

Инвестиции в основной капитал

Рост экономики региона представляет собой результирующую динамических сил, действующих как со стороны спроса, так и со стороны предложения регионального выпуска. Он определяется траекториями переменных, экзогенных по отношению к региону, динамическими свойствами самой региональной экономики, а также динамикой факторов производства. Инвестиции являются одним из главных факторов экономического роста.

В 2018 г. объем инвестиций в основной капитал в ДФО составил 1256 млрд руб.⁴ По этому показателю он опережает только Северо-Кавказский федеральный округ

¹ Возможными причинами уменьшения численности рабочей силы ДФО являются: старение населения («выход» за пределы трудового возраста), переселение в другие регионы с целью трудоустройства и т. д. При этом доказательство правомерности каждой из соответствующих причин требует дополнительного анализа статистических данных по демографической ситуации, миграционным потокам, трудовой миграции и т. д.

² Одним из возможных объяснений данного положения дел является структурный характер безработицы.

³ Основные показатели социально-экономического положения регионов ДФО в 2018 г. Ч. 1. Хабаровск, 2019.

⁴ По полному кругу предприятий, без учета Республики Бурятия и Забайкальского края.

(551 млрд руб.), и несколько уступает Южному (1406 млрд руб.) и Сибирскому (1574 млрд руб.) федеральным округам. Динамика инвестиций в период 2013–2018 гг. характеризуется разнонаправленными тенденциями. Спад инвестиционной активности, начавшийся в 2012 г. после завершения строительства некоторых крупных объектов (нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан», объектов саммита АТЭС-2012 г. во Владивостоке), завершился в 2016 г. (рис. 1.4).

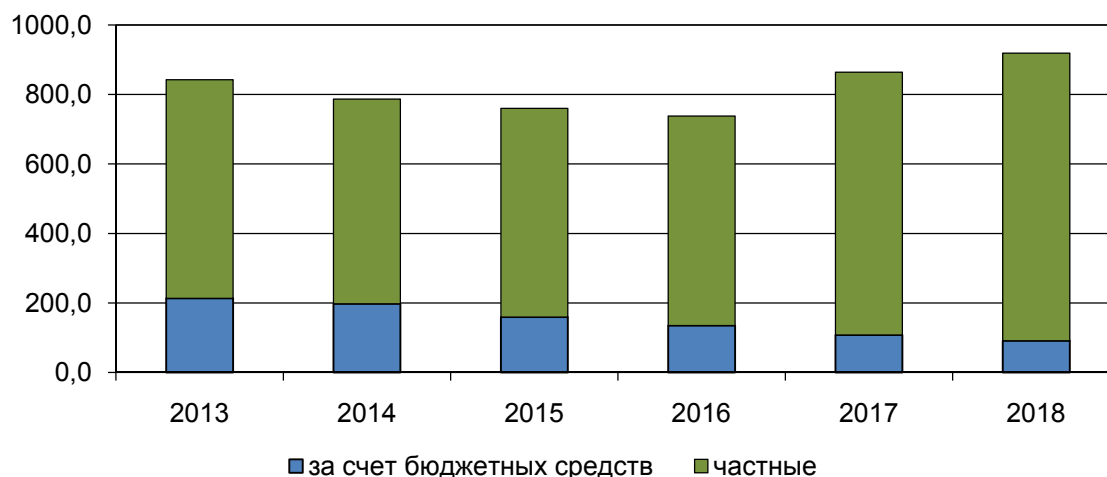

Рис. 1.4. Инвестиции в основной капитал в ДФО, млрд руб. (в ценах 2013 г.)

Инвестиционный спад в немалой степени был обусловлен сокращением государственных (бюджетных) капиталовложений в регион. Так, в 2018 г. объем бюджетных инвестиций в сопоставимых ценах составил лишь 42% от уровня 2013 г.

В 2017 г. после длительного спада был отмечен рост инвестиций в основной капитал на 17% в целом по округу. Однако этот рост обеспечен лишь за счет ограниченного числа регионов округа: Амурской области, Республики Саха (Якутия), Сахалинской и Магаданской областей, в которых реализуются крупные ресурсные проекты, а также масштабные проекты национальных компаний¹. Объем инвестиций в других регионах округа продолжил тенденцию к снижению. В Республике Саха (Якутии) и Сахалинской области основной объем инвестиций обеспечивается проектами в нефтегазодобывающей отрасли. В Амурской области центрами притяжения инвестиций являются объекты, связанные со строительством космодрома «Восточный», Амурского газоперерабатывающего завода. В Магаданской области рост инвестиций также связан с реализацией проектов в добывающем секторе экономики. В Приморском и Хабаровском краях, обладающими наиболее диверсифицированной структурой промышленности в ДФО, спад продолжался до 2018 г. (табл. 1.9).

В целом за весь исследуемый период рост инвестиций наблюдался только в трех субъектах РФ – традиционных лидерах экономики ДФО, Республике Саха (Якутия)

¹ Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2017 году // Пространственная экономика. 2018. № 2.

(163,6%), Сахалинской (107,8%) и Амурской областях (163%). Напротив, в центрах обрабатывающей промышленности округа – Приморском и Хабаровском краях, сокращение инвестиций составило 33 и 43% соответственно. Самое существенное снижение инвестиций зафиксировано в Чукотском автономном округе – 59,7%. В совокупности же по ДФО отмечается рост инвестиций за 2013–2018 гг. на 9,1%.

Таблица 1.9

Инвестиции в основной капитал по регионам ДФО, млрд руб., в ценах 2013 г.

Территория	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2018 в % к 2013
Республика Саха (Якутия)	193,9	178,0	178,6	230,0	311,4	317,3	163,6
Камчатский край	32,7	22,7	20,7	27,6	27,0	24,9	76,1
Приморский край	123,1	131,4	103,4	85,6	81,1	82,5	67,0
Хабаровский край	150,1	124,9	93,5	87,7	83,6	85,6	57,0
Амурская область	102,0	73,9	96,8	110,6	151,0	166,3	163,0
Магаданская область	37,9	37,9	47,7	29,2	30,6	35,0	92,3
Сахалинская область	175,6	199,7	199,3	161,8	189,8	189,3	107,8
ЕАО	14,3	10,1	12,3	12,4	9,2	13,0	90,6
ЧАО	12,8	8,2	7,4	4,7	4,4	5,2	40,3
ДФО	842,4	786,8	760,1	738,0	864,2	919,0	109,1

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 / ФСГС. 2019.

Дальний Восток в XXI в. превратился в регион, специализирующийся на добыче углеводородных ресурсов, экспорте и транзите полезных ископаемых. Инвестиции в основной капитал направляются главным образом в наиболее рентабельные добывающий сектор и транспортную инфраструктуру (рис. 1.5). Добыча полезных ископаемых – наиболее стабильно развивающаяся сфера экономики ДФО, инвестиции в которой демонстрируют устойчивый рост. В 2018 г. 45% инвестиций в отрасль территориально приходилось на Республику Саха (Якутия), 37,7% – на Сахалинскую область. Вторая по значимости инвестиционно-емкая отрасль экономики ДФО – транспорт и связь. В структуре инвестиций 2018 г. на нее приходилось 25,8% от всего объема капиталовложений. Ввиду продолжающегося строительства газопровода «Сила Сибири», в 2018 г. наибольший удельный вес транспортных инвестиций пришелся на Республику Саха (Якутия) (38%) и Амурскую область (32%).

Развивается кризис в обрабатывающей промышленности – основной отрасли специализации южной зоны Дальнего Востока. За период 2013–2018 гг. объем инвестиций в нее снизился на 41,3%. Наибольшее сокращение пришлось на Хабаровский край, где уровень инвестиций в обрабатывающую промышленность неуклонно снижался и в 2018 г. составил всего 23,3% от уровня 2013 г. Напротив, в Приморском крае наблюдался рост капиталовложений в отрасль на 37%. Примечательно, что к 2018 г. лидером в ДФО по объему инвестиций в обрабатывающую промышленность стала Амурская

область, где идет строительство газоперерабатывающего завода. Так, если в 2013 г. на Приморский и Хабаровский края в совокупности приходилось более 93% инвестиций в обрабатывающую промышленность Дальнего Востока, то в 2017 г. доля Амурской области составляла более 40%.

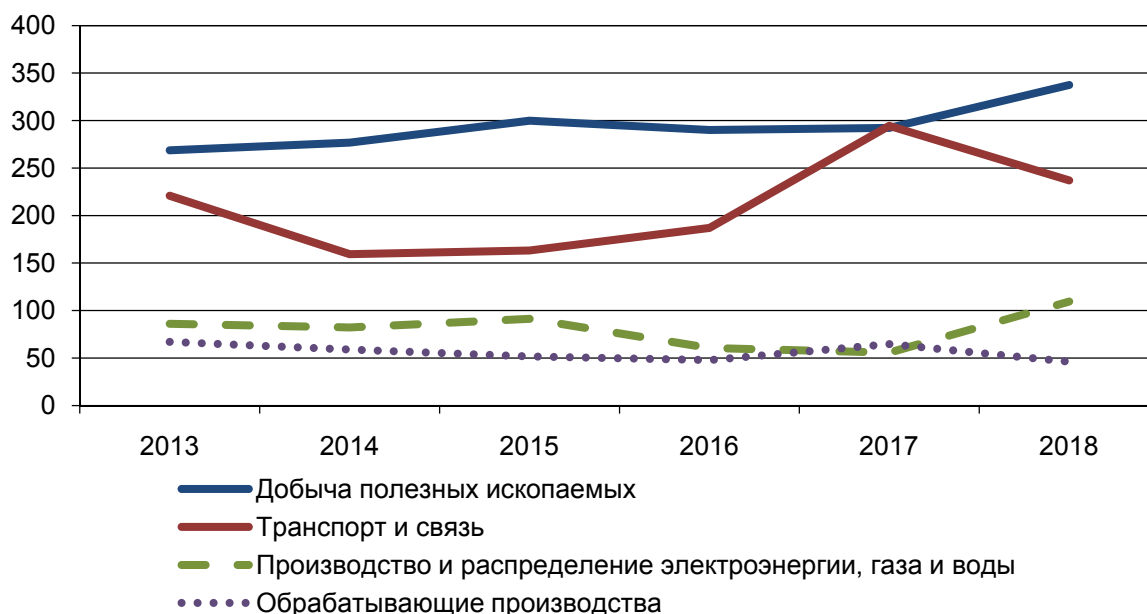

Рис. 1.5. Инвестиции в основной капитал в ДФО, млрд руб., в ценах 2013 г.

Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики возлагает большие надежды на территории опережающего развития (ТОР) как главный драйвер инвестиций в производство на Дальнем Востоке. Изначально объявлялось, что объем заявленных инвестиций в проекты в ТОР составляют более триллиона рублей. По данным Корпорации развития Дальнего Востока, по состоянию на конец 2018 г. в рамках ТОР и СПВ фактический объем инвестиций в основной капитал составил 325,8 млрд руб. Это составляет 8,8% от объема всех частных инвестиций в период 2015–2018 гг. в экономику ДФО.

Учитывая вышеназванные тенденции в распределении и динамике капиталовложений в макрорегион, можно ли считать последние драйвером долгосрочного экономического роста? Из вышесказанного следует, что основная часть инвестиционных потоков в 2013–2018 гг. (как и в предшествующие годы) приходилась на объекты транспортной и энергетической инфраструктуры, слабо связанной непосредственно с производственным комплексом самого Дальнего Востока, а также на ресурсодобывающие сектора, имеющие низкий уровень локализации экономических эффектов. Норма накопления (отношение объема инвестиций к ВРП) в 2013 г. составила 29,7%, к 2015 г. снизилась до 25%, но в 2017 г. снова выросла до 31,4%. Это значительно меньше пикового уровня 2011 г., когда норма накопления составляла рекордные 41%.

Несмотря на довольно высокую норму накопления (в сравнении с уровнем развитых стран), это не явилось гарантией высоких темпов роста экономики ДФО. Но в дан-

ном процессе не последнюю роль играет технологическая структура инвестиций. Во-первых, отраслевая структура инвестиций, как показано выше, не генерирует существенный мультипликативный эффект по отношению к темпам роста экономики макро-региона. Во-вторых, инвестиции в машины и оборудование в 2015 г. составляли менее 40% от общего объема инвестиций. При этом немалая их часть идет на возмещение выбывающего оборудования. Такая картина слабо увязывается с задачами ускоренного роста ДФО в средне- и долгосрочной перспективе. Для перелома негативной тенденции необходимо изменение структуры капиталовложений в пользу секторов с высокой добавленной стоимостью.

Крупные инвестиционные проекты

В конце 2011 г. основан Фонд развития Дальнего Востока с целью реализации крупных инвестиционных проектов, главным образом в сфере инфраструктуры, а также проектов, имеющих значительный мультипликативный эффект. По состоянию на 2019 г. при поддержке Фонда реализуются следующие инфраструктурные проекты¹:

- Строительство трансграничного мостового железнодорожного перехода через р. Амур в Еврейской автономной области. Проект реализуется в рамках межправительственного соглашения между Россией и Китаем. Общая стоимость проекта – 10 млрд руб. Объем перевозок по нему должен составлять 21 млн т, в основном, полезных ископаемых. Этот мост станет третьим железнодорожным мостом между Россией и Китаем (два других находятся в Приморском и Забайкальском краях), который соединит Транссибирскую магистраль с Северо-восточной железнодорожной сетью Китая.

- Строительство на Сахалине электростанции ГРЭС-2 установленной мощностью 120 МВт. Электростанция строится для замещения действующей ГРЭС, которая полностью выработала свой ресурс. Общая стоимость проекта составляет 46,3 млрд руб.

- Строительство жилья для сотрудников Судостроительного комплекса «Звезда». Ожидается, что численность занятых на верфи увеличится на 7,4 тысячи человек. Общий объем инвестиций составляет 11 млрд руб.

- Строительство нового аэропорта в г. Хабаровске с прилегающей инфраструктурой. Данный проект также реализуется в рамках ТОР «Хабаровск». Общий объем инвестиций – 4,9 млрд руб. В конце 2018 г. в проект вошел консорциум японских компаний Sojitz Corporation.

Другим крупным инфраструктурным проектом, имеющим международное значение, является строительство автодорожного моста Благовещенск – Хэйхэ (Китай) через р. Амур. Строительство началось в конце 2016 г. Россия вкладывает в это строительство 14 млрд руб, Китай – 5,2 млрд руб.² Данный проект является коммерческим, с при-

¹ Инвестиционные проекты / Фонд развития Дальнего Востока. 2019.

² Мост Благовещенск – Хэйхэ введут в эксплуатацию весной 2020 года // РИА Новости. 2019. 18 января.

влечением частного капитала. Обслуживание моста по условиям концессионного соглашения будет осуществляться в течение 16 лет совместной российско-китайской компанией.

Также при поддержке Фонда реализуются проекты в сфере производства:

- Строительство горно-обогатительного комплекса «Инаглинский» в Республике Саха (Якутия). Комплекс строится в рамках проекта развития угледобывающего кластера на базе Чульмаканского и Денисовского месторождений в ТОР «Южная Якутия». Объем инвестиций составляет 57 млрд руб. Более глобальный проект предполагает строительство угольного терминала в бухте Мучке (район морского порта Ванино, Хабаровский край). Общий предполагаемый объем инвестиций составит 75 млрд руб.

- Строительство свиноводческого комплекса в Приморском крае в сельскохозяйственном ТОР «Михайловская». Проект реализуется в партнерстве с компанией «Русагро». Мощность комплекса составит 77 тыс. т в год. Общая стоимость инвестиционного проекта составляет 29,5 млрд руб.

Крупнейшим инвестиционным проектом в сфере обрабатывающей промышленности на Дальнем Востоке в настоящее время является Амурский газоперерабатывающий завод в г. Свободный (Амурская область, ТОР «Свободный»). Его проектная мощность составит 42 млрд кубометров газа в год при занятости 3 тысячи человек. Наряду с заводом строятся также и сопутствующие инфраструктурные объекты – железнодорожные пути и причал на р. Зея. Завод будет являться частью технологической цепочки поставок природного газа в Китай в рамках проекта «Сила Сибири». Общий объем инвестиций составляет беспрецедентные для одного промышленного предприятия Дальнего Востока 950 млрд руб.

Продолжается строительство новой верфи Судостроительного комплекса «Звезда» (г. Большой Камень, Приморский край). Запуск первой очереди верфи состоялся в 2016 г. В 2018 г. начались работы по сооружению второй очереди. Строительство верфи оценивается в 202 млрд руб. Основной вид продукции – суда и морская техника для реализации проектов по добыче углеводородов на континентальном шельфе.

Еще одним крупным проектом является завод по производству минеральных удобрений в Находке (Приморский край) мощностью 1,8 млн т метанола и 1,8 т аммиака в год. Объем инвестиций – 290 млрд руб. Ресурсная база – трубопроводная система Газпрома от газовых месторождений Сахалина. Рынок сбыта – страны АТР. На юге Приморского края «Роснефтью» планировался к осуществлению крупный проект по строительству нефтеперерабатывающего завода мощностью 12 млн т нефти и стоимостью почти 800 млрд руб. Для этой цели создан ТОР «Нефтехимический». Однако в мае 2019 г. было объявлено об отказе от реализации данного проекта.

Попутно со строительством газоперерабатывающего завода, с 2018 г. прорабатывается проект строительствагазохимического комплекса в Амурской области (ТОР «Свободный»), мощностью 1,5 млн т этилена в год с дальнейшей переработкой в поли-

этилен. Основным сырьем будет выступать этан со строящегося газоперерабатывающего завода. Еще одним проектом на базе газопровода «Сила Сибири» является завод по производству метанола в ТОР «Свободный» мощностью 1,2 млн т в год. Потенциальные рынки сбыта продукции – северо-восточные провинции Китая, Япония, Южная Корея.

Рынок сжиженного природного газа – один из самых быстрорастущих сегментов мировой энергетики. Газпром планирует начать в 2020 г. строительство завода «Владивосток-СПГ» мощностью 1,5 млн т. «Роснефть» совместно с Exxon также ведет подготовку к реализации проекта по строительству завода СПГ в Хабаровском крае, поставка газа на который планируется с проекта «Сахалин-1».

Таким образом, можно отметить, что инвестиционный вектор Дальнего Востока несколько изменил свое направление от ресурсных и транспортных проектов в сторону первичной и более глубокой переработки углеводородных ресурсов, добываемых в ДФО, либо проходящих транзитом по его территории. Почти все эти новые проекты реализуются крупнейшими национальными компаниями в рамках специальных режимов ТОР. Последние, в некоторых случаях, создаются под конкретных якорных инвесторов, что позволяет заявлять о триллионах рублей привлеченных инвестиций на Дальний Восток в рамках новых институциональных режимов.

РАЗДЕЛ 2

НАСЕЛЕНИЕ И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ

2.1. ДЕМОГРАФИЯ И МИГРАЦИЯ

Анализ современного состояния и размещения населения в Дальневосточном федеральном округе (ДФО)¹ говорит о большой неравномерности в динамике и размещении населения (*табл. 2.1*).

Таблица 2.1

Размещение населения в ДФО

Территория	Площадь территории, км ²		Численность населения, тыс. чел.*	
	тыс. км ²	% к итогу	2014	2019
ДФО	6169,3	100,0	6211,0	6140,3
Республика Саха (Якутия)	3083,5	50,0	956,9	967,5
Камчатский край	464,3	7,5	317,2	314,9
Приморский край	164,7	2,7	1933,3	1903,3
Хабаровский край	787,6	12,8	1338,3	1321,4
Амурская область	361,9	5,9	809,9	793,6
Магаданская область	462,5	7,5	148,1	141,0
Сахалинская область	87,1	1,4	488,4	489,4
ЕАО	36,3	0,6	168,4	160,0

Примечание: * на 01.01. соответствующего года.

Источники: Дальневосточный федеральный округ. 2017 / Хабаровскстат. Хабаровск, 2018. С. 16, 24; Численность, состав и движение населения в Российской Федерации / Госкомстат России. М., 1992. С. 13; Численность населения РФ на 1 января 2019 года // Реальное время. 2019.

За период 2014–2018 гг. численность населения на ДФО уменьшилась на 70,7 тыс. чел., то есть ежегодное уменьшение составляет более чем 14 тыс. чел. Каковы причины сокращения численности населения в регионе и есть ли возможность достижения показателей, предусмотренных в Концепции демографической политики Даль-

¹ Территория Дальнего Востока рассматривается в административных границах на начало 2018 г. (без включенных в него в 2018 г. Республики Бурятия и Забайкальского края).

него Востока на период до 2025 г.¹? Сложившаяся реальность такова, что современный характер естественного воспроизводства населения и миграционных процессов за последние пять лет не вызывают оптимизма в решении демографических проблем в ДФО (табл. 2.2).

Таблица 2.2

Рождаемость, смертность и естественный прирост по регионам ДФО*

Территория	2014			2018		
	родившиеся	умершие	естественный прирост	родившиеся	умершие	естественный прирост
ДФО	87635/14,1	78301/12,6	9334/1,5	70399/11,6	74812/11,9	-4413/-0,3
Республика Саха (Якутия)	17074/17,8	8239/8,6	8835/9,2	13033/13,5	7546/7,8	5487/5,7
Камчатский край	4221/13,2	3684/11,5	537/1,7	3455/11,0	3540/11,2	-85/-0,2
Приморский край	24834/12,8	26011/13,4	-1177/-0,6	20021/10,5	25698/13,5	-5677/-3,0
Хабаровский край	18804/14,0	17852/13,3	952/0,7	15086/11,4	16861/12,7	-1775/-1,3
Амурская область	11159/13,8	11263/13,8	-104/-0,1	8889/11,1	10616/13,3	-1727/-2,2
Магаданская область	1838/12,2	1788/11,9	50/0,3	1380/10,0	1632/11,3	-252/-1,7
Сахалинская область	6675/13,6	6387/13,0	288/0,6	6029/12,3	6186/12,6	-157/-0,3
ЕАО	2356/13,8	2536/14,9	-180/-1,1	1885/11,6	2184/13,5	-299/-1,9
ЧАО	674/13,3	541/10,7	133/2,6	621/12,6	549/11,1	72/1,5

Примечание: * в числителе – человек, в знаменателе – коэффициенты (на 1000 чел. населения).

Источники: Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь – декабрь 2014 года / ФСГС. 2015; Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь-декабрь 2018 года / ФСГС. 2019.

Естественное движение в целом по ДФО в период 2014–2018 гг. выступало одним из источников сокращения численности населения, несмотря на то, что в период 2012–2016 гг. наблюдалось превышение рождаемости над смертностью. В 2014 г. коэффициент естественного прироста поднимался до 1,5%. В общем положительном естественном приросте населения в России в 2014 г. (33 688 чел.) на долю Дальнего Востока пришлось 27,7%. Но эти положительные тенденции не были закреплены. Наблю-

¹ Утверждена Правительством РФ от 20.06.2017 г. № 1298-р. В соответствии с Концепцией, на Дальнем Востоке численность населения в 2025 г. должна составить 6,5 млн чел., а продолжительность жизни увеличиться до 74 лет.

далась вариативность динамики естественного воспроизводства населения по регионам ДФО: общий положительный естественный прирост в 2014 г. обеспечили Республика Саха (Якутия), Камчатский и Хабаровский края, Магаданская и Сахалинская области и ЧАО. Постоянно со знаком минус в этом процессе идут Приморский край и ЕАО. К 2016 г. естественный прирост практически вернулся к уровню 2012 г. – 0,88‰ (0,89‰ в 2012 г.), а в 2018 г. стал отрицательным (–4413 чел. – 0,3‰), положительные значения сохранились только в Республике Саха (Якутия) и ЧАО. Стабилизации естественного воспроизводства населения в макрорегионе в ближайшем будущем не ожидается. Следовательно, перспектив в этом плане не столь оптимистичны¹. При регрессивном характере естественного движения, то есть при сохранении уменьшающихся показателей рождаемости, и существующих показателях смертности увеличение численности населения для Дальневосточного макрорегиона за счет естественного воспроизводства остается «демографической мечтой» (табл. 2.3).

Таблица 2.3

Демографические показатели ДФО

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2020**	2025**
Родившиеся, тыс. чел.	76,8	86,5	82,6	74,6	70,4	68,3	62,9
Умершие, тыс. чел.	68,5	77,4	77,5	74,9	74,8	74,4	73,8
Естественный прирост (убыль), тыс. чел.	9,3	8,1	5,0	–0,3	–4,4	–6,1	–10,9
Коэффициент рождаемости ‰	14,0	13,9	13,3	12,1	11,6	11,1	10,4
Коэффициент смертности ‰	12,6	12,6	12,5	12,1	11,9	12,1	12,2
ОПЖ, лет*	68,2	68,7	69,2	70,1	70,4	70,72	72,43

Примечание: *ОПЖ – ожидаемая продолжительность жизни при рождении, оба пола; ** – средний вариант прогноза.

Источники: Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь – декабрь 2014 года / ФСГС. 2015; Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь – декабрь 2018 года / ФСГС. 2019; Дальневосточный федеральный округ. 2017 / Хабаровскстат. Хабаровск, 2018. С. 28–30; Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 г. / ФСГС. 2019; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 / ФСГС. 2018. С. 62, 64, 76.

Приведенные данные (табл. 2.2, 2.3) свидетельствуют о том, что действительно рассчитывать в перспективе на прирост численности населения на Дальнем Востоке за счет естественного воспроизводства весьма затруднительно, поскольку, во-первых, общество не может балансировать даже на уровне простого воспроизводства населения при стабильно уменьшающемся коэффициенте рождаемости (11,6‰ в 2018 г. и 10,4 ‰

¹ Демографическое настоящее и будущее России / под ред. В.Ф. Колбанова, Л.Л. Рыбаковского. М.: Экон-информ, 2012. С. 412.

в 2025 г.) и высоком коэффициенте смертности (11,9‰ в 2018 г. и 12,2 ‰ в 2025 г.). Более того, итоги естественного движения населения за первые три месяца 2019 г. свидетельствуют, что Дальний Восток движется к демографической яме очень быстро (табл. 2.4).

Таблица 2.4

**Коэффициенты рождаемости, смертности
и естественного прироста населения ДФО в январе – марте 2019 г.**

Территория	На 1000 чел. населения		
	родившихся	умерших	естественный прирост
Республика Саха (Якутия)	12,9	7,8	5,1
Камчатский край	10,0	11,6	-1,6
Приморский край	9,7	14,8	-5,1
Хабаровский край	10,9	14,5	-3,6
Амурская область	9,8	15,1	-5,3
Магаданская область	9,4	12,4	-3,0
Сахалинская область	10,7	13,1	-2,4
ЕАО	11,3	15,4	-4,1
ЧАО	10,6	9,8	0,8

Источник: Коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста, браков, разводов за январь – март 2019 г. // Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь – декабрь 2018 года / ФСГС. 2019.

Безусловным приоритетом для Дальнего Востока является повышение рождаемости, увеличение продолжительности жизни. В дальневосточных субъектах РФ намечаются и реализуются планы для устойчивого повышения рождаемости и продолжительности жизни. Что удерживает семью от рождения ребенка? Одним из факторов является сокращение доходов в семье во время нахождения матери в декретном отпуске. В настоящее время предоставляются определенные пособия при рождении ребенка, но этого недостаточно. Для желающих начать трудовую деятельность раньше предусмотренных законодательством периода по уходу за ребенком необходимо развивать систему яслей и систему гибкой занятости. Кроме того, по мнению экспертов¹, было бы целесообразно увеличить период сохранения статуса многодетной семьи до достижения 16-летия младшим ребенком. Безусловно, все необходимые меры по улучшению демографии только за счет регионов не получится, обязательно нужна помощь федеральных властей². В послании Президента В.В. Путина федеральному собранию в феврале 2019 г. сделан акцент на необходимость решения проблем внутреннего социального и эко-

¹ Обсуждение состоялось в рамках III Всероссийской конференции «Демографическое развитие Дальнего Востока» (г. Благовещенск, 2017 г.)

² На Дальний Восток будут заманивать льготами и гектарами // Амурская правда. 2017. 9 июня.

номического развития – улучшения демографической ситуации, борьбы с бедностью, развития медицины и т. д. Одна из ключевых задач – сбережение народа, всемерная поддержка семьи.

В настоящее время Дальний Восток занимает худшие позиции в рейтинге по продолжительности жизни. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России в 2018 г. – 72,9 года, а на Дальнем Востоке – 70,4 года. По среднему варианту прогноза в России продолжительность жизни, как предполагается, достигнет к 2025 г. 75,3 года, к 2030 г. – 76,4 года; на Дальнем Востоке в целом соответственно 72,4 и 73,5 года¹. Сравнение этих показателей демонстрирует дальнейшее отставание дальневосточников по продолжительности жизни. Этот факт говорит о необходимости региональной поправки в пенсионный кодекс РФ. Здесь также стоит заметить еще одну проблему – необходимость сохранения индексации пенсии для работающих пенсионеров на Дальнем Востоке. Это позволит не только повысить уровень жизни старшего поколения, но и способствовать их закреплению (сохранению) на рынке труда в условиях нарастающего дефицита кадров. Неработающим пенсионерам в 2016 г. пенсия повысилась на 4,0%, в 2017 г. – на 5,8%, в 2018 г. – на 3,7%, в 2019 г. – на 7,05%, то в итоге их пенсия увеличилась на 3 тыс. У тех, кто официально работал, пенсия не росла (за исключением 100–200 руб., которые дала августовская прибавка). Каковы будут итоги оптимизации пенсионной системы, по мнению специалистов, можно будет оценить через 5–6 лет².

Естественным путем (увеличением рождаемости и снижением смертности) нынешний уровень народонаселения не сохранить. Демографическую ситуацию на Дальнем Востоке России определяет не только естественная убыль, и более короткая, чем в России в целом, продолжительность жизни, но и миграционный отток населения. И это – новые риски и вызовы для Дальневосточного макрорегиона.

Миграция для всех регионов ДФО является существенным элементом региональных социально-демографических проблем формирования населенческого потенциала. Миграционный отток населения увеличивает риск демографического развития ДФО. В условиях сложившегося социально-экономического неравенства между регионами России дальневосточникам не обеспечивается поддержание достойного уровня жизни. Уместно вспомнить слова из самого драматического произведения («Записки мертвого дома») Ф.М. Достоевского, который зорко подметил: «Высшая и самая резкая характеристическая черта нашего народа – это чувство справедливости и жажда ее». Все дальневосточные субъекты РФ в результате повышенной стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг занимают места с конца третьей

¹ Демиденко О. Не дожить: у дальневосточников не осталось больше иллюзий по поводу пенсии // REGNUM. 2018. 15 июня; Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 г. / ФСГС. 2019.

² Григорьева Е. Почему экономят на работающих пенсионерах? // Аргументы и факты. 2019. 3–9 июля.

десятки – после самых и наиболее дорогих регионов страны. Поэтому рассчитывать сегодня, что миграционный поток завернет в суровые природно-климатические условия Дальнего Востока с пониженным уровнем материальной обеспеченности, необоснованно (*табл. 2.5*).

Таблица 2.5

Рейтинг регионов ДФО по качеству жизни в 2018 г.

Регион	Рейтинговый балл*	Место по качеству жизни
Республика Саха (Якутия)	37,617	72
Камчатский край	47,868	32
Приморский край	45,200	50
Хабаровский край	48,778	29
Амурская область	43,801	53
Магаданская область	47,465	35
Сахалинская область	45,978	46
ЕАО	29,923	78
ЧАО	38,954	70

Примечание. * Расчеты рейтинговых баллов построены на основе комплексного учета показателей, фиксирующих состояние различных аспектов условий жизни и ситуации в социально-экономической сфере.

Источник: Качество жизни в российских регионах / РИА_Рейтинг. 2019.

Исходя из приведенных данных, не трудно сделать вывод об уровне социального благополучия населения Дальнего Востока. Следовательно, на сегодня регион не располагает возможностями сохранить проживающее в нем население и стать привлекательным для мигрантов из других регионов России. Критическая ситуация в области демографии требует улучшения уровня и качества жизни населения региона, создание условий для привлечения и закрепления кадров.

По данным ВЦИОМ, озвученным на V конференции «Демографическое развитие Дальнего Востока» (Магадан, 2019 г.), миграционные настроения жителей в регионах ДФО формируются под влиянием самых популярных причин, толкающих на переезд, таких как: неудовлетворенность уровнем зарплаты (39%), дороговизной жизни (37%), некомфортными условиями (32%), отсутствием возможностей для самореализации (32%), низким уровнем здравоохранения. Кроме того, среди причин миграционной мотивации дальневосточники отмечают неблагоприятный климат и недостаточные условия для образования и развития детей. В целом 44% дальневосточников хотели бы сменить место жительства. Максимальное желание уехать у молодежи без детей (62%), у молодежи с детьми (59%) и специалистов с высшим образованием (49%)¹, которые не хотят связывать свою жизнь с родным регионом.

¹ 44% жителей Дальнего Востока хотят покинуть регион // REGNUM. 2019. 1 июля.

На мотивацию миграционного поведения оказывает влияние продолжительность проживания в регионе. Прожившие на Дальнем Востоке относительно короткое время могут стать потенциальными мигрантами. По переписи 1989 г. 61,8% жителей Дальнего Востока – не местные уроженцы – это самый высокий показатель в стране. Позднее этот показатель несколько трансформировался и по данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в регионах ДФО проживало с рождения уже менее половины жителей – 48,7%, перепись 2010 г. зарегистрировала еще меньше – 40,3%¹. Таким образом, для Дальневосточного макрорегиона может оказаться небезосновательным предположение об усилении миграционного оттока населения, что подтверждает увеличение выбывших в 2018 г. относительно 2014 г. на 5,4%. Правда, стоит обратить внимание на факт сокращения отрицательного миграционного сальдо за рассматриваемые пять лет на 4,6%, что обусловлено сокращением числа выбывших к числу прибывших в регион: в 2014 г. выбывших было больше прибывших на 21,4%, а в 2018 г. – на 16,7%. (табл. 2.6).

Таблица 2.6

**Миграция населения в регионах ДФО, чел.
(без внутрирегиональной миграции)***

Территория	2014			2018		
	прибыло	выбыло	миграционный прирост (+), убыль (-)	прибыло	выбыло	миграционный прирост (+), убыль (-)
ДФО	115 753	140505	-24 752	126 932	148 079	-21 147
Республика Саха (Якутия)	11 653	18 361	-6108	15 644	18 584	-2940
Камчатский край	10 031	13 153	-3122	11 998	12 700	-702
Приморский край	30 030	33 978	-3948	30 541	35 195	-4654
Хабаровский край	30 465	33 000	-2535	30 365	35 296	-4931
Амурская область	12 632	13 897	-1265	12 223	15 615	-3392
Магаданская область	3705	5982	-2277	4350	7013	-2663
Сахалинская область	10 582	13 493	-2911	14 851	15 175	-324
ЕАО	2692	4524	-1832	2566	4344	-1778
ЧАО	3963	4117	-154	4394	4157	237

Примечание: * без учета внутрирегиональной миграции.

Источники: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 г. / ФСГС. 2015; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 г. / ФСГС. 2019.

¹ Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства. Т. 10 // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т. / ФСГС. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. С. 255; Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства. Т. 8 // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. / ФСГС. М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. С. 369.

В общей потере населения ДФО за 2014–2018 гг. (70,7 тыс. чел.) миграция была основным источником сокращения численности населения. В результате в регионах ДФО сохраняется ситуация демографической неустойчивости и на демографической карте макрорегион продолжает быть аутсайдером.

Миграционные взаимосвязи Дальнего Востока многосторонние: это межрегиональная и внешняя миграция (со странами СНГ и дальним зарубежьем (*табл. 2.7*).

Таблица 2.7

**Миграция населения в ДФО
(без внутрирегиональной миграции), чел.**

Миграционные потоки	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост (+), убыль(-)
2014 г.	115 753	140 505	-24 752
Межрегиональная миграция (ФО России)	84 972	120 647	-35 675
СНГ	19 113	11 694	7419
Дальнее зарубежье	11 668	8164	3504
2018 г.*	126 932	148 079	-21 147
Межрегиональная миграция (ФО России)	91 062	116 167	-25 105
СНГ	28 961	22 293	6668
Дальнее зарубежье	6909	9619	-2710

Примечание: * в границах на начало 2018 г. (без Республики Бурятия и Забайкальского края).

Источники: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 г. / ФСГС. 2015; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 г. / ФСГС. 2019.

Преобладающая часть миграционных перемещений жителей Дальнего Востока связана с регионами других федеральных округов России, в миграционном обмене с которыми он остается в проигрыше и изменить эту негативную ситуацию не просто в условиях социально-экономического неравенства регионов. В 2014 г. выбывших было больше прибывших на 42,0%, в 2018 г. – на 27,6%. Такое соотношение потоков способствовало сокращению отрицательного сальдо миграции в межрегиональном взаимодействии в 2018 г. относительно 2014 г. на 29,6%. Однако пока трудно судить о начале позитивных изменений в динамике населения за счет межрегиональной миграции, поскольку число выбывших из региона в этом потоке в 2018 г. составило 96,3% от уровня 2014 г. Регионы ДФО находится в числе 68 из 85 субъектов РФ по сокращению населения в результате миграционного обмена с другими регионами России и среди них в настоящее время занимает худшие позиции по коэффициенту и рангу миграционного прироста. При этом отдельные регионы вообще находятся на последних местах по рангу миграционного прироста (*табл. 2.8*).

Наиболее предпочтительными центрами притяжения для выезжающих из ДФО являются регионы Центрального, Северо-Западного и Южного федеральных округов.

Тем не менее на перспективный период рассчитывать на то, что миграционный поток вдруг завернет в суровые природно-климатические условия, отличные от мест выхода мигрантов, с пониженным уровнем материальной обеспеченности вряд ли возможно. При сохранении существующих тенденций Дальний Восток имеет все шансы продемонстрировать годовой отток населения.

Таблица 2.8

Коэффициенты и ранг миграционного прироста по регионам ДФО, 2018 г.

Регион	Коэффициент миграционного прироста на 1000 чел.	Место по рангу коэффициента миграционного прироста среди субъектов РФ
Республика Саха (Якутия)	-3,0	51
Камчатский край	-2,2	40
Приморский край	-2,4	42
Хабаровский край	-3,7	63
Амурская область	-4,3	67
Магаданская область	-18,7	85
Сахалинская область	-0,7	27
ЕАО	-11,0	82
ЧАО	4,8	11

Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 г. / ФСГС. 2019.

Положительное миграционное сальдо дают Дальнему Востоку страны СНГ (см. *табл. 2.7*). Но и в этом направлении возникают проблемы с закреплением мигрантов. Если в 2014 г. от числа прибывших из этих стран зарегистрировано в обратном направлении 61,2%, то в 2018 г. – 77,0%, миграционный прирост уменьшился на 10,0%.

Страны дальнего зарубежья в миграционном взаимодействии с российским Дальним Востоком вообще подошли к отрицательному сальдо миграции (-440 чел. в 2017 г.), увеличившись к 2018 г. до -2710 чел.¹

В перспективе по низкому варианту прогноза с учетом всех направлений миграционных потоков ожидается на Дальнем Востоке сохранение отрицательного сальдо миграции. В этих условиях обеспечить высокие темпы социально-экономического развития региона в целом за счет местного населения практически не представляется возможным. В условиях складывающейся напряженности с трудовыми ресурсами в стране в настоящее время и которая еще более усугубится в будущем перераспределение их в пользу восточных районов будет крайне затруднительно. Тем не менее планы ускоренного развития региона потребуют дополнительных источников трудовых ресурсов. По-

¹ Дальневосточный федеральный округ. 2017 / Хабаровскстат. Хабаровск, 2018. С 31; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 г. / ФСГС. 2019.

этому предполагается постепенное уменьшение отрицательного значения миграции в перспективной динамике населения (*табл. 2.9*).

Таблица 2.9

**Миграционный прирост населения ДФО
в перспективной динамике, чел.**

Территория	Низкий вариант прогноза			Средний вариант прогноза		
	2020	2025	2030	2020	2025	2030
ДФО	-11 501	-12 939	-12 675	-4597	-7027	-5303
Республика Саха (Якутия)	-5647	-3511	-3260	-3760	-3663	-3548
Камчатский край	-84	-225	-222	225	462	707
Приморский край	-2131	-2784	-2897	-968	-603	-157
Хабаровский край	-889	-1545	-1710	234	666	1129
Амурская обл.	-1485	-1587	-1504	-1257	-1116	-984
Магаданская область	-1482	-1465	-1368	-1459	-1403	-1302
Сахалинская область	404	256	217	675	868	1051
ЕАО	-1968	-1859	-1738	-2055	-2009	-1979
ЧАО	-219	-219	-193	-232	-229	-220

Источник: Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 г. / ФСГС. 2019.

Расчеты показывают колебания в предполагаемой динамике миграционных процессов в регионах ДФО. Безусловно, это зависит от возможностей формирования миграционных потоков в регионах Российской Федерации, ориентированных на Дальний Восток, а также в странах СНГ и дальнего зарубежья. Но маловероятно, чтобы миграционное взаимодействие по межрегиональным потокам увеличилось, поскольку численность населения в России тоже имеет тенденцию к снижению. Так, за январь – март 2019 г. численность населения в России уменьшилась на 180,4 тыс. чел., что на 22,0% больше, чем за такой же период 2018 г.¹ Кроме того, миграционный прирост будет зависеть и от того, насколько Дальний Восток сможет увеличить свою привлекательность социально-экономическими условиями жизни и труда.

При сложившейся демографической и миграционной ситуации и в условиях неравенства регионов РФ по уровню и качеству жизни можно предположить, что на российском Дальнем Востоке динамика численности населения будет устойчиво отрицательной (*табл. 2.10*).

По имеющимся вариантам (низкому и среднему) прогноза, численность населения на Дальнем Востоке будет меньше зарегистрированной не только в 2014 г., но и сложившейся к началу 2019 г. (см. *табл. 2.9, 2.10*).

¹ В России ускорилось сокращение населения // MAIL.RU. 2019. URL: <https://news.mail.ru/society/38009385/?frommail=1> (дата обращения: июль 2019).

Численность населения по регионам ДФО

Территория	Низкий вариант прогноза			Средний вариант прогноза		
	2020	2025	2030	2020	2025	2030
ДФО	6128,4	5987,0	5806,4	6136,5	6054,2	5959,2
Республика Саха (Якутия)	966,9	967,0	963,5	967,5	973,1	977,0
Камчатский край	315,3	311,0	303,9	315,9	315,8	315,4
Приморский край	1896,4	1840,9	1772,0	1899,2	1863,1	1822,2
Хабаровский край	1321,6	1293,1	1254,6	1324,0	1312,1	1298,2
Амурская область	791,2	767,3	739,4	792,0	774,5	755,6
Магаданская область	140,6	130,9	120,8	140,8	132,1	123,4
Сахалинская область	490,3	484,5	474,1	490,9	490,4	487,8
ЕАО	157,4	145,2	132,6	157,4	145,6	133,2
ЧАО	48,7	47,1	49,5	48,8	47,5	46,4

Источник: Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 г. / ФСГС. 2019.

Ни один из регионов ДФО к 2030 г. (кроме Республики Саха (Якутия) не достигнет численности населения, сложившейся в 2018 г. (на начало 2019 г.). Даже по высокому варианту прогноза с предполагаемым улучшением ситуации в естественном движении населения и миграции численность населения в ДФО может составить в 2025 г. 6,1 млн чел. и в 2030 г. – 6,2 млн чел., то есть число жителей в макрорегионе может оказаться ниже запланированной Концепцией демографической политики на Дальнем Востоке, в которой заложена как стратегическая цель социально-экономического развития региона стабилизация численности населения на уровне 6,2–6,3 млн чел. к 2025 г. и ее увеличение до 6,5 млн чел. к 2030 г. Достичь численности населения, предусмотренной Концепцией, предполагается за счет создания условий для сохранения и формирования населения в макрорегионе, естественного прироста (повышения рождаемости, снижения смертности), увеличения ожидаемой продолжительности жизни к 2030 г. до 76 лет (в 2018 г. продолжительность жизни 70,4 года (см. *табл. 2.3*) и миграции – привлечения в регион на постоянное место жительства граждан из других регионов страны, соотечественников, проживающих за рубежом и их закрепления на территории ДФО. Заметим, продолжительность жизни в 76 лет, по имеющимся прогнозным вариантам, предполагается только по высокому сценарию. Исходя из возможной ситуации естественного воспроизводства населения и миграции, демографическое развитие Дальнего Востока, вероятнее всего, пойдет по низкому или среднему вариантам и продолжительность жизни дальневосточников может достичь к 2030 г. 71,8 лет по низкому варианту прогноза и 73,5 года по среднему варианту. Среднероссийские показатели по этим вариантам 74,7 и 76,4. Если в 2018 г. отставание по продолжительности жизни дальневосточников от среднероссийских показателей было 2,5 года, то сравнение этих показателей по продолжительности жизни в 2030 г. демон-

стрирует дальнейшее отставание дальневосточников – уже на 2,9 года¹. Этот факт говорит о необходимости региональной поправки в пенсионный кодекс России, предусматривающий повышение возраста выхода на пенсию на пять лет². Кроме того, следует обратить внимание на факт необходимости повышения размера пенсии для проживающих на Дальнем Востоке. Так, жители Хабаровского края, например, считают, что достойный размер пенсии должен составлять 37,3 тыс. руб.³ Это может сдерживать отток населения старшего возраста, за которым, как правило, уезжает молодежь из-за желания воссоединения семей.

С сожалением приходится признать, что практически ни один из названных аспектов для прироста населения в ДФО в настоящее время пока не срабатывает. Следовательно, в предусмотренных в Концепции расчетах содержатся определенные риски и обширное дальневосточное пространство на перспективу может остаться малонаселенным, что пагубно не только для Дальнего Востока, но и для России в целом, поскольку динамика численности населения в соседних странах идет по нарастающей: в провинциях Северо-Восточного Китая число жителей может составить к 2025 г. 130–132 млн чел., в Монголии – 4,6 млн, КНДР – 32,1 млн, Республике Корея – 50,8 млн чел. В Японии численность населения, несмотря на появившуюся тенденцию его уменьшения из-за превышения смертности над рождаемостью, в 2030 г. может составить 123 млн и в 2050 г. – 111,5 млн чел.⁴

Сокращение численности населения за счет естественной убыли и миграционного оттока способствует деформации возрастной структуры населения и имеет далеко идущие последствия: формируется устойчивое старение населения, которое, по прогнозным оценкам, продолжится, сокращается доля населения моложе трудоспособного возраста, уменьшается численность экономически активного населения, что увеличивает демографическую нагрузку на занятое население. Все эти моменты имеют важное значение для стратегии развития Дальнего Востока, в совокупности являются факторами риска для социально-экономического развития макрорегиона и национальной безопасности России на восточных рубежах (*табл. 2.11*).

Доля лиц моложе трудоспособного возраста в 2018 г. была несколько выше уровня 2014 г. благодаря, как указывалось выше, положительному естественному приросту в 2012–2016 гг. С возвращением естественного прироста к отрицательным значениям ожидается довольно значительное уменьшение численности в возрасте моложе

¹ Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 г. / ФСГС. 2019.

² О повышении пенсионного возраста в России: закон РФ № 350-ФЗ.

³ Желаемый размер пенсии – 40 тысяч рублей // Тихоокеанская звезда. 2018. 24 октября.

⁴ Мотрич Е.Л. Население стран Северо-Восточной Азии: настоящее и будущее // Устойчивое развитие дальневосточных районов: эколого-географические аспекты. Владивосток: Дальнаука, 1999; Statistical Handbook of Japan. 1993 / Statistic. Bureau Management and Coordination Agency.

трудоспособного и его доли в населении региона. Численно эта группа населения уже к 2025 г. по низкому (более вероятному) варианту прогноза относительно 2018 г. может уменьшиться на 4,6%. Сокращение численности населения в возрасте моложе трудоспособного в перспективе приведет к уменьшению населения в репродуктивном возрасте, сокращению экономически активного населения со всеми вытекающими отсюда социальными, экономическими и геополитическими последствиями.

Таблица 2.11

Динамика и структура численности населения по возрастным группам в ДФО (на начало года)

Год	Возрастные группы на 01.01. соответствующего года					
	моложе трудоспособного		в трудоспособном		старше трудоспособного	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
2002	1321,5	19,8	4336,4	64,8	1031,4	15,4
2010	1126,9	17,5	4138,4	64,3	1175,1	18,2
2014	1167,7	18,8	3732,9	60,1	1310,4	21,1
2018	1220,1	19,8	3565,1	57,8	1380,0	22,4
2020 – низкий вариант	1221,4	19,9	3488,8	56,9	1418,2	23,2
2020 – средний вариант	1223,3	19,9	3493,7	56,9	1419,5	23,2
2025 – низкий вариант	1163,8	19,5	3354,3	56,0	1468,9	24,5
2025 – средний вариант	1188,6	19,6	3388,6	56,0	1477,0	24,4
2030 – низкий вариант	1036,8	17,9	3278,4	56,4	1491,2	25,7
2030 – средний вариант	1093,0	18,4	3357,2	56,3	1509,0	25,3
2030 – низкий вариант	913,2	16,3	3185,9	56,7	1515,7	27,0
2035 – средний вариант	1006,9	17,2	3317,1	56,6	1537,3	26,2

Источник: Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 157; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 / ФСГС. 2019. С. 48, 50, 52; Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2018 г. / ФСГС. 2018; Дальневосточный федеральный округ. 2017 / Хабаровскстат. Хабаровск, 2018. С. 26, 27; Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 г. / ФСГС. 2019.

Доля населения в трудоспособном возрасте стабильно уменьшается. В 2014 г. относительно года переписи 2010 г. его удельный вес в общей численности населения региона уменьшился на 4,2 процентных пункта, а в 2018 г. относительно 2014 г. население в трудоспособном возрасте сократилось еще на 2,3 процентных пункта. Такая ситуация в динамике населения трудоспособного возраста будет продолжена и в перспективе, что обусловлено сокращением удельного веса населения в возрастной группе младше трудоспособного, являющейся резервом пополнения контингента трудоспособного возраста. Численно эта группа населения уже к 2025 г. по низкому (более вероятному) варианту прогноза относительно 2018 г. может уменьшиться на 5,9%.

Дальневосточный федеральный округ находится в числе лидеров по приросту доли населения в возрасте старше трудоспособного. Удельный вес лиц старше трудоспособного возраста в структуре населения ДФО по переписи населения 2010 г. составлял 18,2%, к 2014 г. увеличился до 21,1% и к 2018 г. – до 22,4%. В округе идет процесс прогрессирующего старения населения, а потому, если его не затормозить, то в ближайшем будущем это приведет к дальнейшему спаду удельного веса трудоспособного населения в структуре всего населения макрорегиона до 56,7% к 2035 г. по низкому варианту прогноза. В результате будут большие трудности в плане реализации намечаемых грандиозных планов экономического развития региона. Регион не только может не справиться с решением перспективных задач социально-экономического развития, но и обширное дальневосточное пространство может остаться малонаселенным¹.

Сохранение современного режима воспроизводства населения и динамика численности возрастных контингентов будут оказывать серьезное влияние на экономику и социальное развитие макрорегиона в будущем. В долгосрочной перспективе социального развития сложившиеся демографические тенденции носят весьма негативный характер в плане формирования трудового потенциала, обусловленный пополнением трудовых ресурсов все более малочисленными поколениями молодежи. Следовательно, в перспективе контингенту трудоспособного возраста не будет адекватной замены из идущих вслед за ними малочисленных поколений. Поэтому в недалекой перспективе продолжатся серьезные проблемы в плане увеличения демографической нагрузки на занятых трудовой деятельностью (*табл. 2.12*).

Таким образом, происходящая на Дальнем Востоке деформация возрастной структуры населения ухудшает его качественные характеристики и разрушает основы народонаселения.

В сложившихся условиях для предупреждения негативных факторов и сохранения социально-демографической устойчивости ДФО необходимо принятие следующих мер²:

- повысить роль и значение денежных доходов: повысить реальные и номинальные доходы в размерах, превышающих среднероссийский уровень не менее, чем в 1,5 раза; предусмотреть социальные выплаты с учетом районных коэффициентов; ввести стимулирующие надбавки к зарплате за выслугу лет работы в регионах ДФО;
- восстановить Закон «О ветеранах» и реализацию Единой социальной карты гражданина России, распространяющей действие льгот для пенсионеров в масштабах всей страны;

¹ Мотрич Е.Л. Население стран Северо-Восточной Азии: настоящее и будущее // Устойчивое развитие дальневосточных районов: эколого-географические аспекты. Владивосток: Дальнаука, 1999.

² Мотрич Е.Л. Демографический барометр Дальнего Востока России // Национальные демографические приоритеты: подходы и меры реализации. Серия «Демография. Социология. Экономика». Т. 5. № 4 / под ред. чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., Ростовской Т.К. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. С. 459–463.

**Коэффициент демографической нагрузки по регионам ДФО в 2035 г., чел.
(на 1000 лиц трудоспособного возраста приходится нетрудоспособных, на начало года)**

Территория	Низкий вариант прогноза		Средний вариант прогноза			
	всего	в том числе		всего	в том числе	
		моложе трудоспособного	старше трудоспособного		моложе трудоспособного	старше трудоспособного
ДФО	763	287	476	767	304	463
Республика Саха (Якутия)	764	355	409	783	379	404
Камчатский край	693	250	443	684	261	423
Приморский край	785	260	525	787	277	519
Хабаровский край	749	281	468	752	298	454
Амурская область	748	284	464	756	392	464
Магаданская область	743	264	479	735	279	456
Сахалинская область	758	278	480	758	293	465
ЕАО	931	326	605	952	350	602
ЧАО	617	292	325	602	292	310

Источник: Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 г. / ФСГС. 2019.

- формировать в регионе комфортные условия проживания: улучшить транспортную инфраструктуру между населенными пунктами; увеличить размер жилой площади на 1 чел. до 28 м² с учетом более продолжительного пребывания в помещениях в условиях сурового дальневосточного климата; внедрить использования арендного жилья; предоставлять молодым семьям государственный беспроцентный кредит для покупки квартиры или дома¹;
- обеспечить круглогодичную транспортную доступность дальневосточников с центральными регионами России авиа и железнодорожным транспортом.
- не распространять закон о работающих пенсионерах (индексация пенсий) в регионах ДФО;
- внести в закон РФ о повышении пенсионного возраста в России поправку, сохранив для дальневосточников, имеющих необходимый рабочий стаж, прежний возраст

¹ Здесь следует заметить, что в Правительстве России еще с 2017 г. разрабатывается механизм предоставления льготной ипотеки дальневосточникам на покупку, строительство и ремонт жилья – как квартир, так и домов. Кредит рассчитан на срок до 20 лет, без первоначального взноса и под 2% годовых. Это в 4,8 раза меньше, чем в среднем по рынку. Пока льготная ипотека предусмотрена для двух категорий: людей, которые хотят построить дома на полученном «дальневосточном гектаре», и многодетных семей. Однако сроки реализации этого проекта пока не определены и появляются сомнения о возможности реализации этого проекта и его роли для сокращения оттока населения с Дальнего Востока; Льготная ипотека под два процента – что думают люди // Тихоокеанская звезда. 2017. 13 июля.

выхода не пенсию в силу более короткой продолжительности жизни в сравнении с общероссийскими показателями.

Кроме того, в мероприятиях по привлечению и закреплению населения на Дальнем Востоке России целесообразно рассматривать дополнительно мероприятия, основанные на мотивации местного населения, выявленной в процессе социологических исследований в 2013–2017 гг.:

- ввести льготное санаторно-курортное лечение раз в два года для пенсионеров, невзирая на их доходы;
- строительство социального жилья.

Заслуживает внимание феномен, когда дальневосточникам в январе – феврале 2019 г. было предложено вносить свои предложения в национальную программу по развитию Дальнего Востока. В ней приняли участие более 160 тыс. человек. Впервые рядовым гражданам дали возможность сказать о том, чего они хотят. На примере поступивших предложений от жителей Хабаровского края можно проследить, о чем мечтают дальневосточники и что необходимо для стимулирования мотивации жить и работать на Дальнем Востоке России. Главное, на что обращал внимание едва ли не каждый, – улучшение уровня жизни, наличие доступного жилья. Только так получится пресечь отток населения. Выгодные социальные условия должны привлечь новое население из других регионов и задержать проживающих здесь. Для местных жителей важна проблема транспортной доступности как внутри региона, так и за его пределами; снижение стоимости авиаперевозок и перелетов из ДФО в центральную часть страны, увеличение субсидирования стоимости авиабилетов на рейсы местного сообщения, развитие малой авиации; решение вопроса финансового стимулирования «северных надбавок». Особый акцент был сделан на тарифной политике в сфере ЖКХ: цена на электроэнергию и топливо для региона должна быть снижена. Предлагалась необходимость введения определенных льгот для уже живущих в регионе и ведущих свой бизнес, а не только для тех, кто придет и начнет здесь работать. В предложениях подчеркивалась необходимость стимулирования детей и студентов Дальнего Востока на получение образования в своем регионе с тем, чтобы они в дальнейшем оставались работать на местах¹.

Демографическую ситуацию на Дальнем Востоке России определяют естественная убыль (превышение смертности над рождаемостью), устойчивое старение населения, более короткая, чем в России в целом, продолжительность жизни, миграционный отток населения. Проблемы демографического и миграционного развития Дальневосточного макрорегиона обязательно нужно рассматривать с двух позиций: как основу эффективного социально-экономического развития и как условие сохранения национальной безопасности России. В современных условиях стабилизация населенческого потенциала в ДФО и удовлетворение потребности в рабочей силе, прежде всего, должны осуществ-

¹ Есть идея! // Аргументы и факты. Приложение «Дальинформ». 2019. 20–26 марта; От народа и для народа // Дальневосточная столица. 2019. № 1 (77).

ляться за счет проживающего здесь населения, генетически адаптированного к местным условиям. В связи с этим следует исходить из закрепления местного населения, создания всех необходимых условий по улучшению уровня и качества жизни населения, для формирования стимулов жить, учиться и работать на Дальнем Востоке.

Тем не менее, ДФО для реализации поставленных задач по ускорению социально-экономического развития не сможет обойтись без привлеченного извне населения и притока трудовых ресурсов. Следовательно, необходимо проведение эффективной миграционной политики, обеспечивающей привлекательность макрорегиона и закрепление мигрантов на дальневосточной территории.

2.2. БЛАГОСОСТОЯНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Благосостояние населения как обеспеченность его необходимыми материальными и духовными благами зависит от экономического развития территории и одновременно воздействует на нее. Особенно это проявляется в условиях Дальнего Востока, экономика регионов которого перманентно испытывает потребность в трудовых ресурсах. Социальная ориентация экономического развития регионов предполагает наличие определенной социальной устойчивости, которая может и должна быть обеспечена путем формирования условий для роста благосостояния населения, доступности и гарантированности общественных благ и услуг на основе социальных стандартов, определяющих комфортные условия жизни, социальную справедливость, расширение возможностей выбора и защищенность интересов каждого человека и общества в целом, достигаемое за счет сбалансированного социально-экономического развития. К сожалению, исследуемый период 2013–2018 гг. оказался далек от реализации подобных ожиданий¹. Принимаемые государством меры в отношении ускоренного развития Дальнего Востока и механизмы по реализации² не дали моментальных результатов, а кризисные процессы не смогли обойти стороной макрорегион, который не только не демонстрировал опережающего развития, но и по ряду показателей заметно отставал³.

¹ Мотрич Е.Л., Молодковец Л.А. О формировании населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1.

² Изотов Д.А. Дальний Восток: новации в государственной политике // ЭКО. 2017. № 4; Исаев А.Г. Территории опережающего развития новый инструмент региональной экономической политики // ЭКО. 2017. № 4; Минакир П.А. Новая восточная политика и экономические реалии // Пространственная экономика. 2015. № 2.

³ Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Экономическая конъюнктура в ДФО в 2016 г. // Пространственная экономика. 2017. № 2; Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В. Экономическая конъюнктура в ДФО в 2017 г. // Пространственная экономика. 2018. № 2; Прокапало О.М., Бардаль А.Б., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2018 г. // Пространственная экономика. 2019. № 2.

Наиболее важной и зримой компонентой измерения благосостояния населения остаются доходы и расходы, которые являются наиболее привлекательным фактором притяжения и для постоянного населения Дальнего Востока, и для потенциальных мигрантов, рассматривающих макрорегион в качестве среды с высокими параметрами уровня жизни. Несмотря на принятые изменения¹, согласно которым Росстат за 2018 г. рассчитал данные о доходах населения в целом по обновленному составу ДФО (для 11 субъектов РФ), по нашей оценке номинальный размер среднедушевых доходов населения округа в прежнем составе достиг 38 458 руб. в месяц, превысив почти на 18% размер доходов в среднем по стране и почти на треть собственный номинал 2013 года. Однако на фоне роста индекса потребительских цен (+38,9% к уровню 2013 г.), опередившего номинальный рост доходов, падение реального содержания было неизбежно. В результате три года подряд денежные доходы дальневосточников не достигают уровня 2013 г., продолжая оставаться в отрицательной зоне на 4,3 п. п. (табл. 2.13, рис. 2.1).

Таблица 2.13

Прирост доходов, заработной платы и пенсий в ДФО, % к предыдущему году

Показатель		2014	2015	2016	2017	2018*
Среднедушевые денежные доходы населения	номинальные	10,5	13,5	0,4	1,8	10,5
	реальные в ценах 2013 г.	-0,2	1,3	-4,7	-0,3	-0,2
Среднемесячная начисленная заработная плата	номинальные	8,8	5,6	6,1	6,9	10,6
	реальные в ценах 2013 г.	-1,7	-5,7	0,6	4,7	6,2
Среднемесячная назначенная пенсия	номинальные	9,6	10,2	4,5	12,1**	9,6
	реальные в ценах 2013 г.	-1,0	-1,6	-0,9	9,8**	-1,0

Примечания. * Экспертная оценка автора по 9 субъектам в составе ДФО (Республике Саха (Якутия), Камчатскому краю, Приморскому краю, Хабаровскому краю, Амурской области, Магаданской области, Сахалинской области, Еврейской автономной области, Чукотском автономному округу; ** С учетом единовременной денежной выплаты, выплаченной в январе 2017 г. в соответствии с Федеральным законом от 22 ноября 2016 г. № 385-ФЗ в размере 5000 рублей.

Источник: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014–2018 / ФСГС. 2019; Социально-экономическое положение России. Январь 2019 г. / ФСГС. 2019; Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2018 г. / ФСГС. 2018; Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в целом по экономике по субъектам Российской Федерации в 2013–2019 гг. / ФСГС. 2019.

Отрицательную динамику реальных доходов населения показали 7 из 9 регионов ДФО. За 5 лет более 10% реальных доходов потеряли, в первую очередь, жители северных районов: Камчатского края (-13,4%), Магаданской области (-11,1%), а также не-

¹ О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849: указ Президента Российской Федерации от 03.11.2018 № 632.

изменного аутсайдера – Еврейской автономной области (–18%), где, несмотря на высокий удельный вес социального патронажа государства, наиболее остро проявляются последствия кризисных явлений на рынках труда, и традиционно сохраняется самая низкая в округе заработная плата (табл. 2.14).

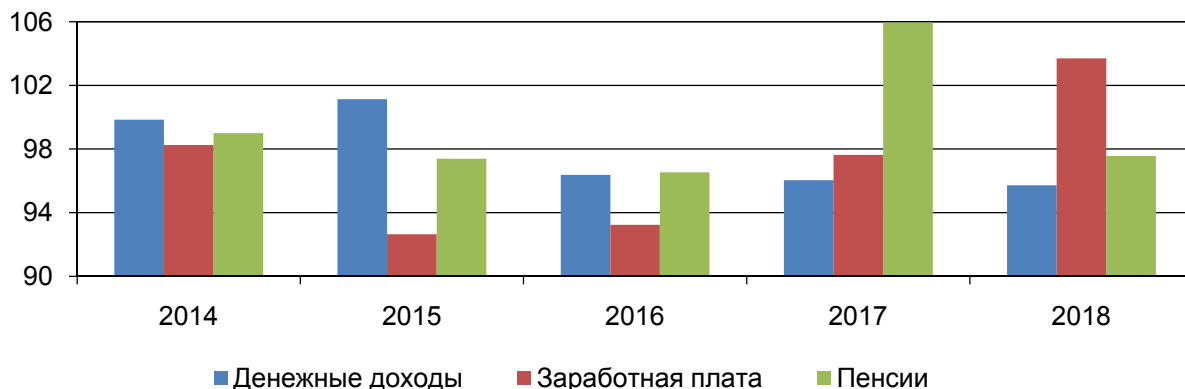

Рис. 2.1. Реальные доходы населения ДФО (2013 г. = 100%)

Таблица 2.14

**Динамика доходов, заработной платы, пенсий
и индекса потребительских цен в ДФО, 2018 г. к 2013 г., %**

Территория	Денежные доходы		Зарботная плата		Пенсия		ИПЦ
	Н	Р	Н	Р	Н	Р	
РФ	125,7	89,7	145,8	102,9	136,1	96,0	141,7
Республика Саха (Якутия)	133,9	96,7	145,0	104,7	134,3	96,9	138,5
Камчатский край	118,6	87,6	149,5	110,4	133,1	98,3	135,4
Приморский край	140,8	101,0	140,4	100,7	136,4	97,8	139,5
Хабаровский край	134,8	94,2	137,3	95,9	135,4	94,6	143,2
Амурская область	128,6	92,3	138,5	99,5	137,6	98,8	139,2
Магаданская область	122,6	89,9	150,5	110,3	132,2	96,8	136,5
Сахалинская область	123,8	93,6	153,3	115,9	135,3	102,3	132,2
ЕАО	116,5	82,0	142,6	100,3	137,3	96,6	142,1
ЧАО	138,2	104,7	144,1	109,2	129,8	98,4	132,0

Примечание: Н – номинальные, Р – реальные, ИПЦ – индекс потребительских цен.

Источник: рассчитано по: Социально-экономическое положение России. Январь 2019 г. / ФСГС. 2019; Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2018 г. / ФСГС. 2018.

Положительный прирост продемонстрировали только два региона: ЧАО (+4,7 п. п. к уровню 2013 г.) и Приморский край (+1 п. п.), обе за счет опережающего роста номинальных доходов, чем не смогли похвастаться остальные регионы, где реальные доходы населения на 3–7% не дотянули до уровня 2013 г.

Номинальный прирост среднемесячной заработной платы дальневосточников, которая в результате целенаправленной политики государства в рамках выполнения майских Указов Президента РФ должна была обеспечить рост благосостояния граждан, включая жителей Дальнего Востока, в 2018 г. составил 44,1% к номиналу 2013 г., достигнув 54141 руб. в месяц на человека, сократив при этом превышение над среднероссийскими показателями с 126,1% в 2013 г. до 124,6% в 2018 г. Даже на фоне замедлившегося роста индекса потребительских цен (2,9% в среднем в 2017–2018 гг. против 11,3% в 2014–2015 гг.) реальный рост заработной платы балансировал на протяжении 2014–2017 г. ниже уровня 2013 г. и только к 2018 г. смог обеспечить положительную динамику ее реального содержания (103,7% к уровню 2013 г.) (см. *табл. 2.13, рис. 2.1*). В отличие от совокупных доходов рост реальной заработной платы не показали только два региона ДФО – Хабаровский край (95,9% к уровню 2013 г.) и Амурская область (99,5%), где номинальное приращение оплаты труда в отличие от остальных территорий округа отставало от роста потребительских цен на товары и услуги (см. *табл. 2.14*). Стабильным остается превышение реальной заработной платы над реальными доходами населения. «Это свидетельствует о том, что вклад в существующие различия в динамике заработной платы работников организаций и среднедушевых доходов населения могут вносить такие факторы как перераспределение между наблюдаемым и ненаблюдаемым фондом оплаты труда в пользу наблюдаемого (при этом рост зарплаты может возникать при неизменном уровне доходов), возможное снижение заработной платы в ненаблюдаемом секторе, неравномерность роста наблюдаемой заработной платы работников по регионам (высокий рост зарплат происходит, в том числе, в регионах с высокими показателями безработицы и неформальной занятости, что сдерживает позитивное влияние роста зарплат на доходы). Кроме того, сдерживают рост реальных доходов населения на фоне роста реальных заработных плат такие факторы, как снижение реального объема доходов от предпринимательской деятельности и доходов собственности, включающих проценты по вкладам, ценным бумагам и инвестиционный доход»¹.

Эксклюзивная акция единовременной выплаты пенсионерам (в соответствии с Федеральным законом от 22 ноября 2016 г. № 385-ФЗ в размере 5000 рублей), которая была начислена только за январь 2017 года², не внесла значительных изменений в материальное благополучие дальневосточных пенсионеров (см. *табл. 2.14, рис. 2.1*). Номинальный рост среднемесячной начисленной пенсии к 2018 г. в целом по ДФО составил 135,5% относительно 2013 г., но в условиях потребительской инфляции реальный размер пенсии в действительности оказался на –2,4 п. п. ниже уровня 2013 г.

¹ Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 г. – ноябрь 2018 г. / под ред. Т.М. Малевой; РАНХиГС при Президенте РФ. 2018. С. 30.

² Голяшев А.В., Григорьев Л.М., Лобанова А.А., Павлюшина В.А. Особенности выхода из рецессии: доходы населения и инфляция // Пространственная экономика. 2017. № 1.

Отрицательную динамику реальных пенсий стабильно удерживают северные территории (Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская область), отличающиеся повышенной стоимостью жизни, и экономически нестабильная Еврейская автономная область с самым низким номинальным размером пенсионного обеспечения, проигрывающим инфляционной атаке. «Однако на протяжении 2014–2016 гг. реальные пенсии подверглись падению и в более благополучных с экономической точки зрения южных регионах ДФО (Приморском и Хабаровском краях, Амурской области), где номинальный прирост пенсий не справился с отражением потребительской инфляции»¹.

В результате, удельный вес трех основных источников формирования денежных доходов под влиянием кризисных явлений в экономике страны и округа неуклонно сокращался. Так, доля оплаты труда, которая в среднем по России занимает 41,4% от всех доходов, традиционно высокой остается в северных регионах ДФО, достигая от 60–70% в структуре доходов жителей Якутии, Камчатки и Магаданской области до 80% на Чукотке (*табл. 2.15*). Но в рассматриваемый период за счет существенного сокращения вклада южных территорий (–7,2 п. п. Приморский край, –5,6 п. п. Хабаровский край, –2,7 п. п. Амурская область) доля оплаты труда в структуре доходов округа демонстрировала неустойчивость, опускаясь с 54,3% в 2013 г. до 48,1% в 2015 г., а затем, наращивая упущенные позиции, поднимаясь до 51,8% в 2017 г.

Таблица 2.15

Структура денежных доходов населения ДФО, %

Территория	Доходы от предпринимательской деятельности		Оплата труда		Социальные выплаты		Доходы от собственности		Другие доходы	
	2013	2017	2013	2017	2013	2017	2013	2017	2013	2017
РФ	8,6	7,6	41,4	41,4	18,6	19,6	5,5	5,4	25,9	26,0
ДФО	10,1	10,0	54,3	51,8	18,9	19,4	3,3	3,4	13,4	15,4
Республика Саха (Якутия)	14,9	15,1	59,4	60,4	19,1	20,2	2,9	2,7	3,7	1,6
Камчатский край	5,3	3,7	60,2	65,3	22,3	22,9	4,6	6,6	7,6	1,5
Приморский край	9,0	9,9	47,1	39,9	19,1	18,1	3,7	3,6	21,1	28,5
Хабаровский край	9,2	9,1	57,4	51,8	18,9	18,8	3,2	3,1	11,3	17,2
Амурская область	10,5	9,4	49,3	46,6	19,5	20,4	2,3	2,8	18,4	20,8
Магаданская область	5,5	4,2	71,0	73,0	17,0	18,1	4,7	4,0	1,8	0,7
Сахалинская область	10,9	11,1	51,7	57,1	16,6	19,7	3,0	3,6	17,8	8,5
ЕАО	19,7	12,7	46,5	47,4	21,2	24,7	1,9	2,2	10,7	13,0
ЧАО	0,8	1,5	80,6	80,9	15,3	15,5	2,8	2,0	0,5	0,1

Источник: составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014–2018 / ФСГС. 2019.

¹ Найден С.Н. Мониторинг доходов и расходов населения Дальнего Востока: итоги 2016 года // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 4.

Второй важный элемент формирования доходов – предпринимательское вознаграждение в удельном измерении практически повторяет тренд удельной оплаты труда в целом по ДФО, но с гораздо меньшей интенсивностью – глубина прогиба составила всего 0,5 п. п. и возврат в 2017 г. на позицию 2013 г. – 10%, что существенно выше среднероссийского уровня (7,6%), но явно недостаточно для устойчивого развития регионов и обеспечения активных участников рынка стабильными источниками дохода. По мнению экспертов, тревогу вызывает «... тот факт, что на Дальнем Востоке слишком много предприятий и организаций ежегодно ликвидируется по сравнению с вновь организованными. В 2018 г. прекратили существование 23 тыс. предприятий и организаций, а вновь зарегистрировано только 14,1 тыс. На тысячу предприятий и организаций, таким образом, ликвидировано 155, а в России – 110. Недостаточно развит в регионе малый и средний бизнес, вклад которого в региональное развитие невелик даже по отношению к крайне низким показателям России в целом»¹.

Повсеместно падающая доля доходов от предпринимательской деятельности остается значимой в двух дальневосточных субъектах РФ – Республике Саха (Якутия) и Еврейской автономной области (соответственно 15,1 и 12,7%), для которых характерно не столько наличие возможностей для развития предпринимательства, сколько, скорее всего, отсутствие других способов получения доходов, учитывая сложившийся характер расселения (наличие отдаленных поселений) и распространение низкодоходных видов экономической деятельности (сельское хозяйство, охота, рыболовство и пр.).

Сжатие рынков труда, сокращение фондов оплаты привели к повышению доли социальных выплат, которая после незначительного снижения в 2014 г. (18,0% в структуре общих доходов населения, против 18,9% в 2013 г.) неуклонно росла до 2017 г. (19,4%), и оказалась на 0,5 п. п. выше уровня 2013 г., почти сравнявшись со средним показателем по России (см. *табл. 2.15*). Среди регионов ДФО традиционно лидерство сохранилось за Еврейской автономной областью (24,7% от всех доходов сформировалось в секторе предпринимательства), а также северными районами Камчатки (22,9%) и Колымы (20,2%), а также Приамурья (20,4%). Если на севере высокий удельный вес социальных расходов объективно связан с более высокими выплатами по номиналу на каждого нуждающегося, то для южных – этому способствуют сложившаяся структура экономики и ограничения на локальных рынках.

Доля доходов от собственности, несмотря на незначительные изменения, остается в пределах 3,3–3,5%, варьируя от 2,0% на Чукотке до 6,6% на Камчатке, и в целом не оказывает существенного влияния на формирование денежной массы у населения регионов оставаясь незначительным дополнением в бюджетах домашних хозяйств.

А вот категория «других доходов» претерпела значительный рост на пике 2015 г., когда население предпринимало попытки «компенсировать выпадающие дохо-

¹ Аганбегян А.Г. Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных проектов // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 3.

ды и обеспечить поддержку привычного уровня жизни за счет вовлечения в оборот «отложенных» сбережений, доходов от продажи валюты и т. п. источников. Далеко не последнюю роль сыграло, возобновление «скрытых» форм заработной платы, которые по разным причинам используют и население, и работодатели»¹. Так, среднестатистический доход жителей Приморского края формировался за счет непрозрачных источников на 34%, в Амурской области – на 27,1%, в ЕАО – на 21%, в Хабаровском крае – на 19,5%, Сахалинской области – на 17,5%. Таким образом жители Дальнего Востока пытаются различными способами компенсировать утрату либо отсутствие возможности официального трудоустройства, а также поддерживать привычный и достойный уровень жизни в условиях значительной удаленности и оторванности от западных и южных регионов, где сосредоточены культурные и образовательные центры, а также экономически доступны разнообразные потребительские товары и услуги. В северных и восточных регионах ДФО, где у населения традиционно выше уровень отчислений от доходов в сбережения для будущих инвестиций в жилье, образование детей, профилактику и восстановление здоровья, которые, как правило, реализуются в более комфортных регионах страны или за рубежом, что трудно поддается учету по месту жительства, доля «других доходов» существенно ниже, особенно на Чукотке (0,1% от всех источников дохода в 2017 г.), в Магаданской области (0,7%), на Камчатке и в Республике Саха (Якутия) (1,5–1,6%) (см. *табл. 2.15*).

В 2013–2018 гг. изменились не только динамика и структура доходов населения, но и их реальное содержание, определяемое на основе показателя их покупательной способности, который оценивает условное количество наборов прожиточного минимума², которое население могло бы приобрести на свои номинальные денежные доходы. Соотнесение покупательной способности денежных доходов в течение сравниваемых периодов / дат характеризует изменение реальных доходов населения.

За анализируемый период прожиточный минимум в среднем по ДФО вырос на 34,7%, в целом плавно двигаясь в фарватере темпов роста аналогичного показателя в целом по РФ, практически сливаясь со среднероссийским трендом до 2016 г. (*рис. 2.2*).

Номинально все регионы ДФО входят в первую двадцатку самых дорогих субъектов РФ, но лидирующие позиции удерживает Чукотский автономный округ, где минимальная стоимость жизни оценивалась в 2018 г. в 21 563 руб. на человека в месяц и или почти в 2 раза выше, чем в среднем по стране (10 287 руб.) Немного отстают, но

¹ Найден С.Н. Мониторинг доходов и расходов населения Дальнего Востока: итоги 2016 года // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 4.

² Прожиточный минимум устанавливается ежеквартально. Его величина рассчитывается на основе данных статистики о средних ценах на продукты питания в потребительской корзине, индексах потребительских цен на непродовольственные товары и услуги, а также обязательных платежей за отчетный квартал. Установленные величины прожиточного минимума применяются при расчетах социальных выплат и оказании социальной помощи населению соответствующего региона.

входят в четверку «самых дорогих» – Камчатский край (19 481 руб.), Магаданская область (18 213 руб.) и Республика Саха (Якутия) (16 511 руб.).

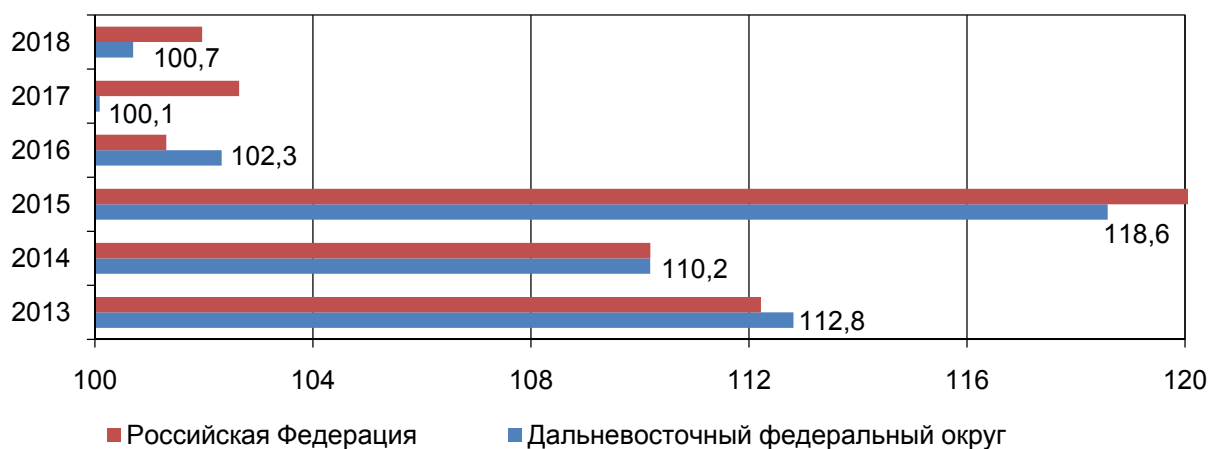

Рис. 2.2. Темпы роста среднегодовой величины прожиточного минимума в РФ и в среднем по ДФО, %

Примечание. Среднегодовая величина прожиточного минимума рассчитана как средневзвешенное значение по квартальным данным сначала для каждого из 9 субъектов ДФО, а затем для округа в целом (в качестве веса использована среднегодовая численность населения субъектов).

Источники: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014– 2018 / ФСГС. 2019; Социально-экономическое положение России. Январь 2019 г. / ФСГС. 2019.

Несмотря на значительное замедление темпов роста стоимости прожиточного минимума в 2016 г. (102,3% по ДФО) и особенно в 2017–2018 гг., (100,1–100,7%), почти 35% прирост на предыдущем трехлетнем периоде привел к снижению покупательной способности доходов населения. В 2018 г. жители макрорегиона в среднем могли приобрести на свои доходы 2,78 прожиточных минимума (против 2,82 в 2013 г.), что на 0,39 единиц меньше, чем в среднем по стране (*табл. 2.16*).

Среди регионов ДФО только доходы населения Приморского и Хабаровского краев, а также Амурской области не потеряли своей покупательной способности к 2018 г. (она составила 2,75; 2,98; 2,83 соответственно). Тем не менее, лидерами по покупательной способности в исследуемый период оставались Сахалинская область (3,60) и Чукотский АО (3,38), где положительную роль играют номинально высокие среднедушевые доходы (в 1,5 и 2,2 раза соответственно выше, чем в среднем по стране). В случае Сахалина дополнительным фактором стал практически «замороженный» размер минимальной стоимости жизни, которая всего на 3–5% отличается от прожиточного минимума, установленного для Хабаровского края¹, что лишний раз подтверждает ус-

¹ В действительности же за официальными цифрами скрываются реальные проблемы низких доходов. Например, в конце 2016 г. в северных районах Сахалина и на Курильских ост-

ловность и политизированность применяемого способа расчета и применения минимальной стоимости жизни. Каким образом властям Приморского и Хабаровского краев, Сахалинской области и Еврейской автономной области удастся в течение 2015–2018 гг. сдерживать рост величины прожиточного минимума, несмотря на интенсивную динамику потребительских цен, остается загадкой¹.

Таблица 2.16

Соотношение доходов и стоимости жизни в регионах ДФО и в целом по РФ

Территория	Отношение к прожиточному минимуму								
	среднемесячной начисленной заработной платы			среднемесячных начисленных пенсий			среднедушевых денежных доходов		
	2013	2015	2018	2013	2015	2018	2013	2015	2018
РФ	4,08	3,51	4,22	1,37	1,24	1,32	3,55	3,14	3,17
ДФО	3,67	3,22	3,82	1,13	1,04	1,14	2,82	2,71	2,78
Республика Саха (Якутия)	4,10	3,61	4,09	1,19	1,07	1,09	2,78	2,50	2,56
Камчатский край	3,45	3,19	3,73	1,08	1,02	1,05	2,51	2,28	2,15
Приморский край	3,19	2,71	3,38	1,06	0,97	1,10	2,59	2,64	2,75
Хабаровский край	3,43	2,84	3,52	1,15	1,03	1,18	2,96	2,73	2,98
Амурская область	3,39	3,06	3,78	1,09	1,11	1,19	2,74	2,81	2,83
Магаданская область	4,13	3,81	4,72	1,13	1,09	1,15	3,07	2,90	2,86
Сахалинская область	4,53	4,48	5,47	1,22	1,17	1,30	3,69	3,63	3,60
ЕАО	2,94	2,48	3,04	1,02	0,92	1,04	2,19	1,96	1,85
ЧАО	5,10	4,81	4,56	1,35	1,32	1,16	3,94	3,73	3,38

Источник: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014–2018 / ФСГС. 2019; Социально-экономическое положение России. Январь 2019 г. / ФСГС. 2019; Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2018 г. / ФСГС. 2018.

Покупательная способность заработной платы в регионах ДФО, традиционно отстающая от среднероссийских показателей (за исключением трех территорий: ЧАО, Магаданской и Сахалинской областей, где в сфере оплаты труда сильно влияние природно-ресурсных отраслей), в 2018 г. показала рост в среднем по ДФО к уровню 2015 г. (+0,35), одновременно укрепив позиции к уровню 2013 г. (+0,15).

Покупательная способность пенсий крайне неустойчива и в 2015 г. балансирует на грани минимальной стоимости жизни: в среднем по ДФО всего 1,04 наборов прожи-

ровах были введены новые меры поддержки граждан с низкими доходами. В условиях роста цен, правительство области приняло решение продавать малоимущим семьям (пряжка 17 тыс. семей), продукты по сниженным ценам (Малоимущие на Сахалине и Курилах получают дешевые продукты // REGNUM. 2016. 1 декабря).

¹ В Приморье занижали прожиточный минимум пенсионерам // PrimaMedia. 2019. 28 февраля.

точного минимума, что не может быть признано достаточным для поддержания достойного уровня жизни для людей пожилого возраста. Следует отметить, что «средний размер пенсий в регионах ДФО достиг уровня прожиточного минимума только на рубеже 2009–2010 гг., и едва достигнув к 2012 г. максимума в 1,19 набора прожиточного минимума, неуклонно снижался до минимума 2015 г. (1,04 набора)»¹. К 2018 г. покупательная способность пенсий вернулась на уровень 2013 г., тем самым подтвердив, что проблема низкой материальной обеспеченности наиболее незащищенной категории граждан – пенсионеров, для которых выбор способов для поддержки нормального уровня жизни за счет дополнительных приработков объективно ограничен, остается актуальной.

Таким образом, несмотря на то, что покупательная способность доходов населения постепенно повышается, их отношение к стоимости прожиточного минимума продолжает оставаться значительно ниже, чем в среднем по России².

Сокращение разрыва между ростом доходов и стоимостью жизни обусловило снижение уровня бедности в ДФО. Численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума сократилась с 2013 г. по 2018 г. на 25 тыс. чел. и составила на конец периода 888,7 тыс. чел. или 14,4% от общей численности населения макрорегиона. Тем не менее, аутсайдерами в стране по доле бедного населения продолжают оставаться Еврейская автономная область, где каждый четвертый человек живет на доходы ниже прожиточного минимума, Республика Саха (Якутия) – каждый пятый, Камчатский край и Амурская область – каждый шестой. Для сравнения в среднем по России доля бедного населения составляет 12,9% или каждый восьмой житель страны. Максимальный прирост доли бедных за пятилетний период был зафиксирован все в той же Еврейской автономной области (на 3,7 п. п.), где, несмотря на стабилизацию размера прожиточного минимума, реальные доходы населения сократились на 18 п. п. по сравнению с 2013 г. В отличие от ЕАО рост доли бедных в Республике Саха (Якутия) (на 2,7 п. п.) и Чукотском автономном округе (на 1,2 п. п. по сравнению с 2013 г.) был обусловлен опережающим ростом размера прожиточного минимума по сравнению с ростом доходов населения (*рис. 2.3*).

Чуть более позитивные показатели бедности по Хабаровскому и Приморскому краю, Сахалинской и Магаданской областям скорее является статистическим исключением. С одной стороны, возможности получения высокой оплаты труда и иных доходов в этих регионах ограничены, а уровень заработной платы в самых массовых по численности работающих секторах (образовании, здравоохранении, культуре) значительно ниже, чем в добывающем или финансовом секторе региональной экономики. С другой стороны, в этих регионах сложилась практика занижать размер прожиточного миниму-

¹ Найден С.Н., Грицко М.А. Реакция региональной социальной системы на институциональные и инвестиционные шоки // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 6.

² Дальний Восток нищает быстрее других регионов // Независимая газета. 2017. 9 февраля.

ма, который сильно зависит от финансовых возможностей региональных бюджетов, поэтому все чаще становится объектом манипулирования со стороны властей, стремящихся обеспечить свою номенклатурную результативность¹. Поэтому в действительности покупательная способность доходов значительных групп населения, как в северных, так и в южных регионах Дальнего Востока оказывается существенно ниже, чем в центральных и южных регионах страны, куда чаще всего и стремятся переехать на постоянное место жительства дальневосточники.

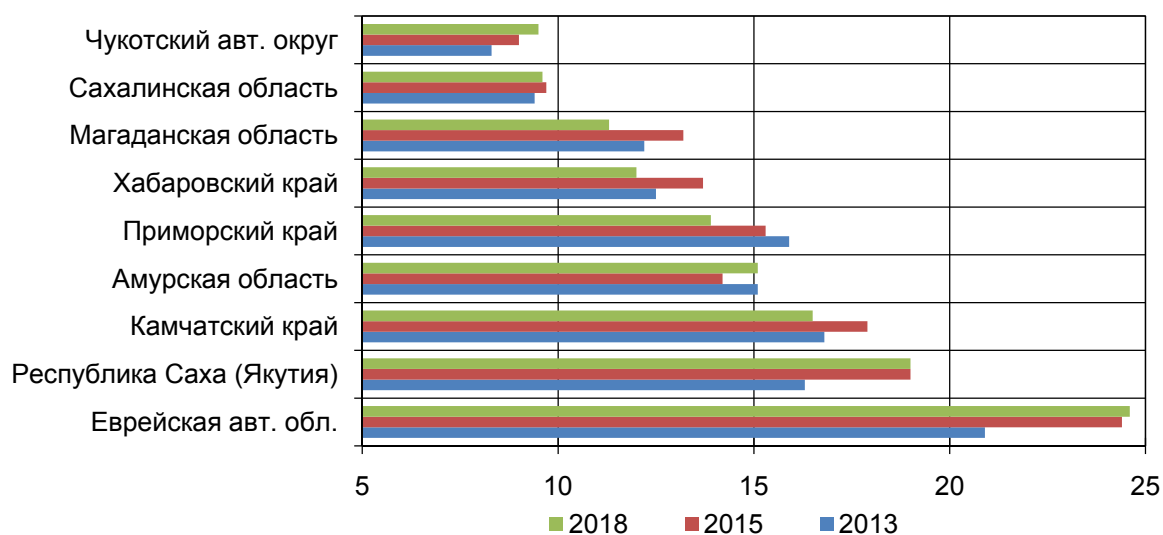

Рис. 2.3. Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума по регионам ДФО, % от общей численности населения

Источник: Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в процентах от общей численности населения / ЕМИСС. 2019.

Однако, несмотря на более высокий, чем в среднем по стране удельный вес бедного населения в общей численности, степень неравенства по уровню доходов в регионах ДФО остается ниже, чем в среднем по стране, а по итогам 2018 г. в 7 регионах она даже снизилась относительно уровня 2013 г. (табл. 2.17).

Коэффициент Джини, характеризующий отклонение линии фактического распределения доходов от абсолютно равного распределения, в 2018 г. вырос только в Амурской области (с 0,392 в 2013 г. до 0,403 в 2018 г.) и в Приморском крае (с 0,384 до 0,386). Максимальный уровень дифференциации сохраняется на Сахалине, где коэффициент Джини практически сравнялся со среднероссийским показателем (0,411), достигнув 0,410. К сожалению, пропасть между богатыми и бедными в островном регионе велика, хотя и постепенно снижается. По данным Росстата, 46,9% денежных доходов области сосредоточены в руках 20% островитян. Средние денежные доходы 10% самых малообеспеченных жителей в 15,4 раза меньше средних денежных доходов 10% самых

¹ На Сахалине среднедушевой доход растет вместе с социальной пропастью // REGNUM. 2017. 10 мая.

состоятельных островитян. Количество бедных в регионе по сравнению с 2016 г. уменьшилось, правда, незначительно – всего на 1,1 тыс. человек, но пока не достигло уровня 2013 г.

Таблица 2.17

**Распределение общего объема денежных доходов
по 20-процентным группам населения по регионам ДФО и в целом по РФ**

Территория	Удельный вес общего объема денежных доходов, приходящихся на соответствующую группу населения, в общем объеме денежных доходов, %					Коэффициент фондов*, раз	Коэффициент Джини**
	I (с min доходами)	II	III	IV	V (с max доходами)		
2013 год							
РФ	5,2	9,8	14,9	22,5	47,6	16,3	0,419
Республика Саха (Якутия)	5,4	10,2	15,1	22,7	46,6	15,0	0,407
Камчатский край	6,0	10,9	15,7	22,9	44,5	12,5	0,381
Приморский край	6,0	10,8	15,7	22,8	44,7	12,7	0,384
Хабаровский край	5,8	10,6	15,6	22,8	45,2	13,2	0,390
Амурская область	5,8	10,6	15,5	22,8	45,3	13,4	0,392
Магаданская область	5,7	10,4	15,4	22,8	45,7	13,9	0,397
Сахалинская область	5,3	9,9	15,0	22,6	47,2	15,8	0,414
ЕАО	6,3	11,1	15,9	22,9	43,8	11,7	0,372
ЧАО	5,2	9,9	14,9	22,6	47,4	16,1	0,417
2018 год							
РФ	5,3	10,1	15,1	22,6	46,9	15,5	0,411
Республика Саха (Якутия)	5,5	10,2	15,2	22,7	46,4	14,8	0,405
Камчатский край	6,7	11,6	16,3	23,0	42,4	10,3	0,354
Приморский край	5,9	10,7	15,6	22,9	44,9	12,9	0,386
Хабаровский край	5,9	10,7	15,6	22,8	45,0	13,0	0,388
Амурская область	5,5	10,3	15,2	22,7	46,3	14,6	0,403
Магаданская область	6,2	11,0	15,9	22,9	44,0	11,9	0,375
Сахалинская область	5,3	10,1	15,1	22,6	46,9	15,4	0,410
ЕАО	7,0	11,9	16,6	23,1	41,4	9,4	0,341
ЧАО	5,7	10,5	15,5	22,8	45,5	13,6	0,394

Примечания. * Коэффициент фондов – характеризует степень социального расслоения и определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами. ** Коэффициент Джини – статистический показатель степени расслоения общества страны или региона по отношению к какому-либо изучаемому признаку. Коэффициент Джини изменяется от 0 до 1. Чем ближе его значение к нулю, тем более равномерно распределен показатель.

Источники: составлено по: Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов и распределение общего объема денежных доходов населения / ЕМИСС. 2019.

Наиболее равномерное распределение доходов остается в Камчатском крае и Еврейской автономной области, где неравенство сокращается и коэффициент фондов не превышает 10,3 раз, а коэффициент Джини – 0,355, что существенно ниже средне-российского уровня. У наименее обеспеченных групп населения (первые две квинты) сконцентрировано доходов на 2,9 п. п. и 3,5 п. п. соответственно больше, чем в среднем по России, а группа наиболее обеспеченных жителей владеет, наоборот, меньшим объемом дохода (42,4 и 41,4% в отличие от 46,9% по РФ), что способствует выравниванию различий между потребительскими возможностями населения.

Если прожиточный минимум – это показатель, который формируется региональной властью, то другой показатель – стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг, является более объективным индикатором при оценке уровня материального благосостояния населения¹. Оценивая благосостояние населения в макрорегионе, эксперты особо подчеркивают, «что номинально денежные доходы и потребительские расходы на душу населения на Дальнем Востоке выше, чем в России. Но одновременно стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в регионе дороже в среднем на 21% по сравнению с усредненными данными по России. Поэтому реально конечное потребление домашних хозяйств в сопоставимых ценах на Дальнем Востоке составляет, по экспертным расчетам, 94% от общероссийского показателя, и только в Якутии – 103%. А уровень и динамика конечного потребления – это главный показатель благосостояния населения наряду с жилищными условиями и ожидаемой продолжительностью жизни»².

Население, как правило, компенсирует выпадающие доходы и обеспечивает поддержку привычного уровня жизни за счет вовлечения в оборот «отложенных» сбережений, доходов от продажи валюты и т. п. источников³. Но, поскольку возможности данного источника весьма ограничены, на протяжении 2013–2018 гг. дальневосточники

¹ Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг рассчитывается для межрегиональных сопоставлений покупательной способности населения. При исчислении показателя как по субъектам РФ, так и по России в целом используются единые веса (количество товаров), сохраняющиеся постоянными на все время исчисления показателя, и фактические средние потребительские цены по субъектам РФ и России в целом. Используемые в расчетах веса являются условными и не ставят задачи отразить реальные объемы потребления товаров в данный момент времени. В состав набора включены 83 наименования товаров и услуг, в том числе 30 видов продовольственных товаров, 41 вид непродовольственных товаров и 12 видов услуг. Данные о стоимости набора определяются в расчете на одного человека в месяц (Официальная статистическая методология организации статистического наблюдения за потребительскими ценами на товары и услуги и расчета индексов потребительских цен: утверждена приказом Росстата № 734 от 30 декабря 2014 г.).

² Аганбегян А.Г. Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных проектов // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 3. С.170.

³ Прокапало О.М., Найден С.Н., Мотрич Е.Л., Бардаль А.Б. Российский Дальний Восток: экономические тренды / под ред. О.М. Прокапало; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017.

прибегали к нему дважды в 2014 и 2018 г., оба раза на волне высоких инфляционных ожиданий. Это сказалось и на колебаниях потребительского поведения домашних хозяйств, которые после всплеска финансовой подпитки выбрали стратегию разумной экономии, что, несомненно, отразилось на их расходной политике¹.

В структуре расходов на конечное потребление² домашних хозяйств в 2013–2018 гг. перераспределение средств между статьями было обусловлено ростом цен на услуги (особенно, жилищно-коммунальные, медицинские, транспортные), потребляемые в домашних хозяйствах, что повлияло на увеличение доли расходов на их оплату с 26,0% в 2013 г. до 27,7% в 2018 г. (рис. 2.4).

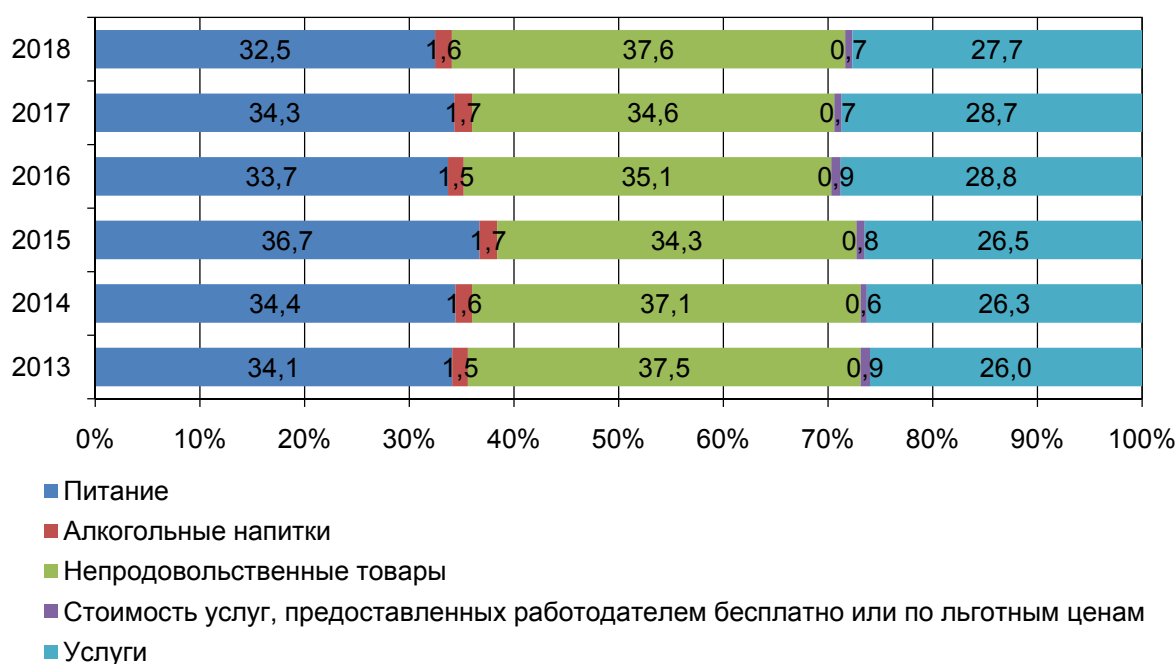

Рис. 2.4. Структура расходов на конечное потребление домашних хозяйств в ДФО, %

Источник: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйства в 2013–2018 гг. / ФСГС. 2019.

Как следствие, домашние хозяйства экономят на наиболее доступной для этих целей статье: доля расходов на питание³ в 2018 г. относительно 2013 г., сократилась на 1,6 п. п., достигнув 32,5% – минимального значения за весь исследуемый период. При

¹ Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Июль 2016 / под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2016.

² Расходы на конечное потребление домашних хозяйств состоят из потребительских расходов, а также оценки в денежном эквиваленте стоимости натуральных поступлений продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг. В расходы на конечное потребление не включается стоимость товаров, если они были приобретены не для собственного потребления.

³ Расходы на питание в домашних хозяйствах складываются из денежных расходов на покупку продуктов, предназначенных для личного потребления внутри домохозяйств, расходов на питание вне дома и стоимости натуральных поступлений продуктов питания.

этом восстановились позиции доли расходов на приобретение непродовольственных товаров¹ (37,6% от всех расходов на конечное потребление). Но если в 2013 г. разница между удельными расходами на продовольственные и непродовольственные товары составляла 3,4 п. п. (34,1 и 37,5%), то к 2018 г. произошло увеличение разрыва до 5,1 п. п. (32,5 и 37,6%).

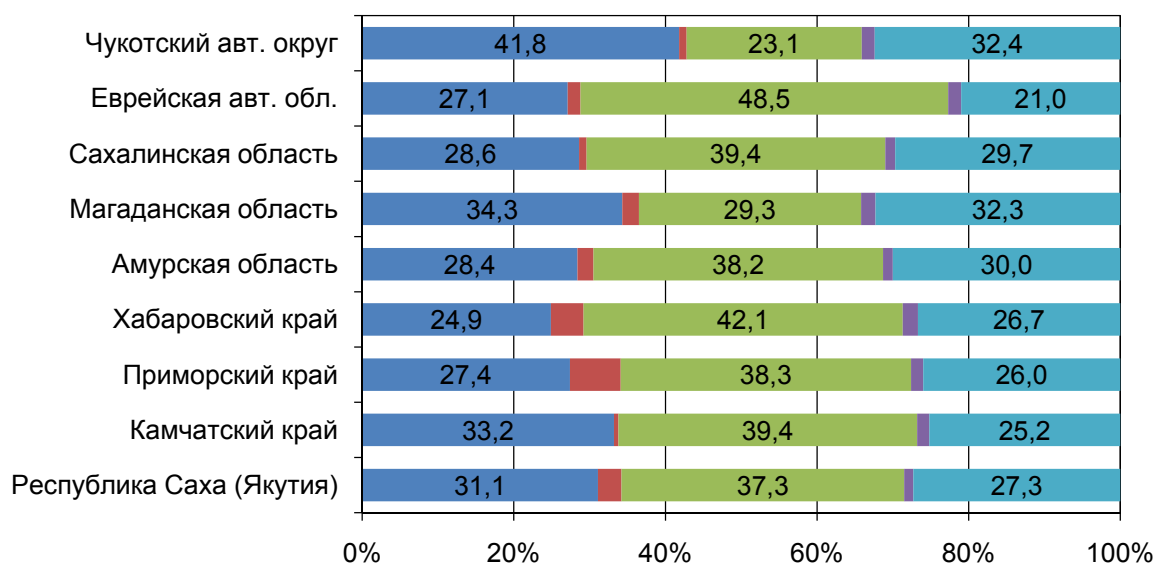
Анализ непосредственно потребительских расходов² домашних хозяйства показывает, что и в 2018 г. наиболее весомой статьёй в бюджетах домашних хозяйств ДФО остаются расходы на непродовольственные товары (38,9%) и продукты питания (28,0%), доля которых в потребительских расходах практически не изменилась по сравнению с 2013 г. Рост удельных расходов на оплату услуг с 27,2% в 2013 г. до 28,7% в 2018 г. произошел в основном за счет увеличения доли расходов на жилищно-коммунальные платежи до 13,0% (+2,2 п. п. к уровню 2013 г.), на услуги транспорта до 17,1% (+1,5 п. п. к уровню 2013 г.), и незначительного увеличения расходов на здравоохранение до 3,5% (+0,3 п. п. к уровню 2013 г.). Удельный вес расходов на образование сократился и составил в 2018 г. всего 0,9% от всех потребительских расходов на одного члена домашнего хозяйства против 1,2% в 2013 г., продолжила снижение доля расходов за услуги связи (-0,6 п. п.). Кризисные явления сказались на частичном отказе членов домашних хозяйств от посещения кафе и ресторанов, поэтому данная статья расходов в 2018 г. в их бюджетах сократилась на 1,1 п. п. и составила всего 3,0% от всех расходов. Та же участь постигла и группу товаров «одежда и обувь», расходы на которую к 2018 г. сократились на 1,7 п. п. по сравнению с 2013 г., впервые за 5 лет составив менее 9% (всего 8,4%), что подтверждает выбранную стратегию экономного потребительского поведения домохозяйств.

Среди регионов с высокой долей расходов на питание стабильно держатся северные территории (47,4% ЧАО, 34,8% Магаданская область, 31,4% Республика Саха (Якутия)), отличающиеся повышенной стоимостью продовольствия, значительная часть которого не производится на этих территориях, а доставляется из южных и центральных районов страны. В попытке выдержать стратегию на сохранение достойного уровня жизни в условиях оптимизации финансовых расходов Камчатский край, Саха-

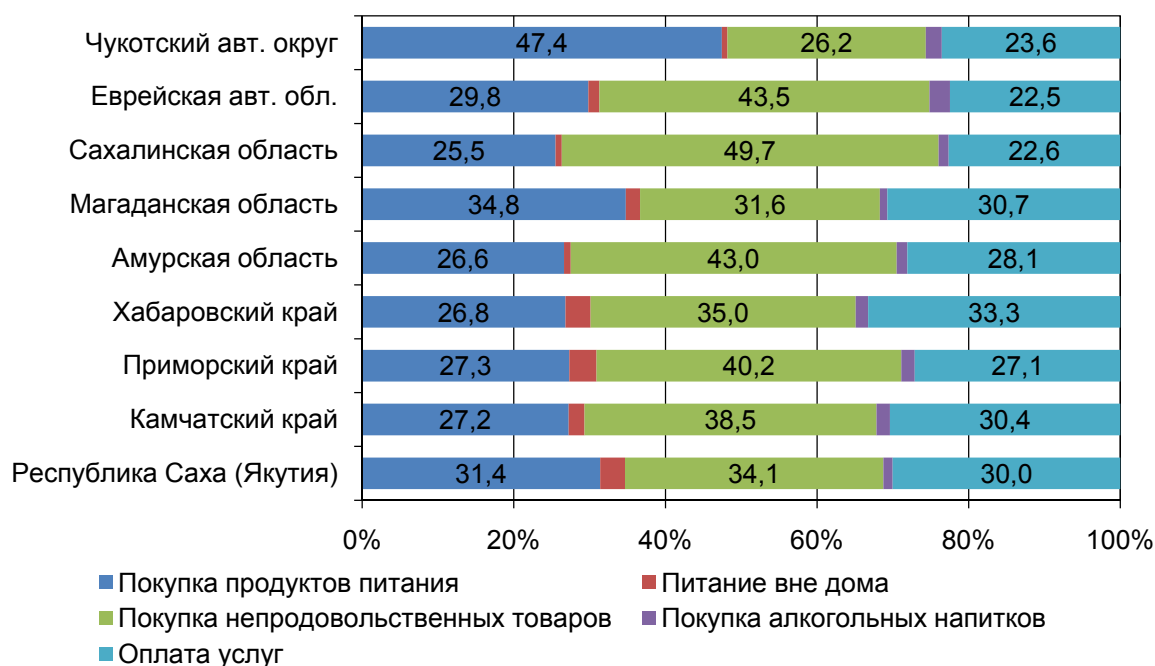
¹ Расходы на непродовольственные товары в домашних хозяйствах состоят из денежных расходов на покупку непродовольственных товаров, предназначенных для личного потребления внутри домохозяйств, и стоимости натуральных поступлений.

² Потребительские расходы домашних хозяйств являются частью денежных расходов, направленных на приобретение потребительских товаров и услуг. Учет производится по полной стоимости товаров и услуг, независимо от того, полностью или частично они были оплачены на момент приобретения и для каких целей они предназначались (для личного потребления или передачи другому домохозяйству). В составе потребительских расходов не учитываются расходы на покупку произведений искусства, антиквариата и ювелирных изделий, приобретенных в качестве капиталовложений, оплата материалов и работ по строительству и капитальному ремонту жилых или подсобных помещений, являющиеся инвестициями.

линская область и южные регионы ДФО за исключением Еврейской автономной области в 2018 г. сократили долю расходов на питание: от максимального –6,0 п. п. на Камчатке до минимального –0,1 п. п. в Приморье (рис.2.5).

а) 2013 год

б) 2018 год

Рис. 2.5. Структура потребительских расходов домашних хозяйств в регионах ДФО в 2013 г. и в 2018 г., %

Источник: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйства в 2013–2018 гг. / ФСГС . 2019.

Относительно небольшие расходы на питание вне дома, тем не менее, претерпели сокращение практически повсеместно. Исключение составили лишь Камчатский край и Республика Саха (Якутия), где эта статья расходов незначительно выросла (+1,5 п.п и +0,2 п. п). А вот снижение доли расходов, направляемых на алкоголь, произошло только в Хабаровском крае (-0,3 п. п. к уровню 2013 г.) и в Магаданской области (-0,9 п. п.) (см. *рис. 2.5*).

Несомненно, что перераспределение удельных расходов коснулось и непродовольственных товаров: -7,1 п. п. относительно уровня 2013 г. в Хабаровском крае, -5,0 п. п. в ЕАО, -3,2 п.п. в Республике Саха (Якутия), -0,9 п. п. в Камчатском крае. В этом сегменте рост был зафиксирован в Сахалинской области (+10,3 п. п.), Амурской области (+4,8 п. п.), ЧАО (+3,1 п. п.), Магаданской области (+2,3 п. п.), Приморском крае (+1,9 п.п.).

В первую очередь сокращение коснулось одежды, обуви, белья и тканей (-4,2 п. п. в целом по ДФО, -10,4 п. п. в Приморском крае, -10,1 п. п. на Сахалине), т. е. тех предметов, которыми за последние десятилетия каждое домашнее хозяйство, в принципе, имело возможность насытить и разнообразить свой гардероб, что позволяет, с одной стороны, безболезненно сократить объем новых приобретений. С другой стороны, за исследуемый период на Дальний Восток пришли крупные федеральные сети, реализующие товары «fashion-индустрии». Еще 2 года назад Дальний Восток оставался аутсайдером по присутствию международных брендов среди всех макрорегионов России. «Свои магазины здесь имели лишь 5% от общего числа присутствующих в стране глобальных ритейлеров. Основными сдерживающими факторами для активной экспансии ритейлеров в регион считалась удаленность центральных городов (Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, Южно-Сахалинска) от Москвы»¹. Но по мере освоения рынков и насыщения товарами центральных районов страны, сетевые компании пришли на Дальний Восток, который со своей стороны откликнулся подготовкой соответствующих торговых площадей и инфраструктуры. В результате проникновения известных марок и брендов одежды и обуви, на дальневосточном рынке произошло снижение цен, которые выдерживаются едиными по всей стране, что тоже способствовало снижению удельных расходов на данную статью.

Отсутствие роста удельных расходов на теле- и радиоаппаратуру (-2,6 п. п. в целом по ДФО), объясняется насыщением спроса, когда число соответствующих предметов в отдельных домохозяйствах достигает порой количества его членов или комнат в жилье. Схожая ситуация наблюдается и с мебелью, домашним оборудованием, предметами для ухода за домом (-2,1 п. п.). Безусловным лидером по приросту удельных расходов остается приобретение и обслуживание транспортных средств, являющихся не только средствами передвижения, но и зачастую средствами производства в сфере предпринимательства. Наиболее значительный рост по «доле расходов на транспорт-

¹ Дальний Восток входит в моду у ритейлеров // Магазин Магазинов. 2017. 17 апреля.

ные средства» продемонстрировала Сахалинская область, где статья выросла с 19,6% в 2013 г. до 48,0% в 2018 г. (+10,4 п. п.) и обеспечила двукратное опережение по отношению к аналогичной статье у традиционного автомобильного лидера – Приморского края, у которого рост составил всего +8,4 п. п. к уровню 2013 г. и достиг только 24,4% от расходов на непродовольственные товары. В отрицательной зоне по расходам на приобретение транспортных средств оказались Республика Саха (Якутия), Хабаровский край и Еврейская автономная область, сократившие номинальные расходы по данной статье почти на 50% по сравнению с 2013 г. Как следствие роста цен на бензин, все регионы ДФО показали рост номинальных расходов на топливо от +13,4% к 2013 г. в Якутии до 4-х кратного роста расходов на Чукотке.

Практически у всех регионов ДФО наблюдается положительная динамика по статье «расходы на оплату услуг»: максимальный номинальный прирост за 2013–2018 гг. составил от +45,4% в Республике Саха (Якутия) до +17,4% Амурской области. Исключение составил Чукотский автономный округ, где сократились как номинальные (–20,8%), так и удельные расходы на оплату услуг (–8,8 п. п.) к уровню 2013 г.

В целом по округу в структуре расходов на оплату услуг продолжают преобладать жилищно-коммунальные услуги, достигшие в 2018 г 38,0%, прибавив 2,7 п. п. относительно уровня 2013 г. (*табл. 2.18*).

К группе лидеров по максимальному приросту примыкают удельные расходы на бытовые услуги (+1,4 п. п. к уровню 2013 г.) и услуги учреждений культуры (+1,2 п. п.), занимающие соответственно 11,9% и 12,9% в структуре всех расходов на оплату услуг. Среди регионов ДФО, несмотря на абсолютный рост номинальных расходов, прирост удельных расходов на услуги ЖКХ в 2018 г. показали Чукотский автономный округ (+26,4 п. п.), Республика Саха (Якутия) (+6,4 п. п.), Сахалинская область (+6,1 п. п.), Приморский край (+3,5 п. п.), Магаданская область (+2,5 п. п.), Хабаровский край (+0,9 п. п.).

Максимальный прирост удельных расходов на бытовые услуги оказался в Амурской области (на +4,6 п. п., поднявшись с 7,3% в 2013 г. до 11,9% в 2018 г.) и Приморском крае (+3,9 п. п., с 12,5 до 16,4%), наряду с сохранением высоких удельных позиций за Хабаровским краем (12,5% от стоимости всех оказанных населению услуг), Магаданской и Сахалинской областями (12,2 и 10,4% соответственно), что вполне объяснимо, так как именно в этих субъектах сконцентрированы, например, предприятия по техническому обслуживанию и ремонту транспортных средств, машин и оборудования, услуги которых в условиях высокой обеспеченности автомобильным транспортом жителей Дальнего Востока пользуются постоянным спросом. Лидером по приросту удельных расходов на услуги учреждений культуры стал Хабаровский край (+6,2 п. п. с 12,7 до 18,9%), который стал площадкой для массовых зрелищных мероприятий не только регионального, но и национального масштаба.

**Структура расходов на оплату услуг в домашних хозяйствах
по регионам ДФО, % от стоимости всех услуг**

Территория	Жилищно-коммунальные услуги	Бытовые услуги	Услуги учреждений культуры	Услуги системы образования	Медицинские услуги	Санаторно-оздоровительные услуги	Услуги пассажирского транспорта	Услуги связи	Прочие услуги
2013									
ДФО	35,3	10,5	11,4	6,6	4,3	1,4	13,6	12,1	4,8
Республика Саха (Якутия)	28,5	5,4	5,1	7,8	3,3	1,8	27,3	11,2	9,6
Камчатский край	50,3	9,9	8,7	3,9	3,1	0,5	9,0	12,8	1,8
Приморский край	33,8	12,5	16,5	7,0	4,4	0,7	10,7	12,3	2,1
Хабаровский край	34,4	12,1	12,7	6,0	7,3	2,5	10,6	10,8	3,6
Амурская область	43,1	7,3	8,6	8,0	1,7	1,4	7,1	12,4	10,4
Магаданская область	43,1	14,3	8,0	4,7	2,1	0,1	14,3	11,7	1,7
Сахалинская область	30,9	12,3	11,5	5,0	3,4	1,0	16,7	15,7	3,5
ЕвАО	41,8	9,7	6,3	8,2	4,7	1,5	11,9	13,6	2,3
ЧАО	27,3	7,9	7,3	8,8	2,8	0,5	19,3	12,6	13,5
2018									
ДФО	38,0	11,9	12,6	6,0	4,3	1,2	10,9	8,6	6,4
Республика Саха (Якутия)	34,9	6,4	6,3	5,5	2,8	1,5	21,8	9,8	10,9
Камчатский край	49,4	8,1	12,2	6,4	2,4	0,7	9,8	8,6	2,6
Приморский край	37,3	16,4	12,3	6,4	4,4	1,1	7,2	7,9	7,1
Хабаровский край	35,3	12,5	18,9	5,4	5,7	1,9	10,6	6,5	3,3
Амурская область	42,2	11,9	7,8	8,3	4,5	0,4	6,6	11,1	7,3
Магаданская область	45,6	12,2	12,7	5,4	3,9	1,3	7,0	9,5	2,3
Сахалинская область	37,0	10,4	14,5	5,0	4,2	0,2	9,2	10,8	8,7
ЕАО	38,9	9,6	9,4	7,3	4,6	0,8	11,3	12,9	5,2
ЧАО	53,7	5,3	2,2	3,1	0,6	0,3	16,5	15,9	2,5

Источник: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйства в 2013–2018 гг. / ФСГС. 2019.

Таким образом, анализ динамики и структуры доходов и расходов населения в регионах ДФО в 2013–2018 гг. позволяет констатировать следующее:

- несмотря на положительную динамику номинальных среднедушевых доходов населения, среднемесячной заработной платы и среднемесячных назначенных пенсий населения в ДФО, прирост реальных доходных показателей остается отрицательным по большинству регионов, входящих в его состав;
- под влиянием кризисных явлений в экономике, дальневосточники дважды, в 2014 г. и в 2018 г., прибегали к интенсивной компенсации выпадающих доходов, чем

обеспечивали себе поддержку привычного уровня жизни за счет вовлечения в оборот «отложенных» сбережений, доходов от продажи валюты и т. п. источников;

- несмотря на рост покупательной способности доходов, заработной платы и пенсий населения в сравнении со стоимостью прожиточного минимума их реальное содержание продолжает оставаться значительно ниже, чем в среднем по России и самое главное, значительно ниже, чем в тех регионах страны, куда в основном предпочитают мигрировать дальневосточники в надежде на достойное благосостояние;

- в структуре расходов на конечное потребление домашние хозяйства ДФО, вынужденные оплачивать растущие тарифы на жилищно-коммунальные услуги, были вынуждены сократить удельные расходы на питание и досуг;

- в структуре расходов на непродовольственные товары четко прослеживается потребительская стратегия, ориентированная на снижение второстепенных расходов и использование созданных запасов, исключение составляют расходы на приобретение и обслуживание транспортных средств, которые в большинстве домохозяйств являются не предметами роскоши, а средствами передвижения и даже средствами производства (в сфере предпринимательства);

- за внешне относительно благополучными по сравнению со среднероссийскими показателями дифференциации доходов населения в ДФО скрывается сохранение высоких показателей бедности и расширение экономического и социального расслоения внутри регионов, обусловленное особенностями пространственной дифференциации факторов производства и различной степенью последствий кризисных явлений.

В целом, потребительское поведение домашних хозяйств ДФО в 2013–2018 гг. можно охарактеризовать как инфляционное ожидание, проявляющееся в «экономии на потреблении товаров и услуг» с целью сохранения, если не привычного, то хотя бы достойного уровня благосостояния с учетом «адаптации к экономическим изменениям»¹. Несмотря на многочисленные призывы и действия со стороны официальных органов власти по обеспечению условий для формирования человеческого капитала в макрорегионе, в том числе и за счет привлечения высокопрофессиональных мигрантов, способных осуществить «восточный прорыв» в экономике, Дальний Восток продолжает стабильно удерживать позиции отставания по основным параметрам благосостояния населения, имея в виду соотношение показателей благосостояния со средними показателями по России².

¹ Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Июль 2016 / под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2016.

² Аганбегян А.Г. Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных проектов // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 3.

2.3. РЫНОК ТРУДА

Рынок труда как крайне сложный распределительный механизм играет важную роль в любой экономической системе, обеспечивая непрерывный процесс воспроизводства рабочей силы, эффективное использование труда, а параметры его развития в значительной степени определяют темпы экономического роста¹.

Отличительной особенностью российской модели рынка труда является его реакция на колебания экономической конъюнктуры. На все макроэкономические шоки и кризисы рынок труда реагирует преимущественно изменениями в цене труда². Такая модель обеспечивает высокий и стабильный уровень занятости и низкий уровень безработицы при значительных проциклических флуктуациях оплаты труда³.

Состояние сферы занятости и динамика параметров рынка труда длительное время находятся под влиянием ряда макроэкономических проблем. Имеются серьезные ограничения со стороны предложения труда на рынке. Трансформация возрастной структуры населения, характеризующейся сокращением трудоспособного населения на фоне роста численности старших возрастных групп и снижения молодого контингента, снижает приток рабочей силы. Отмечается несоответствие спроса на рабочую силу и ее предложения по ряду качественных характеристик, имеется дефицит квалифицированной рабочей силы, темпы создания высокопроизводительных рабочих мест низкие, уровень и дифференциация оплаты труда невысокий⁴. Негативное влияние перечисленных факторов, характерных для всех российских регионов, усугубляется на Дальнем Востоке длительным отрицательным демографическим трендом, более низкими показателями здоровья населения, ограничивающими способности населения к длительному и интенсивному труду.

В исследуемый период 2013–2018 гг. российская экономика пережила очередной кризис. Реакцией на снижение темпов экономического роста со стороны рынка труда было падение заработной платы при стабильном уровне занятости населения. Графическое представление трендов изменения валового продукта, реальной заработной платы, уровня занятости и безработицы за период 2013–2017 гг. подтверждает наличие специфики российской модели рынка труда (*рис. 2.6, рис. 2.7*). В целом по экономике РФ пе-

¹ Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. Доклад Центра трудовых исследований и Лаборатории исследования рынка труда НИУ ВШЭ / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова, С. Рощина. М., 2017. С. 9.

² Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие / под ред. Я.И. Кузьмина, Л.Н. Овчаровой, Л.И. Яковсона. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2018.

³ Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. Доклад Центра трудовых исследований и Лаборатории исследования рынка труда НИУ ВШЭ / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова, С. Рощина. М., 2017.

⁴ Коровкин А.Г. Макроэкономическая оценка состояния и перспектив развития сферы занятости и рынка труда в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. №1 (37).

риод 2013–2014 гг. характеризовался замедлением темпов экономического роста, реальная заработная плата при этом возрастала, безработица сократилась, а занятость практически не изменилась. 2015 г. выделяется резким падением реальной заработной платы на фоне отрицательных темпов роста ВВП, занятость при этом осталась без изменений. С 2016 г. индекс физического объема валового внутреннего продукта стал увеличиваться, на что моментально отреагировала заработная плата, темп роста которой превысил темп экономического роста.

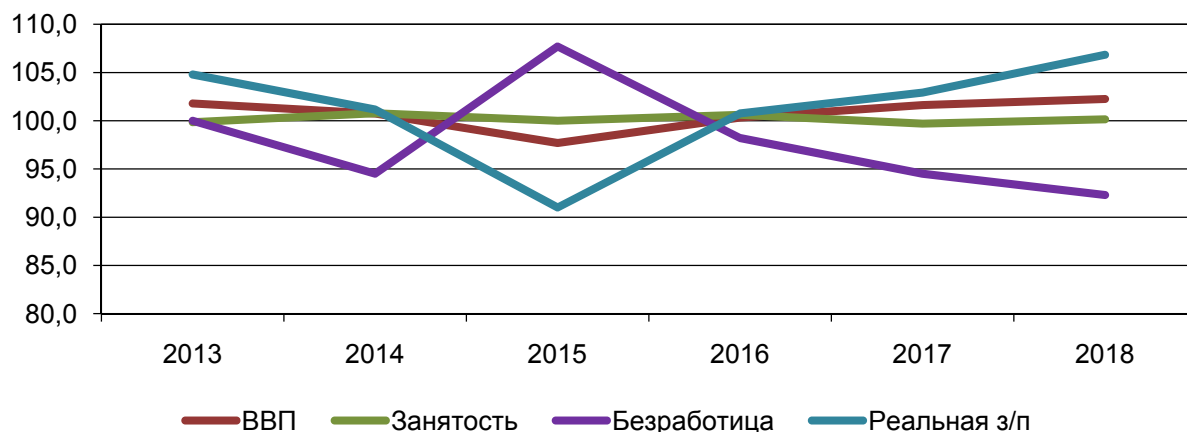

Рис. 2.6. Темпы роста ВВП, уровня занятости, уровня безработицы и реальной заработной платы по Российской Федерации, % к предыдущему году

На Дальнем Востоке отрицательный темп роста ВРП наблюдался в 2013 и 2017 гг., а в другие годы анализируемого периода темп прироста регионального продукта не превышал 1%. При этом темп роста уровня занятости населения на протяжении всего периода оставался в положительной плоскости измерения. В отличие от общероссийской картины, отрицательные темпы роста ВРП на Дальнем Востоке сопровождались сокращением безработицы. Такая ситуация отмечалась в 2013 и 2017 гг. Линии трендов на графике отчетливо показывают, что наибольшие колебания происходят в реальной заработной плате.

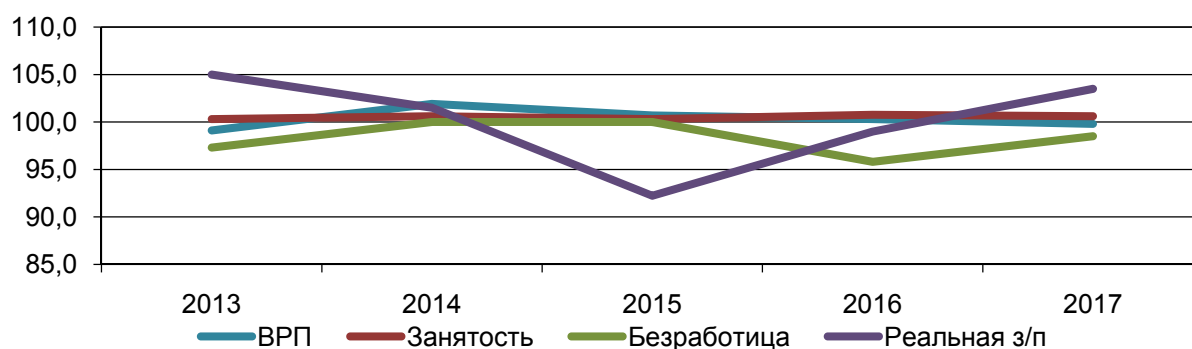

Рис. 2.7. Темпы роста ВРП, уровня занятости, уровня безработицы и реальной заработной платы по Дальневосточному федеральному округу, % к предыдущему году

Динамика основных параметров рынка труда в исследуемый период характеризовалась следующими изменениями. По итогам 2018 г. численность рабочей силы в возрасте 15–72 лет в целом по ДФО составила 3323,2 тыс. чел. В отличие от общероссийской картины отмечается ежегодное сокращение численности экономически активного населения Дальнего Востока, которое происходит на фоне сокращения общей численности населения. По сравнению с 2013 г. объем предложения на дальневосточном рынке труда сократился на 110,8 тыс. чел. или на 3,3%. При этом в целом стране увеличение численности рабочей силы составило 482,5 тыс. чел или 100,6% от уровня базового года, что обусловлено включением в состав РФ новых территорий Крымского полуострова в 2015 г. Нисходящий тренд характерен для большинства дальневосточных регионов. Наибольшее снижение показателя отмечено в Магаданской и Еврейской автономной областях, на 12 и 10% соответственно. При этом в 2018 г. в двух дальневосточных регионах отмечался небольшой рост численности экономически активного населения – в Приморском крае на 900 чел. и в Сахалинской области на 400 чел. (табл. 2.19).

Таблица 2.19

Численность рабочей силы в возрасте 15–72 лет по регионам ДФО, тыс. чел.

Территория	2013	2014	2015	2016	2017	2018
РФ	75 528,9	75 428,4	76 587,5	76 636,1	76 108,5	76 011,4
ДФО	3434,0	3412,4	3376,3	3355,5	3339,6	3323,2
Республика Саха (Якутия)	504,6	502,9	501,3	489,7	497,8	499,1
Камчатский край	190,2	188,8	188,9	183,1	178,8	178,8
Приморский край	1068,8	1059,7	1056,6	1049,3	1035,6	1036,5
Хабаровский край	746,8	744,6	727,9	734,0	733,1	725,8
Амурская область	419,0	421,8	411,8	414,0	413,6	409,3
Магаданская область	99,0	94,1	93,3	90,4	90,9	87,5
Сахалинская область	284,2	281,5	279,8	278,2	276,2	276,6
ЕАО	88,3	85,7	84,6	84,5	82,4	79,2
ЧАО	33,2	33,3	32,2	32,3	31,3	30,4

Источник: Численность рабочей силы по субъектам Российской Федерации / ФСГС. 2019.

В структуре экономически активного населения основную долю занимают мужчины – 51% в целом по РФ и 53% на Дальнем Востоке¹. В рамках исследуемого периода соотношение между мужчинами и женщинами в целом по стране оставалось неизменным, в то время как на Дальнем Востоке доля женщин в структуре экономически активного населения увеличилась на 1 п. п. В региональном разрезе картина соотношения между мужчинами и женщинами аналогичная, удельный вес мужчин составляет чуть более 50%.

¹ Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2013, 2018 / ФСГС. 2018.

Возрастная структура экономически активного населения характеризуется негативными тенденциями, обусловленными сокращением контингента населения молодых возрастов на фоне роста населения старшей возрастной группы. При этом на Дальнем Востоке постепенно сокращается преимущество в возрастной структуре населения. Средний возраст экономически активного населения составляет 40,3 года, что ниже среднего по стране показателя на 0,5 года. Доля трудоспособного населения в структуре экономически активного составила 89,6%, сократившись относительно уровня 2013 г. на 0,1 п. п., тогда как в целом по стране показатель снизился более существенно – с 91,3 до 89,9%.

По итогам 2018 г. население Дальнего Востока в возрасте 15–29 лет составило 21,8% от экономически активного населения при среднероссийском показателе 20,4%. За исследуемый период удельный вес данной возрастной группы сократился на 3,1 п. п. Доля населения в возрастных группах 30–39 и 40–49 лет увеличилась на 2,9 и 1,2 п. п. соответственно. Также увеличение отмечено в возрастной группе 60–72 года – с 6 до 6,1%.

В региональном разрезе тенденции в области изменений возрастной структуры экономически активного населения идентичны. За период 2013–2018 гг. продолжает сокращаться доля молодого поколения в структуре рабочей силы, постепенно повышается средний возраст, сокращается удельный вес группы трудоспособного населения при повышении доли возрастной группы 60–72 лет.

Более трети экономически активного населения Дальнего Востока имеют высшее образование. По сравнению с 2013 г. удельный вес данной категории увеличился с 29,9 до 32,2%. На втором месте находятся лица со средним профессиональным образованием. В целом по округу доля данной группы составила в 2018 г. 24,8%. Третью строчку занимают лица со средним общим образованием – 19,4%. По данной позиции ситуация на Дальнем Востоке отличается от общероссийской. Если в 2013 г. на Дальнем Востоке на третьем месте были лица с начальным профессиональным образованием, а в среднем по РФ – лица со средним полным образованием, то в 2018 г. доля экономически активного населения со средним образованием на Дальнем Востоке увеличилась, тогда как в целом по РФ произошли обратные изменения. Образовательная структура экономически активного населения, характеризующаяся преобладанием лиц с высшим образованием, идентична для всех дальневосточных регионов, исключение составляет только Еврейская автономная область. В данном регионе большую долю занимают лица со средним профессиональным образованием, обучающиеся по программе подготовки квалифицированных рабочих. Также в регионе достаточно высокий показатель доли экономически активного населения, имеющего только основное общее образование, причем за исследуемый период отмечается рост показателя с 10,2 до 13,2%. Для сравнения аналогичный показатель по ДФО и РФ составил в 2018 г. 4,9 и 3,7% соответственно.

Сокращение численности занятого населения происходило меньшими темпами по сравнению с динамикой экономически активного населения. Если сжать предложения

на рынке труда Дальнего Востока в 2018 г. составило 3,3% относительно 2013 г., то общее количество занятых в округе сократилось на 2%. В большинстве регионов Дальнего Востока сокращение занятых колебалось в пределах 1–2%. Из общей картины выделяются два региона: Магаданская область и ЕАО. Аналогично ситуации с численностью экономически активного населения в этих регионах наблюдается высокая скорость снижения численности занятых. Причем, если в ЕАО темпы сокращения показателей сопоставимы между собой и находятся на уровне 10%, то в Магаданской области темп сокращения занятого населения превышает темп снижения численности экономически активного населения (*табл. 2.20*).

Таблица 2.20

Численность занятого населения в ДФО, тыс. чел.

Территория	2013	2014	2015	2016	2017	2018
РФ	71 391,5	71 539,0	72 323,6	72 392,6	72 142,0	72 354,4
ДФО	3210,4	3193,4	3165,0	3159,2	3151,2	3148,6
Республика Саха (Якутия)	467,1	465,6	464,5	454,6	462,3	464,6
Камчатский край	179,5	177,3	180,4	175,5	171,2	170,1
Приморский край	993,0	986,7	983,2	986,5	979,3	980,8
Хабаровский край	704,6	700,7	689,0	697,4	697,5	698,5
Амурская область	393,3	398,3	387,7	389,4	389,3	386,5
Магаданская область	96,2	91,2	89,3	86,4	86,1	83,1
Сахалинская область	263,7	263,1	262,0	260,5	259,7	261,9
ЕАО	80,9	78,2	77,9	77,6	75,5	73,6
ЧАО	32,1	32,3	30,9	31,2	30,4	29,5

Источник: Численность занятых по субъектам Российской Федерации / ФСГС. 2019.

Средний возраст занятого населения по итогам 2018 г. на Дальнем Востоке совпал со среднероссийским показателем. Аналогичная ситуация отмечалась в базовом году с небольшой разницей в возрасте. Если в 2013 г. средний возраст занятых составлял 40,3, то к 2018 г. увеличился до 40,8. Распределение занятого населения по возрастным группам в целом повторяет общероссийские тенденции. Основную долю составляют лица в возрасте 30–39 лет, далее идет возрастная группа 40–49 лет и 20–29. Во всех дальневосточных регионах удельный вес самой старшей возрастной группы превышает средний показатель по РФ. Причем ситуация сохраняется в течение анализируемого периода. Если в 2013 в целом по стране в структуре занятого населения эта группа занимала 4,7% против 6,1%, то к 2017 г. показатель увеличился до 5,3 и 7% соответственно. Увеличение доли старших возрастов в структуре занятого населения свидетельствует о том, что при наступлении пенсионного возраста население стремится продолжить трудовую деятельность в силу невысокого уровня пенсионного обеспечения.

Уровень занятости на Дальнем Востоке традиционно превышает среднероссийский показатель. По итогам 2018 г. он составил в ДФО 66,9 против 65,6% в целом по стране. Несколько выбиваются из общей картины два дальневосточных региона – Амурская область и ЕАО. В этих регионах уровень занятости не только самый низкий в округе, но и находится ниже среднероссийского показателя (*табл. 2.21*). В ЕАО показатель варьируется в пределах 60%. В Амурской области по итогам 2018 г. уровень занятости составил 64,1%, увеличившись относительно базового периода на 2,2 п. п. Наиболее высокий показатель занятости отмечается в Чукотском автономном округе. В общей численности населения удельный вес занятых по итогам 2013 г. составлял более 80%. К концу исследуемого периода показатель снизился до отметки 76,5%, но по-прежнему остался самым высоким в округе. Также высокая доля занятого населения наблюдается в Магаданской области – 72,3% по итогам 2018 г. В целом динамика показателя за период носит волнообразный характер. Снижение уровня занятости в 2018 г. относительно базового периода продемонстрировали 4 из 9 регионов ДФО.

Таблица 2.21

Динамика уровня занятости населения в ДФО, % к общей численности населения

Территория	2013	2014	2015	2016	2017	2018
РФ	64,8	65,3	65,3	65,7	65,5	65,6
ДФО	65,2	65,6	65,8	66,3	66,7	66,9
Республика Саха (Якутия)	65,2	65,4	65,6	64,5	65,5	65,7
Камчатский край	69,7	69,2	71,0	70,2	69,1	69,2
Приморский край	63,9	64,2	64,9	65,9	65,9	66,3
Хабаровский край	66,0	66,3	65,9	67,4	68,1	68,5
Амурская область	61,9	63,6	62,9	63,6	64,2	64,1
Магаданская область	76,8	74,4	74,3	73,5	74,4	72,3
Сахалинская область	66,9	67,5	68,1	68,6	68,9	69,7
ЕАО	60,2	59,3	60,4	61,4	60,9	60,1
ЧАО	80,4	81,2	78,5	79,6	78,3	76,5

Источник: Уровень занятости населения по субъектам Российской Федерации / ФСГС. 2019.

Структура экономики Дальнего Востока обуславливает распределение занятого населения по видам экономической деятельности. По итогам 2017 г. более 17% занятых было сконцентрировано в оптовой и розничной торговле, 18,3% приходилось на другие виды деятельности. Обрабатывающие производства, занимающие по удельному весу занятых третье место в российской экономике, на Дальнем Востоке составляют только 8,5%. На образование, здравоохранение и социальные услуги приходится 15,6% против 13,9% в целом по РФ. В сфере добычи полезных ископаемых работает 3,6% занятого населения при среднероссийском показателе 1,6%, что обусловлено высокими показателями в традиционно добывающих регионах: Чукотском автономном округе, Магаданской области и Республике Саха (Якутия). Дальневосточные показатели также превышают

среднероссийские по таким видам деятельности как транспортировка и хранение, обеспечение электрическое энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха (рис. 2.8).

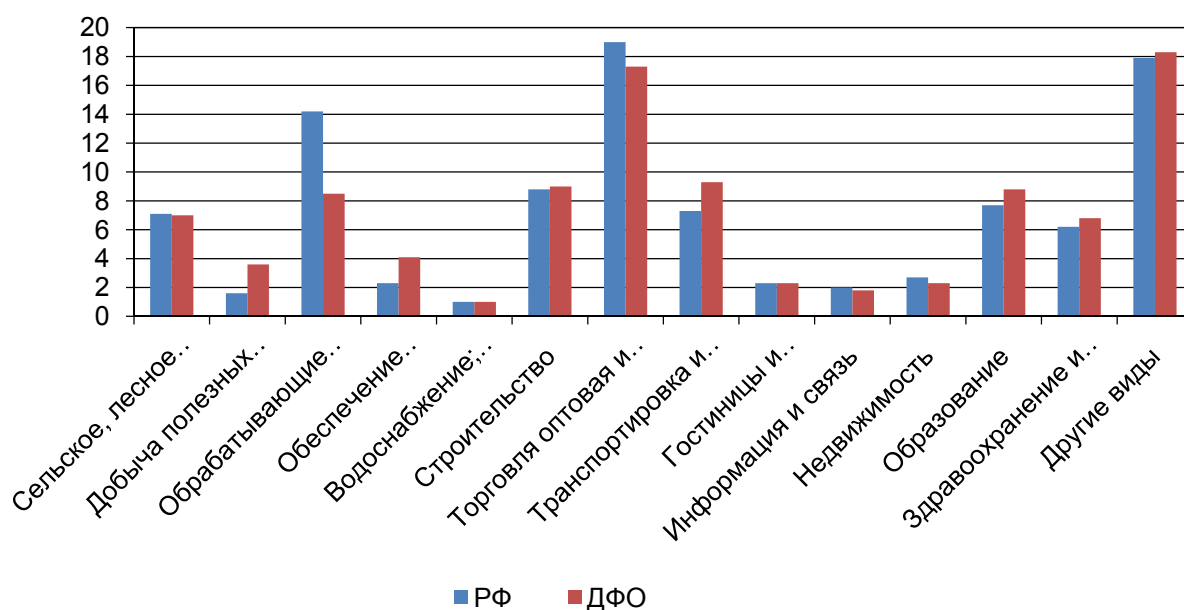

Рис. 2.8. Распределение занятого населения по видам экономической деятельности, 2017, %

Исследуемый период характеризовался сокращением численности безработных. В 2018 г. в целом по РФ безработными гражданами считалось 3,6 млн чел., что ниже уровня 2013 г. на 480,5 тыс. чел. В 2015 г. произошел скачок безработицы на 9,6% относительно предыдущего года, но уже со следующего года тенденция снижения численности безработного населения возобновилась. Скачок 2015 г., вероятнее всего, явился следствием увеличения численности населения РФ в связи с присоединением новых территорий, а не последствием кризисных явлений в экономике, что является характерной особенностью российской модели рынка труда.

Несмотря на снижение темпов экономического роста, скачка безработицы на Дальнем Востоке не наблюдалось (табл. 2.22). Нисходящая траектория изменения численности безработных в округе была характерна для всего исследуемого периода. При этом снижение числа безработных граждан на Дальнем Востоке происходило более быстрыми, по отношению к среднероссийским, темпами. По итогам 2018 г. контингент безработных насчитывал 174,7 тыс. человек, сократившись относительно показателя базового года на 22%. За аналогичный период снижение численности населения, не имеющего работы, в целом по стране составило 12%. В региональном разрезе динамика показателя в большей степени носила волнообразный характер, но в целом за период по всем регионам ДФО произошло сокращение численности безработных. Исключением стала Магаданская область, в которой контингент безработных лиц увеличился на 1,6 тыс. человек.

Динамика численности безработных в ДФО, тыс. чел.

Территория	2013	2015	2017	2018	Изменение	
					чел.	%
РФ	4137,4	4263,9	3966,5	3657,0	-480,5	88
ДФО	223,7	211,3	188,4	174,7	-49,0	78
Республика Саха (Якутия)	37,4	36,7	35,5	34,5	-2,9	92
Камчатский край	10,8	8,4	7,7	8,8	-2,0	81
Приморский край	75,8	73,4	56,3	55,7	-20,1	73
Хабаровский край	42,2	38,9	35,7	27,3	-14,9	65
Амурская область	25,7	24,0	24,3	22,8	-2,9	89
Магаданская область	2,8	4,0	4,8	4,4	1,6	156
Сахалинская область	20,5	17,8	16,5	14,8	-5,8	72
ЕАО	7,3	6,7	6,9	5,6	-1,8	76
ЧАО	1,1	1,3	0,9	0,9	-0,1	86

Источник: Численность безработных по субъектам Российской Федерации / ФСГС. 2019.

В структуре безработных основной удельный вес занимают мужчины. Причем на Дальнем Востоке доля безработных мужчин выше, чем в целом по стране – 59,1% против 52,4%. В Республике Саха (Якутия) удельный вес безработных мужчин достигает 67%. В Магаданской области и Чукотском автономном округе безработица, напротив, более распространена среди женщин и составляет 53,6 и 50,2% соответственно.

В 2018 г. уровень безработицы, исчисленной по методологии МОТ, на Дальнем Востоке составил 5,3%, превысив средний показатель по стране на 10%. Исследуемый период характеризовался нисходящим трендом как в целом по РФ, так и на Дальнем Востоке. При этом темпы снижения показателя в округе опережали среднероссийские – 81,5 против 87,2%. Самый низкий уровень безработицы отмечается в Чукотском автономном округе. На протяжении всего периода 2013–2018 гг., показатель в данном регионе оставался самым низким в округе и не превышал среднего по стране. Такая же ситуация была характерна и для Магаданской области в 2013 г., но за рассматриваемый период показатель в области не только увеличился на 76%, но и превысил среднероссийский. Наибольшее сокращение уровня безработицы произошло в Хабаровском крае – на 33,3% относительно показателя 2013 г. Наряду с Чукотским автономным округом уровень безработицы в Хабаровском крае в 2018 г. опустился ниже отметки среднего значения по РФ (рис. 2.9).

Поиск работы на Дальнем Востоке занимает порядка 8 месяцев. В 2013 г. поиск работы занимал 7,8 месяцев и превышал среднероссийский показатель на 0,2 месяца. К 2018 г. он увеличился до 8 месяцев (с учетом новых регионов). При этом рост показателя был обусловлен исключительно включением в состав округа Республики Бурятия и Забайкальского края, в которых среднее время поиска работы выше аналогичного показателя по другим дальневосточным субъектам РФ.

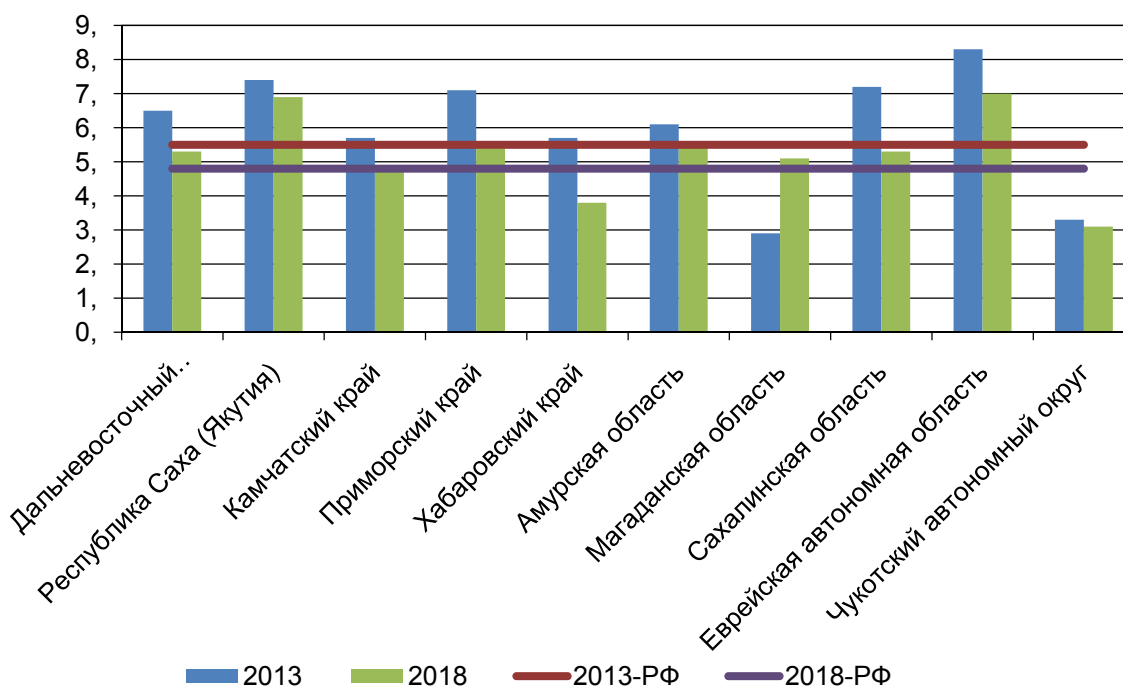

Рис. 2.9. Уровень безработицы, %

Для основной части безработных время поиска работы занимает более одного года. В 2013 г. столько времени требовалось 32,8% безработных, тогда как в целом по стране эта категория составляла 31%. К 2018 г. среднероссийский показатель снизился до 28,6%, а дальневосточный вырос до 34,1%. Меньше всего времени занимает поиск работы в Чукотском автономном округе. По сравнению с 2013 г. среднее время поиска в этом регионе сократилось на 5 месяцев и составило в 2018 г. 3,9 месяца, при этом значительно увеличилась доля безработных, поиск работы у которых занимает период до 3 месяцев – с 20,7 до 55%. Еврейская автономная область, напротив, выделяется на фоне регионов ДФО тем, что практически половина безработных трудоустраиваются только спустя 12 месяцев с момента начала поиска работы. Средний период поиска в данном субъекте РФ занимает 9 месяцев.

Показатель напряженности на рынке труда Дальневосточного федерального округа ниже, чем в среднем по стране (*табл. 2.23*). В среднем по итогам 2018 г. на одну вакансию, заявленную работодателями в государственные учреждения службы занятости населения, приходится 1,3 человека на Дальнем Востоке (в новых границах) и 2,3 человека в целом по РФ. За 2013–2018 гг. выделялся период повышения напряженности на рынках труда. Так, в 2015–2016 гг. в целом по РФ коэффициент напряженности увеличился в 1,5 раза и составил 3,3 человека на одну вакансию. На этом уровне показатель оставался и в течение следующего года, а с 2017 г. начал снижаться. На Дальнем Востоке рост показателя не был столь значительным, относительно 2014 г. коэффициент увеличился в 1,2 раза. В 2016 г. показатель увеличился до 1,8 чел. на одну вакансию и со следующего года начал снижаться. Даже с учетом вхождения в состав округа двух новых субъектов РФ показатель 2018 г. оказался ниже уровня базового периода.

Коэффициент напряженности на рынке труда по регионам ДФО, чел. на 1 вакансию

Территория	2013	2014	2015	2016	2017	2018
РФ	2,4	2,1	3,3	3,3	2,7	2,3
ДФО	1,6	1,4	1,7	1,8	1,2	1,3*
Республика Саха (Якутия)	1,5	1,7	3,9	4,2	4,2	3,4
Камчатский край	1,5	1,7	1,4	1,4	1,4	1,4
Приморский край	1,4	1,1	1,6	1,7	0,8	0,8
Хабаровский край	2,4	2,4	2,6	2,3	2,3	1,8
Амурская область	2	2,2	2,8	3,7	1	0,4
Магаданская область	0,6	0,6	1,5	1,9	1,9	1,6
Сахалинская область	2,1	1	0,8	0,8	0,9	0,9
ЕАО	0,9	0,6	0,8	0,8	0,9	0,7
ЧАО	0,8	0,7	1,1	1,3	1	0,9

Примечание: * ДФО в новых границах.

Источник: Коэффициент напряженности на рынке труда / ЕМИСС. 2019.

Среди дальневосточных субъектов РФ самая напряженная ситуация складывается на рынке труда Республики Саха (Якутия). В этом регионе численность безработных граждан в 3,4 раза превысила количество имеющихся вакансий в 2018 г., что выше среднего уровня по стране и является самым высоким показателем в округе. Коэффициент напряженности больше 1 также наблюдается в Камчатском крае, где показатель остается стабильным на протяжении всего исследуемого периода, в Хабаровском крае – с постепенным снижением коэффициента и Магаданской области, для которой, напротив, характерна тенденция роста напряженности на рынке труда.

Для большинства рынков труда дальневосточных субъектов РФ характерна ситуация превышения числа вакансий над численностью безработных граждан. По итогам 2018 г. такое положение складывалось в Приморском крае, Амурской, Сахалинской областях, Еврейской автономной областях и Чукотский автономный округ. При этом в ЕАО низкая напряженность на рынке труда сохранялась на протяжении всего рассматриваемого периода. Следует отметить, что большее количество вакансий по отношению к численности безработных граждан в данном субъекте РФ наблюдается на фоне самой высокой в округе безработицы, что может свидетельствовать как о рассогласованности спроса на труд с его и предложением в регионе, так и о недостатках самого показателя. Поскольку коэффициент отражает лишь вероятность того, что в случае возникновения критической ситуации на рынке труда, когда у незанятых граждан не останется выбора, они смогут занять рабочие места, которые не подходят им по уровню квалификации и специализации¹. Помимо этого, не каждый безработный регистрируется в службах занятости, что также занижает показатель.

¹ Колесникова О.А. О некоторых подходах к оценке напряженности на рынке труда и определению уровня естественной безработицы // Вестник ВГУ. Серия: экономика и управление. 2013. № 1.

Цена труда на Дальнем Востоке традиционно является одной из самых высоких в стране. В среднем заработная плата дальневосточников превышает среднероссийский показатель примерно на 25%. По итогам 2018 г. среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций в целом по экономике ДФО составила 54 151 руб., при среднероссийском показателе 43 445 руб. Более существенный разрыв наблюдается в северных территориях. Так, средняя заработная плата работников организаций Чукотского автономного округа выше среднероссийского уровня в 2,3 раза. Самый низкий уровень оплаты труда в Еврейской автономной области, в 2018 г. он составил только 89,9% от среднероссийского (*табл. 2.24*).

Таблица 2.24

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике в ДФО, руб.

Территория	2013	2014	2015	2016	2017	2018
РФ	29 792	32 495	34 030	36 709	39 167	43 445
ДФО	37 579	40 876	43 164	45 786	48 952	54 151
Республика Саха (Якутия)	46 542	51 111	54 631	59 000	62 206	67 491
Камчатский край	48 629	53 167	57 404	61 159	65 807	72 693
Приморский край	29 966	32 431	33 807	35 677	38 045	42 080
Хабаровский край	34 132	36 781	38 041	40 109	42 465	46 855
Амурская область	30 542	32 397	32 902	33 837	37 368	42 291
Магаданская область	57 121	62 152	65 996	69 769	75 710	85 992
Сахалинская область	49 007	54 896	61 311	64 959	68 496	75 105
ЕАО	27 358	29 439	30 896	32 165	34 409	39 002
ЧАО	68 261	76 285	79 531	86 647	91 995	98 374

Источник: Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в целом по экономике по субъектам Российской Федерации за 2000–2018 гг. / ФСГС. 2019.

Следует отметить, что при более высокой цене труда на Дальнем Востоке дифференциация населения по размеру заработной платы ниже, чем в среднем по РФ. Соотношение размеров средней заработной платы 10% наиболее оплачиваемых и 10% наименее оплачиваемых работников составляет в ДФО 11,9 при среднероссийском показателе 14,1¹. Самый высокий показатель дифференциации в Сахалинской области, соотношение заработных плат между крайними группами работников в этом регионе составляет 13,8. По другим дальневосточным регионам соотношение варьирует в пределах от 8,4 раз в Еврейской автономной области до 11,8 раз в Камчатском крае.

На протяжении всего исследуемого периода сохраняется превышение дальневосточных показателей по темпу роста реальных заработных плат над среднероссийским уровнем (*табл. 2.25*). Падение реальных заработных плат в 2015 г. наблюдалось повсе-

¹ Сведения о распределении численности работников по размерам заработной платы за апрель 2017 г. / ФСГС. 2019.

местно, но на Дальнем Востоке темпы сокращения были ниже. Только в 2016 г. реальная заработная плата дальневосточников снизилась на 1%, тогда как в целом по стране был отмечен ее незначительный рост – на 0,8%. В 2018 г. относительно предшествующего периода реальные заработные платы на Дальнем Востоке увеличились на 7,3% при среднем по стране показателе 6,8%. Самый высокий темп роста продемонстрировали Амурская и Еврейская автономная области – по итогам 2018 г. реальная заработная плата в этих регионах увеличилась на 8,5%.

Таблица 2.25

Реальная среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций по регионам ДФО, %

Территория	2013	2014	2015	2016	2017	2018
РФ	104,8	101,2	91,0	100,8	102,9	106,8
ДФО	105,0	101,5	92,2	99,0	103,5	107,3
Республика Саха (Якутия)	110,0	102,3	95,6	100,2	100,3	105,6
Камчатский край	105,1	102,4	96,2	98,7	103,8	107,0
Приморский край	102,8	100,8	90,2	99,1	103,4	107,7
Хабаровский край	103,3	100,6	88,8	97,8	102,3	107,5
Амурская область	105,8	98,5	88,0	96,0	107,4	108,5
Магаданская область	105,1	103,1	92,8	98,9	104,7	105,8
Сахалинская область	103,9	104,8	99,8	100,0	101,9	106,7
ЕАО	101,2	99,6	91,5	96,8	102,6	108,5
ЧАО	106,5	106,7	96,3	99,9	102,8	103,5

Источник: Реальная среднемесячная начисленная заработная плата работников по субъектам Российской Федерации за 2000–2018 гг. / ФСГС. 2019.

Исследование основных параметров рынка труда Дальневосточного федерального округа за период 2013–2018 гг. показало, что его функционирование в целом укладывается в рамки «российской модели», специфика которой заключается в реакции на макроэкономические шоки. Отрицательный темп роста валового регионального продукта сопровождается практически неизменным уровнем занятости населения, безработица снижается при любых изменениях экономического роста, тогда как основные изменения происходят в цене труда. В исследуемый период сохранялась высокая межрегиональная дифференциация по основным параметрам рынка труда. Общей для всех дальневосточных субъектов РФ остается проблема ежегодного сокращения рабочей силы. Существенные ограничения на ее прирост накладывает общая демографическая ситуация, характеризующаяся миграционным оттоком наиболее активной части населения, не покрываемого его притоком в регион.

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВЫХ КОМПЛЕКСОВ

3.1. ОБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Основные производственные комплексы обрабатывающей промышленности ДФО сосредоточены в Хабаровском и Приморском краях. Обрабатывающий сектор ДФО представлен пищевой промышленностью, предприятиями ВПК (авиа- и судостроение), машиностроительными производствами, судоремонтом, а также нефтепереработкой. Последняя сосредоточена в Хабаровском крае, в котором расположено также и единственное на Дальнем Востоке предприятие по прокату черных металлов «Амурсталь».

Объем отгруженной продукции обрабатывающей промышленности в 2018 г. составил 712 млрд руб. (22% от величины продукции промышленности в целом). Производство характеризуется разнонаправленной динамикой. Если до конца 2011 г. наблюдался промышленный рост, то к концу 2012 г. короткий период стагнации сменился падением производства, ускорившееся с 2014 г. и продолжавшееся до 2017 г. Приморский и Хабаровский края, имеющие наиболее диверсифицированную структуру экономики в ДФО, лидируют по объемам производства обрабатывающей промышленности в округе. В 2018 г. на эти два субъекта РФ в совокупности приходилось 74% отгруженной продукции по ДФО. В целом за период 2013–2018 гг. в двух субъектах РФ зафиксирован рост выпуска, приходившийся, однако, на 2016–2017 гг., на фоне падения в остальные годы. Это было связано с ростом производства продукции крупных машиностроительных предприятий, и запуском производства резидентов ТОР в Хабаровском, Приморском краях, а также Амурской области.

Треть объема всей отгруженной продукции обрабатывающего сектора ДФО (33%) в 2018 г. пришлось на пищевую промышленность. За 2013–2018 гг. рост выпуска в данном секторе составил 6%. Лидерами в данном сегменте промышленности традиционно являются «прибрежные» субъекты РФ, специализирующиеся на вылове рыбы и ее переработке. На Дальнем Востоке сосредоточено более 80% ресурсной базы российского рыболовства. При этом основной объем вылова поставляется на экспорт в мороженном виде с низкой степенью переработки. Камчатский край и Сахалинская область нарасти-

ли объемы производства на 15,1 и 5,8% соответственно. Занимающий 3 место Приморский край, напротив, сократил выпуск на 3,2%.

Основным дальневосточным регионом, осуществляющим производство нефтепродуктов, остается Хабаровский край, на территории которого расположено два нефтеперерабатывающих завода. В 2018 г. в ДФО было переработано 12,3 млн т нефти, что на 1,7% меньше, чем в 2013 г. В целом, продукция дальневосточной нефтепереработки на исследуемом отрезке времени испытывала стабильный спрос как внутренний, так и внешний, несмотря на то, что на интервале 2014–2016 гг. наблюдалось некоторое сокращение переработки сырья.

Для металлургического комплекса 2013–2018 гг. являлись периодом выхода из затяжного кризиса. Единственное металлургическое предприятие Дальнего Востока – «Амурсталь» (ранее – «Амурметалл») пребывало в многолетнем кризисе и балансировало на грани остановки производства в результате неблагоприятной конъюнктуры рынка. Только в 2017 г. удалось переломить многолетнюю тенденцию сокращения выпуска и превысить показатели предшествующего года (105,4%). После смены собственника завода его новым владельцем стало ООО «Торэкс», который на тот момент являлся резидентом ТОР «Хабаровск», где планировал реализовать проект строительства сталеплавильного мини-завода. В результате сделки планы по строительству были пересмотрены.

Дальневосточное машиностроение представлено в основном предприятиями оборонно-промышленного комплекса. Машиностроительные предприятия сосредоточены главным образом в двух субъектах РФ – Приморском и Хабаровском краях. Если до 2010 г. Хабаровский край лидировал по объемам выпуска машиностроительной продукции, то затем лидерство перешло к Приморскому краю. Ведущими машиностроительными отраслями Дальнего Востока остаются авиа- и судостроение, судоремонт, а также сборка автомобилей (в Приморском крае). Еще в середине 2000-х гг. отраслевая номенклатура дальневосточного машиностроения была широкой. К 2015 г. практически перестала существовать отрасль производства электрооборудования, электронного и оптического оборудования. Существенно сократились объемы выпуска машин и оборудования.

В 2018 г. на продукцию машиностроения пришлось 35% от объема всей отгруженной продукции обрабатывающей промышленности ДФО. В целом за период 2013–2018 гг. отмечен рост выпуска на 1%, однако это не свидетельствует о преодолении кризиса в отрасли. Фактически, рост обеспечен положительной динамикой только в Хабаровском крае (149%), в Приморском крае сокращение выпуска составило 5%.

За исследуемый период наиболее благоприятным для машиностроительного комплекса Дальнего Востока оказался 2017 г. Производство электрооборудования в Приморском крае увеличилось на 8%, тогда как в Хабаровском крае рост составил 61,9%. Производство машин и оборудования выросло на 10,4 и 51,2% соответственно. Индекс производства транспортных средств в Хабаровском крае составил 124%, тогда как в

Приморском крае отмечен более чем 2,5-кратный рост. Последний вид деятельности доминирует в машиностроительной промышленности ДФО. В 2013 г. в структуре отгруженной продукции машиностроения на его долю приходилось почти 85%.

Крупные машиностроительные предприятия Дальнего Востока представляют собой главным образом сборочные производства, получающие наукоемкие комплектующие извне¹. Можно выделить традиционные производства, ориентированные главным образом, на удовлетворение государственного спроса (морские суда, самолеты), получившие развитие в восстановительный период 2000-х гг. сборочные производства бытовой техники и электроники, а также сборочное производство легковых автомобилей из крупноузловых иностранных комплектующих. Все эти производства характеризуются весьма низкой степенью локализации (исключением до известной степени являются авиастроительные производства). За исключением производства бытовой техники, все прочие ориентированы на удовлетворение внерегионального спроса.

Финансовый кризис, начавшийся еще в 2009 г., и усилившийся в 2014 г., пагубным образом отразился на ряде промышленных предприятий Дальнего Востока, в том числе и машиностроительных. Так, восстановительный экономический подъем предыдущего десятилетия побудил ряд производств осуществить инвестиции в модернизацию оборудования. Однако усилившийся кризис, вкуче с ухудшившейся конъюнктурой рынка, привел к тому, что предприятия оказались не в состоянии погасить крупные кредитные займы, взятые для инвестиционных нужд. В тяжелом положении оказался «Амурметалл», который от ликвидации спасла лишь смена собственника. Более печальная участь постигла завод «Амуркабель» (г. Хабаровск), который с 2014 г. перестал функционировать (что фактически привело к свертыванию отрасли производства электрооборудования в Хабаровском крае).

Судостроение и судоремонт традиционно играли важную роль в экономике макрорегиона. Пик их развития приходился еще на советский период. В настоящее время на Дальнем Востоке действуют три судостроительных предприятия (два в Хабаровском крае и одно в Амурской области). Судостроительные и судоремонтные предприятия ДФО убыточны, проблема финансирования их текущей деятельности стоит чрезвычайно остро. Загрузка мощностей дальневосточных судостроительных и судоремонтных предприятий составляет не более 30%. При этом на продукцию военного назначения приходится 60–70% от всего объема заказов. Помимо крупнейших в мире верфей Республики Корея, Китая и Японии, дальневосточные судостроительные предприятия испытывают также серьезное конкурентное давление со стороны верфей западных регионов России. В частности, компании, ведущие рыбные промыслы на Дальнем Востоке (где ведется добыча порядка 90% всех морских биоресурсов РФ), отдают предпочтение последним при размещении заказов на строительство рыболов-

¹ Российский Дальний Восток на пути в будущее / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН, 2017. С. 204.

ных и краболовных судов, ввиду более низкой стоимости. Фактически, дальневосточные судоверфи становятся конкурентоспособны только при условии бюджетного субсидирования производства.

Амурский судостроительный завод (Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре), одно из крупнейших предприятий Дальнего Востока. Предприятие использует в производстве российские комплектующие. Однако технологии производства не позволяют предприятию выйти на международные рынки гражданских судов (основная проблема – длительный технологический цикл производства). Недостаточность оборотных средств, дороговизна и длительность процессов проектирования и постройки судов серьезным образом отражается на инвестиционной активности предприятия. Данное обстоятельство осложняется отсутствием в регионе поставщиков-производителей материалов и судового оборудования. С 2011 г. по 2014 г. на предприятии проводилась процедура банкротства. В связи с этим прерывалось участие предприятия в ФЦП «Развитие оборонно-промышленного комплекса РФ на 2011–2020 гг. по судостроительной промышленности» которой предусмотрена модернизация основных фондов судостроительных предприятий¹.

Для судоремонтных предприятий Дальнего Востока характерно единичное и мелкосерийное производство, отсутствие автоматизации рабочих процессов. Также отсутствует кооперирование между заводами с одинаковой специализацией. Все это приводит к существенному удорожанию судоремонтных работ на Дальнем Востоке. Распространенной практикой является ремонт судов российских судоходных и промысловых компаний на корейских судоремонтных предприятиях.

Начиная с 2008 г. на авиастроительном предприятии «КнААЗ» (Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре) запущено серийное производство среднемагистрального пассажирского самолета SuperJet-100. Пиковым для предприятия стал 2014 г., когда было выпущено 35 самолетов. Следует отметить, что динамика выпуска этого самолета не является стабильной. Так, в 2015 г. было выпущено только 18 экземпляров, а в 2017 г. – 33 экземпляра. Однако уже в 2018 г. было выпущено на 9 самолетов меньше. В целом же, за период 2013–2018 гг. произведено 153 пассажирских самолета. Вторым по значимости авиастроительным предприятием ДФО является авиационное предприятие «Прогресс» (Приморский край, г. Арсеньев). Основная специализация – выпуск боевых вертолетов Ка-52 (включая экспортный вариант) в рамках государственного оборонного заказа.

За исключением вышеназванных предприятий машиностроения, практически все прочие, построенные еще в советский период, и опирающиеся на внутренний гражданский спрос, выпускают в основном продукцию по индивидуальным заказам, и не в состоянии поддерживать ритмичный выпуск в течение года (производство кранов, насосов, турбин, техобслуживание и ремонт гражданской техники). В сущности,

¹ Годовой отчет ОАО «Амурский судостроительный завод» за 2014 г.

динамичный ежегодный выпуск в значительном масштабе поддерживается лишь в секторах авиастроения и легкового автомобилестроения («Соллерс», г. Владивосток). Последний стал крупнейшим машиностроительным производством Дальнего Востока: так в 2018 г. на сектор производства транспортных средств Приморского и Хабаровского краев пришлось 52 и 36% всей отгруженной продукции машиностроения ДФО соответственно.

3.2. МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВОЙ КОМПЛЕКС

Период 2013–2018 гг. характерен не только наличием очередного экономического кризиса, но и тем, что в ДФО были объявлены и начали реализовываться особые преференциальные режимы, направленные на стимулирование ускоренного развития региона. Среди актуальных целевых задач традиционно поставлены и задачи изменения отраслевой структуры экономики в пользу высокотехнологичных отраслей, роста доли обрабатывающих отраслей в общей структуре промышленности. Тем не менее, добыча полезных ископаемых на Дальнем Востоке по-прежнему признана отраслью, имеющей национальное значение и многие преференции «новой модели» развития макрорегиона напрямую направлены на формирование для нее благоприятных условий. Какие же тенденции складываются в развитии минерально-сырьевого комплекса (МСК) в рассматриваемый период?

Что касается структурно-динамических характеристик развития комплекса, то одной из важных является роль МСК в формировании и обеспечении промышленной активности в макрорегионе. В таблице 3.1 представлена динамика доли вида экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» (ВЭД ДПИ) в общей структуре промышленности субъектов РФ в ДФО.

Как показывает анализ данных таблицы 3.1., в большинстве регионов ДФО сложившиеся к началу рассматриваемого периода тенденции, характеризующие роль МСК в промышленности, оказались закреплены. К 2018 г. относительно 2013 г. возросла доля ВЭД ДПИ в структуре промышленного производства как в целом в Дальневосточном федеральном округе, так и в ключевых «минерально-сырьевых» его регионах – в Якутии, Магаданской области, Чукотском автономном округе (ЧАО). Практически полностью «углеводородной» стала и промышленная специализация Сахалинской области. Достигнув практически половины объема промышленного производства к 2013 г., доля ДПИ в промышленности Амурской области сохранилась примерно на этом уровне (45–50%) и колебалась в течение всего рассматриваемого периода. В целом сохранился уровень значимости ресурсных отраслей в части ДПИ и в диверсифицированных экономиках Приморского (на уровне 5,5–6,5% объема промышленного производства) и Хабаровского (19–21%) краев.

**Доля ВЭД «Добыча полезных ископаемых» в структуре
промышленности по регионам ДФО, %**

Территория	2005	2010	2013	2014	2015	2016	2017	2018
РФ	22,5	21,6	22,7	22,0	22,0	22,3	23,6	26,8
ДФО	45,5	58,0	62,1	64,2	63,6	63,7	62,1	68,1
Республика Саха (Якутия)	77,6	77,4	81,3	81,8	83,2	85,7	86,6	88,8
Камчатский край	4,4	10,8	8,8	12,2	13,3	17,8	13,7	13,1
Приморский край	9,4	6,6	5,4	3,9	5,9	6,3	6,1	6,8
Хабаровский край	17,4	15,9	20,7	19,0	19,0	21,2	20,5	21,6
Амурская область	24,9	36,9	50,1	50,9	52,1	49,2	47,9	44,1
Магаданская область	69,0	72,7	77,1	79,7	84,1	85,3	85,0	84,8
Сахалинская область	65,8	90,4	92,3	92,5	91,5	88,9	90,7	92,4
ЕАО	0,3	4,6	5,5	7,6	9,3	11,2	39,9	47,6
ЧАО	41,2	82,5	75,5	86,9	87,5	88,9	87,8	87,0

Источник: рассчитано с использованием официальных данных Росстата по объему отгруженной продукции в фактически действовавших ценах. Данные по 2005–2015 гг. приведены в структуре ОКВЭД, за 2016–2018 гг. – в структуре ОКВЭД2.

В 2013–2018 гг. еще более возросла роль минерально-сырьевого комплекса в Камчатском крае. При этом на перспективу региональными органами управления развитие горнодобывающей промышленности рассматривается в качестве важного направления диверсификации экономики, фактора инфраструктурного освоения территории и активного привлечения инвестиций. Так, в «Стратегии социально-экономического развития Камчатского края до 2030 года»¹ в качестве целевых результатов в минерально-сырьевом комплексе ожидается, что в период до 2030 г. в него будет привлечено порядка 20% всех инвестиций, возрастет степень геологической изученности территории с 60% в 2018 г. до 90% к 2030 г., увеличатся объемы добычи золота до 18 т и платины до 1 т. При этом особенно подчеркивается важная для Камчатского края освоенческая функция минерального сектора, формирующего инфраструктурный каркас и рабочие места на новых территориях.

Практически «взрывной» рост доли ВЭД ДПИ в промышленности в рассматриваемом периоде произошел в Еврейской автономной области (ЕАО). Если доля ДПИ в структуре промышленности ЕАО составляла в 2013 г. 5,5% (а в 2005 г. только 0,3%), то к 2018 г. она возросла до 47,6%. В 2017 г. было завершено строительство и начат эксплуатационный этап крупного инвестпроекта – Кимкано-Сутарского ГОКа по добыче и обогащению железных руд. Рост индекса производства по ВЭД ДПИ в 2017 г. относительно 2016 г. составил 472,1%. Далее, с выходом на проектную мощность, таких резких «скачков», конечно, не ожидается. Но как результат, объемы производства горно-

¹ Стратегия социально-экономического развития Камчатского края до 2030 года. Петропавловск-Камчатский, 2017 / Министерство экономического развития РФ. 2019.

добывающего комплекса приближаются уже к 50% от объемов промышленного производства ЕАО, а рост его доли в структуре ВРП области к 2030 г. ожидают до 10% и более¹ (в 2015 г. вклад горнодобывающего комплекса в ВРП области составлял 1,7%). Кроме того, с наращиванием производственной деятельности Кимкано-Сутарского ГОКа (КСГОК) его продукция сформирует основную номенклатуру экспорта ЕАО (достигнув 65% его общего объема). По сути, перспективное социально-экономическое развитие ЕАО в части структуры экономики, объемов и наполнения экспорта становится все более зависимым от деятельности ограниченного количества компаний, и прежде всего сырьевого сектора экономики.

Характеризуя в целом динамику развития МСК в части его роли в региональной экономике следует отметить, что в рассматриваемом периоде добыча полезных ископаемых все в большей степени определяла структуру промышленной активности в большинстве регионах Дальневосточного федерального округа.

При всей важности оценки роли МСК в промышленности отдельных регионов следует, конечно, отметить, что эти региональные комплексы разномасштабны и необходимо рассмотреть в целом территориальную структуру этого отраслевого комплекса ДФО в 2013–2018 гг. (*табл. 3.2*).

Таблица 3.2

Динамика территориальной структуры минерально-сырьевого комплекса ДФО, %, ДФО = 100%

Территории	2010	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Республика Саха (Якутия)	30,5	30,8	29,2	32,8	38,8	36,1	37,1
Камчатский край	0,9	0,5	0,6	0,9	1,4	1,2	0,8
Приморский край	1,5	1,2	0,8	1,05	1,1	1,2	0,99
Хабаровский край	3,6	3,9	3,6	4,0	4,5	4,7	3,9
Амурская область	3,8	4,5	4,0	4,7	3,7	3,9	2,6
Магаданская область	4,2	4,8	4,4	5,4	7,1	6,8	5,4
Сахалинская область	50,4	50,9	52,8	46,1	38,0	41,8	45,7
ЕАО	0,04	0,03	0,05	0,06	0,07	0,46	0,46
ЧАО	5,1	3,2	4,6	5,0	5,3	3,9	2,9

Источник: рассчитано с использованием официальных данных Росстата по объему отгруженной продукции в фактически действовавших ценах. Данные по 2005–2015 гг. приведены в структуре ОКВЭД, за 2016–2018 гг. – в структуре ОКВЭД2.

Что касается территориальной структуры минерально-сырьевого комплекса Дальнего Востока, то в рассматриваемом периоде существенных изменений в ней не произошло. По-прежнему 45–50% продукции МСК производится в Сахалинской области, сохранилась роль северных регионов (Якутия, Магаданская область и Чукотский

¹ Стратегия социально-экономического развития Еврейской автономной области на период до 2030 года. 2018. / Министерство экономического развития РФ. 2019.

АО) – порядка 40–45% производства продукции МСК сосредоточено здесь. Оставшаяся доля почти в традиционной пропорции распределена между субъектами РФ юга Дальнего Востока – Приморский и Хабаровский края, Амурская область.

Следует отметить, что, несмотря на практически «микроскопическую» долю продукции МСК, производимой в Еврейской автономной области, нельзя обойти вниманием существенный ее рост. И дело здесь вовсе не в количественных показателях, а практически в формировании новой тенденции – появлении производств по добыче и обогащению видов минеральных ресурсов, ранее в Дальневосточном регионе не осваиваемых. Это может хотя бы немного «сдвинуть» существующую тенденцию, сложившуюся в реформенный период в МСК Дальнего Востока – формирование и усиление его моносырьевого характера.

Что касается внутриотраслевой структуры минерально-сырьевого комплекса ДФО, то она существенным образом отличается от среднероссийской (*табл. 3.3*).

Таблица 3.3

**Структура отгруженной продукции по виду экономической деятельности
«Добыча полезных ископаемых», 2016 г., %**

Территория	Добыча топливно-энергетических ресурсов (ТЭР)	Добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических
РФ	86,7	13,3
ДФО	54,7	45,3
Республика Саха (Якутия)	40,3	59,7
Камчатский край	8,2	91,8
Приморский край	57,8	42,2
Хабаровский край	14,9	85,1
Амурская область	4,1	85,9
Магаданская область	1,2	98,8
Сахалинская область	98,8	1,2
ЧАО	0,9	99,1

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017 / ФСГС. 2019. С. 736–737.

Различна эта структура и внутри ДФО. Только в Сахалинской области преобладает «углеводородная» структура добычи полезных ископаемых, превышая даже среднероссийские пропорции. Совпадает со средней по ДФО структура производства полезных ископаемых в Якутии и Приморском крае. Для остальных же регионов ДФО характерно преобладание в общей структуре добычи драгоценных металлов.

В течение всего реформенного периода роль драгоценных металлов в качестве «структурного лидера» минерального сектора Дальнего Востока укрепилась: объемы добычи золота в 2015 г. составили 111% к 1990 г. (преодолев ситуацию критических провалов в течение рассматриваемого периода), добыча серебра возросла более чем в 6

раз. Изменилась внутренняя структура золотодобычи в макрорегионе: если в 1990-е гг. преобладающей была добыча из россыпных месторождений, то уже после 2010 г. более 70% золота добывается из коренных месторождений. Возросла технологическая доступность ресурсной базы золотодобычи в ДФО за счет входа в регион крупных компаний. Те же тенденции характерны и для рассматриваемого периода 2013–2017 гг. Динамика добычи золота в ДФО представлена в таблице 3.4.

Таблица 3.4

Добыча золота в основных золотодобывающих регионах ДФО, т

Регион	2013	2014	2015	2016	2017
Республика Саха (Якутия)	22,30	24,85	25,34	23,65	24,80
Камчатский край	2,63	3,31	4,10	6,34	6,71
Хабаровский край	20,62	19,79	18,88	19,51	23,15
Амурская область	30,66	29,51	25,58	22,36	25,77
Магаданская область	21,40	24,14	24,51	27,87	32,95
ЧАО	24,62	31,96	32,13	28,67	25,35

Источники: Благородные металлы Дальнего Востока и Байкальского региона. Бизнес-справочник «Дальний Восток». 2018. № 2 (55).

Как уже указывалось, при лидировании добычи драгоценных металлов в структуре ВЭД ДПИ, для МСК ДФО в предшествующий период стало характерно практически «сворачивание» его структуры – так, существенно снизились (в натуральном выражении) объемы добычи руд металлов: вольфрама (43,3% в 2015 г. к 1990 г.), свинца (37,3%), цинка (21,4%), олова (9%) и меди (7%). В анализируемый период (2013–2018 гг.) появились признаки восстановления отдельных подотраслей комплекса. Так, в Хабаровском крае в 2011 г. на Правоурмийском месторождении была модернизирована обогатительная фабрика, в 2013 г. началось восстановление Солнечного ГОКа, в 2015 г. – расконсервирован рудник Молодежный на Фестивальном месторождении. В конце 2016 г. введена в строй Солнечная обогатительная фабрика (проектная мощность 1,5 тыс. т олова в концентрате в год). По итогам 2016 г. было добыто 618 т металла на месторождении «Правоурмийское» в Хабаровском крае (около 10% российской годовой потребности в олове). Проектируемая мощность комбината на Правоурмийском месторождении 5 тыс. т в год. Обсуждаются и различные варианты возрождения оловянной подотрасли в Якутии.

Кроме того, начали формироваться новые отраслевые специализации МСК ДФО: никель и кобальт (Камчатский край), добыча и обогащение железных руд (Амурская область и Еврейская автономная область). В Хабаровском крае ожидается освоение крупного золото-медного месторождения Малмыж.

Минерально-сырьевой комплекс является значимым источником инвестиционной активности в макрорегионе. Прежде всего, следует отметить, что доля инвестиций в добычу полезных ископаемых в общей структуре инвестиций в основной капитал в

ДФО в 2017 г. выше, чем в среднем по РФ в 1,41 раза и достигает почти 34%. Безусловно, эти оценки существенно разнятся по отдельным дальневосточным субъектам РФ (табл. 3.5).

Таблица 3.5

**Динамика доли инвестиций в добычу полезных ископаемых
в общей структуре инвестиций в основной капитал по регионам ДФО, %**

Группа регионов		2005	2010	2013	2014	2015	2016	2017
Средние показатели по:	РФ	13,4	15,1	15,1	16,0	18,5	19,3	23,9
	ДФО	21,0	19,6	31,9	35,2	39,4	39,3	33,8
Диверсифицированная экономика	Приморский край	3,1	0,7	1,6	4,6	3,2	1,8	1,3
	Хабаровский край	3,1	4,2	10,8	8,7	8,0	8,8	6,6
	Амурская область	6,4	11,6	10,1	8,1	4,6	5,5	3,7
Минерально-сырьевая специализация	Республика Саха (Якутия)	45,5	28,2	39,8	38,7	42,8	51,2	42,1
	Магаданская область	14,1	24,0	50,9	61,3	75,8	69,5	64,6
	Сахалинская область*	30,1	67,4	67,3	71,9	75,1	71,4	44,2
	ЧАО	0,3	39,1	56,8	45,9	43,5	36,4	51,7
Формирующаяся минерально-сырьевая специализация	Камчатский край	4,4	3,3	7,8	9,7	9,9	21,9	14,3
	ЕАО	0,3	39,1	17,5	45,9	43,5	36,4	8,9

Источник: здесь и далее в разделе рассчитано с использованием официальных данных Росстата.

Было выделено три группы регионов относительно их «сырьевой» специализации. В первую группу с условным названием «Диверсифицированная экономика» вошли три дальневосточных региона, в которых роль минерального сектора достаточно высока (в том числе и для национальной экономики), но не являлась определяющей в региональной экономике. В эту группу включены Приморский и Хабаровский края, Амурская область. В рассматриваемом периоде доля инвестиций в минеральный сектор в их общем объеме стабильно снижалась. В группе дальневосточных регионов с традиционной минерально-сырьевой специализацией (Якутия, Магаданская и Сахалинская области, Чукотский автономный округ) доля инвестиций в сырьевой сектор в рассматриваемый период была стабильно высокой (от половины и более всех инвестиций в основной капитал территорий), что обеспечило и соответствующий рост концентрации этого вида деятельности в общей структуре промышленности. Существенный рост доли инвестиций в минерально-сырьевой комплекс в общей структуре инвестиций в основной капитал в 2013–2017 гг. отмечен также в регионах с формирующейся минерально-сырьевой специализацией – в Камчатском крае и в Еврейской автономной области до 2016 г. Снижение этого показателя в ЕАО с 2017 г. связано с завершением

строительства крупного по масштабам ее экономики инвестпроекта – Кимкано-Сутарского ГОКа.

Территориальное распределение инвестиций (*табл. 3.6*) в добычу полезных ископаемых в рассматриваемый период вполне соответствует минерально-сырьевому потенциалу дальневосточных регионов, а динамика отражает реализацию инвестиционных проектов освоения минеральных ресурсов в отдельных субъектах РФ.

Таблица 3.6

**Динамика территориальной структуры инвестиций
в минерально-сырьевой комплекс ДФО, %, ДФО = 100%**

Регион	2010	2013	2014	2015	2016	2017
Республика Саха (Якутия)	22,0	28,3	24,1	23,3	36,3	46,1
Камчатский край	0,7	0,8	0,7	0,5	1,9	1,5
Приморский край	0,9	0,6	2,0	1,0	0,5	0,5
Хабаровский край	4,4	6,0	3,9	2,6	2,7	2,2
Амурская область	6,3	4,0	2,2	1,4	1,9	1,9
Магаданская область	1,7	7,5	8,9	13,3	7,3	8,1
Сахалинская область	61,5	49,3	55,6	55,5	46,8	37,7
ЕАО	1,0	0,9	1,0	0,5	1,3	0,3
ЧАО	1,4	2,6	1,5	1,8	1,2	1,7

Приведенная динамика характеризует, на наш взгляд, две важные вещи:

1) и для ДФО в целом, и для большинства дальневосточных субъектов РФ инвестиции в минерально-сырьевой комплекс составляют, по сути, основу инвестиционной активности в регионе;

2) такая структура инвестиций не только закрепляет сырьевую специализацию отдельных дальневосточных регионов, но и «работает» на формирование будущего «сырьевого» образа экономики.

На фоне стабильно возрастающего значения ресурсного сектора для дальневосточной экономики представляет интерес «региональный срез» перспективных структурных приоритетов экономического развития, сформированных в регионах ДФО. Какова ожидается роль минерально-сырьевого комплекса в перспективном развитии дальневосточных субъектов РФ?

Что касается Стратегии¹ развития одной из самых крупных экономик Дальневосточного макрорегиона – Республики Саха (Якутия), то в ней указано, что «усиливается сырьевая экспортно-ориентированная модель экономики республики, зависимость от добычи полезных ископаемых». Доля ВЭД «Добыча полезных ископаемых» в ВРП в 2015 г. составила 45,2% (при средней по РФ 10,4%), при этом определяющей является добыча алмазов – ее вклад составляет 20,1% от общего объема ВРП. Практически по-

¹ Стратегия социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2030 года с определением целевого видения до 2050 года. Якутск, 2016. / Министерство экономического развития РФ. 2019.

ловина валового продукта региона формируется в промышленности, при этом более 80% объема ее производства приходится на добычу полезных ископаемых, обеспечивающую более 60% налоговых доходов консолидированного бюджета Республики Саха (Якутия).

По оценке органов управления Республики Саха (Якутия) «до 2030 года промышленное освоение природных ресурсов сохранит свою роль в качестве основного источника экономического роста – как по создаваемой стоимости, так и благодаря масштабному вкладу в технологические инновации и повышение производительности». При сохранении лидирующей роли алмазодобычи, непростые задачи ставятся на перспективу и для добычи драгоценных (золото с ростом добычи до 38 т с нынешних 28 т, серебро – до 629 т к 2030 г.) и цветных металлов (олово, сурьма, свинец, цинк, и пр.). Особые задачи стоят по реальному освоению месторождений редкоземельных металлов и формированию основ для новой высокотехнологичной отрасли.

Инвестиции в добывающий комплекс по-прежнему останутся основой инвестиционной активности в Республике Саха (Якутия), что косвенно подтверждается и прогнозом достаточно скромной доли в общих инвестициях «перерабатывающего сектора экономики и сектора будущего (креативные и инновационные)» – рост ее составит лишь 3% за 15 лет (с 17% в 2015 г. до 20% в 2030 г.). По сути, более чем на десятилетний период основой экономики и драйверами ее роста в Республике Саха (Якутия) остаются добывающие отрасли.

Базовой отраслью экономики Магаданской области также является горнодобывающая промышленность, ставшая ключевым макроэкономическим фактором устойчивой динамики в период 2010–2017 гг. со среднегодовым темпом прироста промышленного производства 106,1%. Главными целями социально-экономического развития Магаданской области на период до 2030 года в региональной Стратегии обозначены «обеспечение ускоренного устойчивого экономического развития региона, сохранение и развитие человеческого капитала». При этом «добыча полезных ископаемых будет продолжать играть ключевую роль в экономике региона и в долгосрочной перспективе»¹. Основой горнодобывающей отрасли по-прежнему остается добыча драгоценных металлов с прогнозом роста золотодобычи с 36,8 т в 2018 г.² до 50 т уже к 2025 г. (при этом до половины всего золота может обеспечить добыча на двух крупнейших месторождениях Наталка и Павлик) и некоторого снижения добычи серебра (с 660 до 550 т в период 2018–2030 гг.). Кроме того, сохраняются планы и надежды региональной власти на реальное освоение месторождений цветных металлов.

Горнодобывающая промышленность является отраслью национальной специализации и для экономики Чукотского автономного округа (ЧАО). Стратегическое раз-

¹ Стратегия социально-экономического развития Магаданской области на период до 2030 года. Магадан, 2018 / Министерство экономического развития РФ. 2019.

² Золотодобытчики Магаданской области добыли 36,8 тонн металла // Золото и технологии. 2019. 16 января.

витие ЧАО на период до 2030 г.¹ также определяется освоением месторождений полезных ископаемых, сконцентрированных, прежде всего, в двух промышленных зонах: Анадырской (каменный уголь, нефть и газ) и Чаун-Билибинской (крупнейшие месторождения золота, серебра, олова и меди). Цветная металлургия и угольная промышленность станут основными драйверами развития экономики региона. По прогнозу региональных органов управления доля добывающей промышленности в отраслевой структуре ВДС ЧАО к 2030 г. составит 57%. При этом планируется, что общий объем добычи золота в регионе уже к 2025 г. составит 40–43 т (при фактической добыче в 2018 г. чуть более 24 т)².

Задача «формирования высокотехнологичного инновационного добывающего комплекса полного цикла (начиная с добычи, обогащения до производства конечного продукта) с высоким уровнем комплексного извлечения и глубокой переработкой» является одной из ключевых, обеспечивающих достижение стратегических целей социально-экономического развития и для Амурской области до 2025 г.³ Оптимальный сценарий Стратегии относительно развития ресурсных отраслей характеризуется «реализацией крупных инвестиционных проектов, обеспечивающих увеличение добычи полезных ископаемых на осваиваемых и новых месторождениях, их привязкой к транспортным магистралям области; повышением продуктивности и эффективности использования месторождений за счет внедрения новых технологий». Как результат – дальнейшее увеличение доли добычи полезных ископаемых в структуре экономики. «Увеличение добычи полезных ископаемых за счет повышения эффективности и расширения номенклатуры является одним из основных направлений и генераторов ускоренного социально-экономического развития области»⁴. К приоритетным направлениям относятся формирование горно-металлургического кластера с развитием добычи и переработки железной руды, угля, золота, никеля.

В принятой Стратегии⁵ развития Сахалинской области до 2025 г. среди круга целевых задач обозначены, конечно, и «диверсификация экономики и обеспечение ее конкурентоспособности», и «концентрация усилий на развитие нефтегазового секто-

¹ Стратегия социально-экономического развития Чукотского автономного округа до 2030 года: утверждена распоряжением правительства Чукотского автономного округа 16.07.2014 г. № 290-рп.

² Добыча золота и серебра на Чукотке сократилась в 2018 году // Вести.Экономика. 2019. 14 января.

³ Стратегия социально-экономического развития Амурской области на период до 2025 года (в ред. пост. Правительства Амурской области от 08.11.2017 № 529). С. 43. / Правительство Амурской области. 2019.

⁴ Там же, с. 70.

⁵ Стратегия социально-экономического развития Сахалинской области на период до 2025 года: утверждена постановлением Правительства Сахалинской области от 28.03.2011 № 99. (в ред. Постановлений Правительства Сахалинской области от 22.01.2018 № 21, от 05.03.2018 № 75).

ра региональной экономики». Однако объективно в период до 2025 г. основу сахалинской промышленности и экспорта по-прежнему будет составлять нефтегазовый сектор, сохраняя за собой позицию как драйвера роста экономики в целом, так и источника социально-экономического развития региона.

В Стратегии¹ долгосрочного развития диверсифицированной экономики Хабаровского края традиционные ресурсные отрасли (и прежде всего горнодобывающая) не теряют своей роли в качестве ключевых комплексов-драйверов роста, при этом технологически обновленных и конкурентоспособных на внутреннем и внешнем рынках. Новые инвестпроекты по освоению минеральных ресурсов Хабаровского края имеют важное значение как для обеспечения инвестиционной активности в регионе, так и для формирования результирующих показателей развития экономики Хабаровского края (ВРП). Так, по оценке Министерства экономического развития Хабаровского края, доля ВЭД «Добыча полезных ископаемых» в структуре инвестиционного портфеля региона возрастет с 6% в 2012 г. до 9% в 2025 г. Как результат, немаловажное значение будут иметь минерально-сырьевые проекты с позиции их вклада в конечные показатели регионального развития. Так, например, в пакете «Особо крупных проектов» (к таким отнесены 6 штук с общим объемом инвестиций порядка 950,0 млн руб.) проект строительства ГОКа на Малмыжском золото-меднопорфировом месторождении (Нанайский район) обеспечивает 20% вклада всего этого пакета в ВДС края (при его доле в инвестициях всего пакета порядка 13%). Реализация этого инвестпроекта формирует новую отрасль национальной специализации в горнодобывающем комплексе края – добыча и переработка меди. Только этим проектом не исчерпывается перспективный пакет горнодобывающего комплекса в рамках Стратегии развития Хабаровского края до 2030 г. В планах инвесторов и развитие второй очереди Амурского горно-металлургического комбината (г. Амурск, «Полиметалл»), и освоение новых золоторудных месторождений.

К еще одному региону ДФО, для которого характерны диверсифицированная экономика и наличие существенного потенциала развития минерально-сырьевого комплекса (МСК), относится Приморский край. Добывающие предприятия региона являются лидирующими российскими производителями и экспортерами нескольких видов продукции, в т. ч. продукции с содержанием бора, вольфрамового, свинцового и германиевого концентрата. Однако в настоящее время сектор не является основным для экономики Приморского края, доля минерально-сырьевой продукции в ВРП составляет чуть более 1%. В рамках Стратегии развития Приморского края² предусмотрены важные задачи по развитию МСК (в частности, трехкратного увеличения объемов выпус-

¹ Стратегия социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года. Хабаровск, 2018 / Министерство экономического развития РФ. 2019.

² Там же.

ка), однако он не относится к числу секторов-драйверов перспективного экономического роста.

В целом же, на обозримую перспективу минерально-сырьевые проекты остаются драйверами экономического роста практически для всех субъектов РФ в Дальневосточном макрорегионе и на «глубину» 10–15 лет существенных структурных изменений в их экономиках не предполагается. По-прежнему в большинстве дальневосточных регионов ключевыми направлениями развития и основными драйверами их экономического роста остаются добывающие отрасли. Вполне естественно, что именно на них рассчитывают регионы с ресурсной специализацией. Но и для таких регионов, как Хабаровский и Приморский края, Амурская область сырьевые отрасли представляют интерес как обеспечивающие существенный сегмент роста их экономик.

3.3. ЛЕСНОЙ КОМПЛЕКС

В Дальневосточном федеральном округе леса занимают основную часть земельного фонда: по данным Росреестра РФ на 1 января 2018 г. доля лесного фонда в общей площади земель макрорегиона занимала 80%¹.

Согласно существующему лесорастительному районированию² леса округа принадлежат четырем из восьми лесорастительных зон России и пяти лесным районам:

- зона притундровых лесов и редкостойной тайги (Дальневосточный район притундровых лесов и редкостойной тайги);
- таежная зона (Камчатский таежный район; Дальневосточный таежный район);
- зона хвойно-широколиственных лесов (Приамурско-Приморский хвойно-широколиственный район);
- лесостепная зона (Дальневосточный лесостепной район).

В сравнении с другими макрорегионами Дальний Восток смотрится ресурсоизбыточным – в 2017 г. на него приходилось 25% запасов древесины и 37% лесопокрытой площади России (*табл. 3.7*).

Проблема состоит в доступности этих ресурсов. Наиболее богатой лесными ресурсами является Республика Саха (Якутия), но максимально востребованы эти ресурсы в Хабаровском и Приморском краях, Амурской и Еврейской автономной областях, расположенных в экономически развитой южной части Дальнего Востока и тяготеющих к экспортным рынкам.

¹ Сведения о наличии и распределении земель в Российской Федерации / Росреестр. 2019.

² Об утверждении Перечня лесорастительных зон Российской Федерации и Перечня лесных районов Российской Федерации: приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 18 августа 2014 г. № 367.

Распределение лесопокрытой площади и лесозаготовок в ДФО, 2017

Территория	Лесопокрытая площадь, млн га	Лесистость, %	Запасы древесины, млрд м ³
Республика Саха (Якутия)	156,8	50,8	8,9
Камчатский край	19,8	42,7	1,2
Приморский край	12,7	77,2	1,9
Хабаровский край	52,2	66,3	5,1
Амурская область	23,7	65,4	2,1
Магаданская область	17,3	37,4	0,5
Сахалинская область	5,9	68,0	0,7
ЕАО	1,6	45,2	0,2
ЧАО	4,9	6,8	0,1
Итого ДФО	294,9	47,8	20,7
РФ	794,7	46,4	82,8
Доля ДФО в РФ, %	37,1	–	25,0

Источник: Регионы: социально-экономические показатели. 2018 / ФСГС. 2019.

Реализуемая с 2007 г. политика федерального центра на производство продукции с высокой добавленной стоимостью в национальном лесном комплексе через механизм приоритетных инвестиционных проектов и ужесточение экспортного режима для необработанной древесины¹ дала неоднозначные результаты развития деревообработки на Дальнем Востоке. Несмотря на реализацию девяти приоритетных инвестиционных проектов по производству продукции с высокой добавленной стоимостью (пять в Хабаровском и три в Приморском краях, один – в Амурской области), пиломатериалы продолжают формировать продуктовую структуру деревообрабатывающего сегмента лесного комплекса, занимая 84% продукции деревообработки. Это объясняется тем, что новые производства в массе своей производят все те же пиломатериалы, только улучшенного качества, что связано с продолжающейся тенденцией ориентирования бизнеса на проекты с коротким периодом окупаемости в условиях нестабильных институциональных условий. По удельному весу в общем объеме производства лидируют пиломатериалы невысокого качества.

Если рассматривать общую продуктовую структуру лесного комплекса, то за исследуемый период необработанная древесина заметно лидировала по объемным показателям (табл. 3.8).

В 2018 г. в ДФО было произведено 11,9 млн м³ необработанной древесины, что составило 93% от показателя предыдущего года. Производство переработанной продукции в округе составило: пиломатериалы – 1,7 млн м³ (94,7% от 2017 г.), пеллеты (топливные гранулы) – 65,2 тыс. т (54,3% от 2017 г.), лущеный шпон – 472,9 тыс. м³

¹ Антонова Н. Е. Трансформация лесного комплекса за годы российских реформ: дальневосточный срез // Пространственная экономика. 2017. № 3.

(108,7% от 2017 г.)¹. То есть новые виды продукции деревообработки пока занимают небольшую нишу, хотя производство шпона понемногу увеличивается – за 2013–2018 гг. оно выросло в 1,4 раза.

Таблица 3.8

**Динамика производства необработанной древесины и пиломатериалов
в ДФО, 2013–2017 гг., млн м³**

Территория	2013	2014	2015	2016	2017
Производство необработанной древесины					
ДФО	11,1	11,9	12,1	12,2	12,8
Республика Саха (Якутия)	0,9	0,8	0,7	0,6	0,4
Камчатский край	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Приморский край	3,8	4,2	4,2	4,3	4,6
Хабаровский край	5,3	5,8	6,1	6,3	6,6
Амурская область	0,5	0,5	0,6	0,6	0,8
Магаданская область	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Сахалинская область	0,3	0,3	0,3	0,3	0,2
ЕАО	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1
Производство пиломатериалов					
ДФО	1,6	1,7	1,7	1,7	1,8
Республика Саха (Якутия)	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Камчатский край	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Приморский край	0,3	0,4	0,4	0,4	0,4
Хабаровский край	0,9	0,9	0,9	0,9	1,0
Амурская область	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Магаданская область	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Сахалинская область	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
ЕАО	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1

Примечание: в Чукотском автономном округе эти виды деятельности отсутствуют.

Источник: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017; Производство товаров за 2010–2016 года / Мультистат ГМЦ Росстата. 2018.

На долю Хабаровского и Приморского краев пришлось в 2017 г. 87,5% производства необработанной древесины и 77,7% пиломатериалов, там же производится 100% шпона. То есть эти регионы продолжают формировать на протяжении всей истории дальневосточного лесопользования его производственно-экономические показатели, включая количество предприятий, численность занятых, объемы экспорта, инвестиции и т. д.

¹ Производство основных видов продукции в натуральном выражении с 2017 г. (оперативные данные в соответствии с ОКПД2) / ЕМИСС. 2019.

В результате ужесточения с 2007 г. институциональных условий экспорта необработанной древесины в лесозаготовительной отрасли ДФО начало сокращаться число предприятий и количество занятых на них работников. За 2013–2017 гг. количество предприятий сократилось на 25% (табл. 3.9).

Таблица 3.9

Основные показатели по виду деятельности «Лесозаготовки» в ДФО

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017
Число предприятий, ед.	1045	971	925	837	784
Среднегодовая численность работников предприятий, тыс. человек	17,1	17,1	16,0	15,8	15,5
Сальдированный финансовый результат деятельности предприятий, млн руб.	-855	-2463	-1446	5618	-335
Удельный вес убыточных предприятий, %	53,8	46,4	34,6	42,0	37,3

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 / ФСГС. 2019.

В основной своей массе это были мелкие предприятия, средний показатель удельной занятости в ДФО составил на 2013 г. 16 человек на 1 предприятие, к 2017 г. он увеличился до 20 человек, что свидетельствует о росте концентрации производства в отрасли. Это связано с уходом из бизнеса существенной части убыточных предприятий – их доля сократилась за 2013–2017 гг. на 16,5 п. п.

После 2014 г. начали увеличиваться объемные показатели производства необработанной древесины, соответственно, стала сокращаться сумма убытков, но в 2017 г. совокупный финансовый результат вновь стал отрицательным, хотя и не таких больших суммах.

Сокращению убытков способствовало изменение конъюнктуры на рынке КНР, а также применяемые с 2014 г. специальные меры федерального центра по стимулированию развития лесного комплекса ДФО. Среди мер поддержки можно назвать следующие. Во-первых, для вывода лесного комплекса ДФО из кризисного состояния в госпрограмме «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» был введен специальный «дальневосточный» раздел, касающийся мер поддержки лесного комплекса¹. Были выделены субсидии на компенсацию возмещения части затрат для лесопромышленных предприятий, реализующих приоритетные инвестиционные проекты. Эти субсидии выделялись ежегодно с 2014 по 2018 г., но воспользоваться ими смогли только четыре наиболее крупных предприятия из Хабаровского края, поскольку был высоким финансовый барьер их получения (основным критерием отбора получателей суб-

¹ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 328.

сидии был объем уже вложенных инвестиций не менее 1 млрд руб.)¹. В 2014 г. по этой программе лесопромышленным предприятиям ДФО было выплачено в общем объеме 1,5 млрд руб., в 2015 г. – 2,1, в 2016 г. – 2,0 (при плане в 2,2 млрд). В дальнейшем общая сумма субсидий резко уменьшилась: в 2017 г. – до 1,3, в 2018 г. – 0,7 млрд руб.²

Назначением этих субсидий было развитие деревопереработки в ДФО, поддержка уже созданных и продолжающихся приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов. За 2014–2016 гг. еще несколько проектов получили статус приоритетных через федеральный механизм, в основном это предприятия среднего бизнеса.

Во-вторых, в рамках специальных мер для повышения инвестиционной привлекательности экономики ДФО были внедрены территории опережающего социально-экономического развития (ТОР) и Свободный порт Владивосток (СПВ), преференциями которых воспользовались лесопромышленные предприятия. Резидент ТОР «Комсомольск» RFP Group построила завод по производству пиломатериалов в Амурске (дочерние предприятия ООО «Амурская лесопромышленная компания» и АО «Амурский промышленный центр») и начала строительство завода по производству топливных гранул³. Еще одним резидентом ТОР «Комсомольск» является компания ООО «Логистик Лес», ведущая строительство лесопильного завода. В ЕАО в ТОР «Амуро-Хинганская» китайский инвестор ООО «Амурпром» реализует проект по строительству комплекса по переработке древесины с производством пиломатериалов, шпона, мебельных щитов и топливных брикетов⁴.

В рамках СПВ реализуются небольшие проекты – в Приморском крае заключено 6 соглашений между администрацией СПВ и инвесторами по производству пиломатериалов, плитных материалов, топливных брикетов и гранул. Кроме того, из более крупных проектов (объем заявленных инвестиций 2,7 млрд руб.) намечена реконструкция Уссурийского картонно-бумажного комбината, работающего на макулатуре⁵. Большая часть из них находится на стадии принятия инвестиционного решения или строительно-монтажных работ, то есть речь идет о заделе на будущее развитие лесного комплекса.

В стадии реализации и выхода на проектную мощность в ДФО в период 2013–2018 гг. были следующие крупные инвестиционные проекты, создаваемые в рамках различных видов господдержки (*табл. 3.10*).

¹ Постановление Правительства РФ от 5 декабря 2014 г. № 1319.

² Доклад о целях и задачах Минпромторга России на 2017 год и основных результатах деятельности за 2016 год / Минпромторг России. 2017. 208 с.

³ Лесная промышленность: отраслевой аналитический обзор // Экономика Дальнего Востока. 2018. № 16 (апрель).

⁴ Доценко И. Китайский бизнес по-новому открывает Дальний Восток // Российская газета. 2017. 29 декабря.

⁵ Об утверждении Лесного плана Приморского края на 2019-2028 годы: распоряжение губернатора Приморского края от 30.04.2019 года №119-рг.

**Приоритетные инвестиционные проекты в лесном комплексе ДФО,
реализованные и находящиеся в процессе реализации, 2013–2018 гг.**

Территория	Проект, инвестор
Хабаровский край	<ul style="list-style-type: none"> • завод по производству пиломатериалов и технологической щепы (ООО «Амур Форест»); • деревообрабатывающий комплекс по производству ДСП и пиломатериалов (ООО СП «Аркаим»); • завод по производству плит МДФ (ООО «Римбунан Хиджау МДФ»), 1 и 2 очереди; • Дальневосточный центр глубокой переработки древесины: производство лущеного шпона, пиломатериалов, пеллет (RFP Group); • производство пиломатериалов и топливных гранул (ООО «Азия Лес») • лесопильный завод (ООО «Логистик Лес»)
Приморский край	<ul style="list-style-type: none"> • лесопильный завод и завод по производству лущеного шпона (ОАО «Тернейлес»); • завод по производству паркетной доски (ЗАО «Лес экспорт»); • проект по строительству двух лесопильных заводов и завода клееного бруса (ОАО "Приморские лесопромышленники»)
Амурская область	<ul style="list-style-type: none"> • деревообрабатывающий завод «Восточный» (ЗАО «Туранлес»)
ЕАО	<ul style="list-style-type: none"> • проект по строительству комплекса по глубокой переработке древесины (Инвестор ООО «Амурпром»)

Источник: Антонова Н.Е. Лесной комплекс Дальнего Востока: есть ли задел под будущее развитие? // ЭКО. 2019. № 4.

Однако в настоящее время работает лишь часть из этих производств. Причины остановки производства разные: нехватка сырья, неконкурентоспособность продукции из-за просчетов в проектной себестоимости, банкротство предприятий из-за невозможности расплатиться с кредиторами¹. Например, из трех проектов, реализованных в Приморском крае, успешно работает лишь проект ОАО «Тернейлес», на двух остальных фактический уровень загрузки мощностей очень низкий.

Есть примеры, когда инвесторы стремятся повысить эффективность уже созданных, но простаивающих производств. Так, в Хабаровском крае ООО «Римбунан Хиджау МДФ» в целях снижения сырьевой составляющей себестоимости древесноволокнистых плит построил два лесопильных завода, отходы с которых использует для выпуска плит и выработки тепловой энергии². На созданные мощности на заводе «Арка-

¹ Антонова Н.Е. Лесной комплекс Дальнего Востока: есть ли задел под будущее развитие? // ЭКО. 2019. № 4.

² Комплексная региональная программа «О развитии лесопромышленного комплекса Хабаровского края до 2020 года»: утверждена распоряжением правительства Хабаровского края от 12 декабря 2015 г. № 942-рп.

им» (Хабаровский край) пришли новые инвесторы с целью запустить их при поддержке региональных органов власти¹.

В результате реализации проектов (даже при неполной загрузке), произошло увеличение объемов отгруженной продукции в деревообработке ДФО почти в 2 раза. Основной вклад в это внесли Хабаровский и Приморский края, на долю которых пришлось более 90% «окружного» показателя (*табл. 3.11*).

Таблица 3.11

**Объем отгруженных товаров по виду деятельности
«Обработка древесины» в ДФО, млрд руб.**

Территория	2013	2014	2015	2016	2017	2018*
ДФО	13,6	14,9	21,2	23,5	26,9	27,1
Приморский край	7,1	7,9	10,0	11,2	10,8	11,6
Хабаровский край	4,8	5,1	8,6	10,3	13,7	13,5
Прочие	1,7	1,9	2,5	2,1	2,4	2,0

Источник: рассчитано на основе: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013–2018 / ФСГС. 2019; * Прокапало О.М., Бардаль А.Б., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2018 г. // Пространственная экономика. 2019. № 2.

Особенно высокие темпы в последние годы продемонстрировал Хабаровский край (рост составил 2,8 раза), где реализовывалось наибольшее количество проектов.

Несмотря на рост стоимостных показателей продукции деревообработки, необработанная древесина продолжает доминировать в общем физическом объеме лесопромышленной продукции, а степень ее использования нельзя назвать стабильной в исследуемом периоде (*рис. 3.1*).

Рис. 3.1. Степень использования древесины в ДФО, %

Источник: рассчитано на основе: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013–2018 / ФСГС. 2019; Мультистат / ГМЦ Росстата. 2019.

¹ Руководство «Нового леса» вышло на переговоры с правительством Хабаровского края / Правительство Хабаровского края. 2019. 7 марта.

Лесозаготовительная деятельность продолжала определять бюджетную эффективность комплекса в исследуемый период. Налоги от лесозаготовки в целом по ДФО в бюджеты всех уровней выросли за 2013–2017 гг. в 3 раза, наиболее значительный рост пришелся на 2017 г. (20% по сравнению с предыдущим годом) (рис. 3.2). Но в 2018 г. произошел спад налоговых поступлений от лесозаготовки почти в 2 раза по сравнению с предыдущим годом. Налоги от деревообработки изменились от отрицательной величины в –107,7 млн руб. в 2013 г. до 495,7 млн руб. в 2018 г. Отрицательные величины связаны с большими суммами возвратного НДС при экспорте продукции, самая большая доля которого приходилась на Хабаровский край, как основного экспортера продукции деревопереработки.

Рис. 3.2. Динамика налоговых поступлений в бюджеты всех уровней от отраслей лесного комплекса ДФО, 2013–2018 гг., млн руб.

Источник: рассчитано по: Данные по формам статистической налоговой отчетности / ФНС России. 2019.

Улучшение финансовых показателей функционирования лесного комплекса Дальнего Востока связано с изменениями фактора внешнего спроса, поскольку подавляющая часть продукции лесного комплекса ДФО продолжает поставляться на внешний рынок. Стоимостной объем лесного экспорта из ДФО увеличился за 2013–2018 гг. на 16% (рис. 3.3), при том, что конъюнктура на внешнем рынке была не самая благоприятная в этот период.

В продуктовой структуре стоимостных показателей продолжает преобладать необработанная древесина, несмотря на то, что ее доля снизилась на 5,5% за эти годы. Немного выросла доля пиломатериалов, а также лущеного шпона, который является новым экспортным продуктом для ДФО.

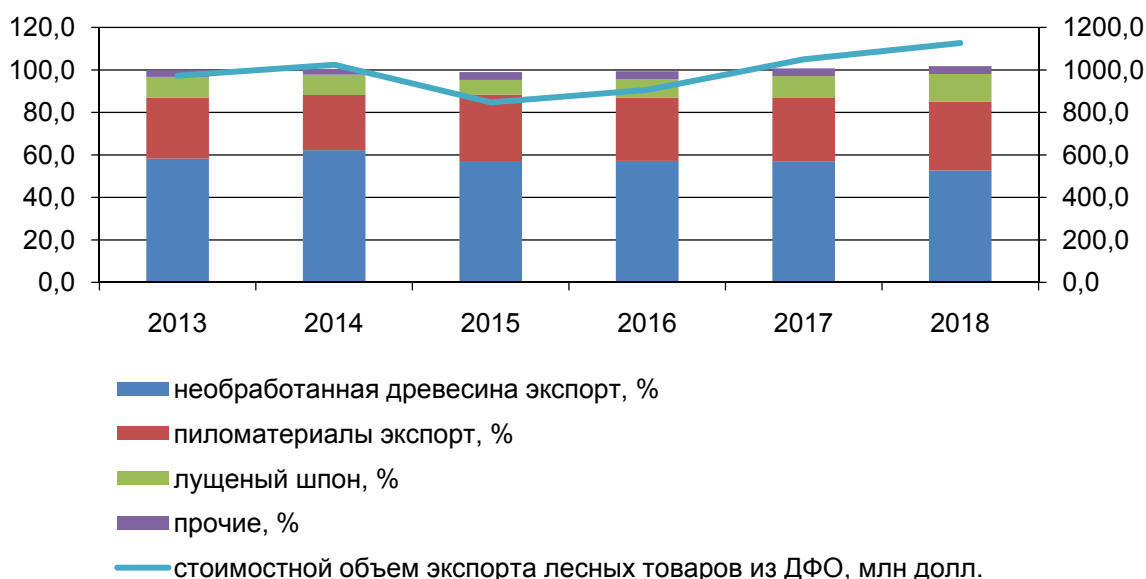

Рис. 3.3. Динамика и продуктовая структура стоимостного объема лесного экспорта ДФО

Источник: рассчитано по: Внешняя торговля ДФО / Дальневосточное таможенное управление ФТС России. 2013–2014.

Из-за неблагоприятной ценовой конъюнктуры на необработанную древесину, ее стоимостной объем экспорта увеличился лишь на 4,8% за 2013–2018 гг., при этом физический объем вырос на 23% (*табл. 3.12*). По пиломатериалам и шпону ситуация была более благоприятной, поэтому стоимостные и физические объемы по ним увеличились более чем на 30%.

Таблица 3.12

Показатели физических объемов экспорта лесопромышленной продукции ДФО и удельный вес основных регионов – экспортеров

Продукция	2013	2014	2015	2016	2017	2018
1. Необработанная древесина, млн м ³	5,6	6,3	6,0	6,7	6,9	6,8
доля Хабаровского края, %	69,3	69,9	68,6	71,8	69,9	67,5
доля Приморского края, %	23,4	23,4	24,5	23,3	24,5	26,7
доля прочих, %	7,3	6,7	6,9	4,9	5,6	5,8
2. Пиломатериалы экспорт, млн т	1,2	1,1	1,2	1,4	1,6	1,7
доля Хабаровского края, %	50,1	52,3	49,4	49,5	52,8	53,1
доля Приморского края, %	40,9	39,9	44,5	44,1	41,8	42,0
доля прочих, %	8,9	7,9	6,1	6,4	5,4	5,0
3. Лущеный шпон, млн м ³	0,3	0,3	0,1	0,4	0,5	0,5
доля Хабаровского края, %	22,7	24,8	25,4	33,4	44,8	53,0
доля Приморского края, %	73,8	72,9	70,0	62,4	51,8	43,1
доля прочих, %	3,5	2,3	4,7	4,2	3,4	3,9

Источник: рассчитано по: Внешняя торговля ДФО / Дальневосточное таможенное управление ФТС России. 2013–2014.

Основными территориями ДФО, осуществляющими поставки лесопромышленной продукции за рубеж, остаются Хабаровский и Приморский края, в которых сконцентрировано свыше 90% экспорта, причем этот показатель неуклонно растет все эти годы. Если по необработанной древесине Хабаровский край лидирует, то по экспорту пиломатериалов у обеих территорий примерно равные позиции. По экспорту лущеного шпона Приморский край доминировал на протяжении четырех лет, где ОАО «Гернейлес» создало еще в 2011 г. шпоновое производство. К 2017 г. шпоновый завод, построенный RFP Group в г. Амурске (Хабаровский край), стабилизировал свою работу, и объемные показатели экспорта также стали расти.

Основным рынком сбыта лесопромышленной продукции ДФО остаются страны Северо-Восточной Азии, из которых Китай за 2013–2018 гг. еще больше упрочил свои позиции (рис. 3.4). За этот период доля Китая выросла с 72 до 80%, доля Республики Корея снизилась в 3 раза (с 13 до 4%), доля Японии с небольшими колебаниями осталась на прежнем уровне – 13–14%.

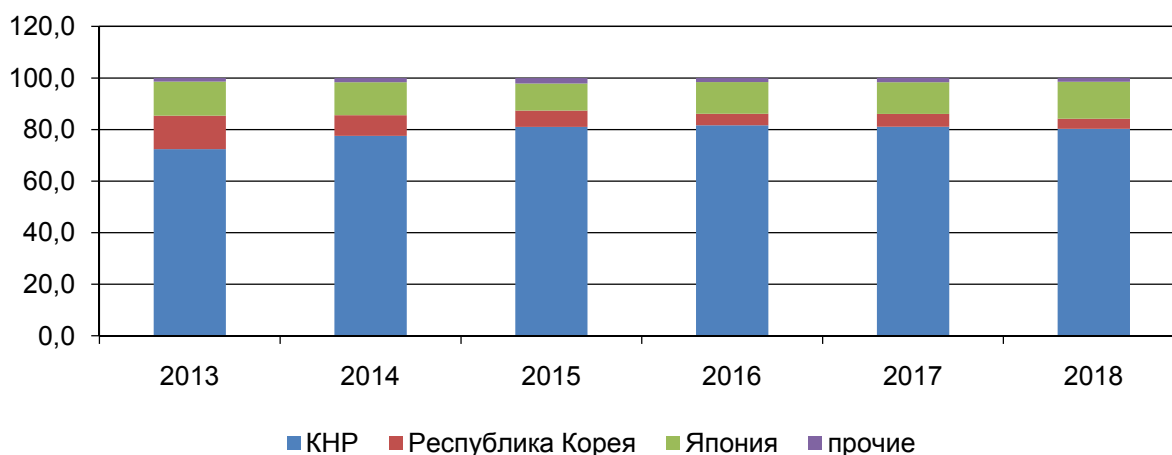

Рис. 3.4. Географическая структура стоимостного объема экспорта лесопромышленной продукции ДФО

Источник: рассчитано по: Внешняя торговля ДФО / Дальневосточное таможенное управление ФТС России. 2013–2014..

Учитывая, что в конце 2000-х гг. Япония резко свернула импорт из России из-за ужесточения таможенного режима на необработанную древесину, ее достаточно высокая доля в стоимостном объеме дальневосточного экспорта в последние годы является хорошим знаком возвращения страны в Россию. Этот высокий показатель обусловлен тем, что Япония импортирует из ДФО наиболее дорогой продукт – лущеный шпон.

Что касается физических объемов экспорта, то на долю Китая пришлось в 2018 г. почти 98% экспорта дальневосточной необработанной древесины, 90% пиломатериалов и 30% лущеного шпона. В Японию было поставлено почти 2% древесины, 3% пиломатериалов и 68% лущеного шпона. Республика Корея в основном импортирует из ДФО пиломатериалы, доля которых в 2018 г. составила около 6%.

Привязка дальневосточных лесозэкспортеров к китайскому рынку обусловила их зависимость от сложившейся конъюнктуры на этом рынке, который отличался высокой волатильностью цен за исследуемый период. После объявления в 2014 г. в КНР моратория на вырубку естественных лесов в провинции Хэйлунцзян и увеличения импорта сырья, произошло затоваривание китайских складов, что вызвало существенное падение в 2015 г. объемов и цен на импортируемое сырье. В 2015 г. средние цены на необработанную древесину на китайском рынке снизились на 11%. В этом же году Китай увеличил на 20% закупки хвойных пиломатериалов из России, но цены на них упали на 24%, достигнув десятилетнего минимума¹.

Ослабление после 2014 г. курса рубля по отношению к основным валютам повысило конкурентоспособность отечественной древесины на китайском рынке, позволив оттеснить основных конкурентов – США, Канаду и Новую Зеландию. В 2016 г. объем поставок необработанной древесины из России увеличился на 10,8%, в 2017 г. – еще на 2,5%². Но цена на российскую древесину в 2016 г. также снижалась, и только в 2017 г. наметился рост цен.

Дальний Восток является основным поставщиком российской древесины в Китай. На долю Дальнего Востока приходилось в 2017 г. 53% общероссийских поставок в КНР (6,7 млн м³), в том числе Хабаровский край поставил 4,6 млн м³, Приморский край – 1,7 млн м³, 0,7 млн м³ пришлось на Амурскую и Еврейскую автономную области³.

В 2017 г. средняя цена на необработанную древесину с Дальнего Востока существенно выросла (с 76,9 в 2016 г. до 86,2 долл. /м³), в 2018 г. прибавила еще немного (86,6 долл. /м³), что вызвало рост объемов поставок. Цены на дальневосточные пиломатериалы в КНР в 2017–2018 гг. следовали общей повышательной тенденции на мировом рынке (рост соответственно на 2,5, и 14,4%). Увеличились и физические объемы поставок на 15% в 2017 г. и на 3% в 2018 г.

Улучшение конъюнктуры на внешнем рынке положительно сказалось на показателях лесного комплекса округа, что выразилось, как указывалось выше, в увеличении объемов производимой продукции, а также налоговых поступлений.

Необходимо отметить, что и все инвестиционные ожидания в лесном комплексе Дальнего Востока связаны с китайскими партнерами. Об этом свидетельствует наличие китайских инвестиций в крупных лесопромышленных компаниях Дальнего Востока. Это также связано с созданием в перспективе целлюлозно-бумажного комбината – пока только китайский бизнес выражает готовность вкладываться в российские проекты⁴.

¹ Wood Resources International: в 2015 г. Китай увеличил импорт российских пиломатериалов на 20% // Lesprom Network. 2016. 11 марта.

² Поставки российского круглого леса в Китай растут / ЛесОнлайн. 2018. 21 марта.

³ Внешняя торговля ДФО / Дальневосточное таможенное управление ФТС России. 2017.

⁴ Китайские инвесторы готовы вкладываться в проекты на Дальнем Востоке / Минвостокразвития РФ. 2019. 3 июля.

На рост экспорта необработанной древесины может негативно сказаться принятие в 2017 г. федеральными органами власти специально для Дальнего Востока новых инструментов таможенного регулирования¹. Было введено квотирование экспорта необработанной древесины трех дальневосточных пород (ели аянской, пихты белокорой и лиственницы даурской) по сниженным таможенным пошлинам (6,5% против 25%). Условие получения квоты – обеспечение не менее 20% экспорта продукции деревообработки в общем объеме экспорта с последующим увеличением этой доли до 35% к 2020 г. Общий объем квоты для региона – 4 млн м³, то есть исходя из существующей ситуации, снижение пошлин охватило 60% дальневосточного экспорта необработанной древесины. За пределами квоты таможенная ставка осталась прежней – 25%.

Отметим, что в 2018 г. квота была распределена всего лишь между 12 предприятиями ДФО, из которых пять компаний из Хабаровского края, и семь – из Приморского края. При этом 77% общего объема пришлось на ООО «Торговый дом РФП», входящий в холдинг RFP Group (Хабаровский край). Еще 14% получило ОАО «Тернейлес», (Приморский край)². То есть можно сделать вывод, что введение квот на экспорт древесины по сниженным ставкам пошлин – это, по сути, торг между государством и RFP Group как крупнейшим лесозаготовителем в ДФО и в России³.

С 2019 г. пошлина вне рамок квоты увеличилась до 40%, с 2020 г. она вырастет до 60, с 1 января 2021 г. – до 80%. То есть налицо попытка государства ввести таможенные барьеры на вывоз необработанной древесины в рамках отдельного федерального округа.

С 2018 г. в России действуют и более жесткие требования к реализации приоритетных инвестиционных проектов⁴: объем инвестиций должен составлять не менее 2 млрд руб. на модернизацию предприятий лесопромышленной инфраструктуры, и не менее 3 млрд руб. на создание новых объектов (в прежних условиях он был 300 млн руб.).

¹ О тарифных квотах на отдельные виды лесоматериалов, вывозимых за пределы территории Российской Федерации в третьи страны: постановление Правительства РФ от 12.12.2017 г. № 1520; О внесении изменений в ставки вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы государств – участников соглашений о таможенном союзе: постановление Правительства РФ от 12.12.2017 г. № 1521.

² Об утверждении распределения объемов тарифных квот, установленных в отношении ели аянской (*Picea jezoensis*), пихты белокорой (*Abies nephrolepis*) и лиственницы даурской (*Larix dahurica*) (коды ТН ВЭД ЕАЭС из 4403 23 910 0, из 4403 23 990 0, из 4403 24 900 0, из 4403 25 910 0, из 4403 25 990 0, из 4403 26 000 0), вывозимых за пределы территории Российской Федерации в третьи страны, внешнеэкономической деятельности в 2018 году: приказ Минпромторга от 14.03.2018 г. № 784.

³ Антонова Н.Е. Лесной комплекс Дальнего Востока: есть ли задел под будущее развитие? // ЭКО. 2019. № 4.

⁴ О приоритетных инвестиционных проектах в области освоения лесов и об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 23.02.2018 № 190.

Понятно, что с 2007 г. условия инвестирования в России изменились существенно, особенно после девальвации рубля, и на 300 млн руб. невозможно создать даже не большое предприятие. Соответственно, меняются условия для получения преференций. Кроме того, очевидно, что десятилетний опыт поддержки инвестпроектов в деревообработке показал необходимость включения механизма барьеров для отсека неэффективных инвесторов. Тем не менее, складывается впечатление, что поддержка государства через различные инструменты, особенно с привлечением финансовых ресурсов, направлена, в первую очередь, на крупные предприятия в лесном комплексе. Мелкие и средние предприятия, ориентированные на экспорт древесины, вряд ли смогут получить квоту на экспорт, так же как и льготы по механизму приоритетных проектов. То есть, на наш взгляд, происходит «выталкивание» среднего и малого бизнеса из лесопромышленной деятельности.

Подводя итог, можно сделать вывод, что дальневосточные производители продолжают ориентироваться на низкомаржинальные сегменты – необработанную древесину, пиломатериалы, что соответствует национальному тренду в продуктовой структуре лесного комплекса¹.

Применяемые в 2013–2018 гг. в лесном комплексе макрорегиона инструменты государственной поддержки расширились и приобрели региональный характер, что связано не в последнюю очередь с повышенным вниманием к Дальнему Востоку со стороны федерального центра. Однако воспользоваться новыми преференциями смогли лишь крупнейшие лесопромышленные компании. Для мелкого и среднего бизнеса условия осуществления предпринимательской деятельности ухудшились, что в дальнейшем может привести к их к вытеснению с регионального рынка.

За исследуемый период еще больше возросло значение фактора внешнего спроса, при этом произошла дальнейшая привязка дальневосточных лесопользователей к китайскому рынку как к крупнейшему потребителю лесной продукции. Кроме того, все инвестиционные ожидания также связаны с китайскими партнерами.

3.4. АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС И САМООБЕСПЕЧЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМИ ПРОДУКТАМИ

Перед страной и ее регионами всегда стояла задача повысить степень обеспеченности населения сельскохозяйственными продуктами. В 2012 г. Президентом РФ была поставлена амбициозная задача: «В ближайшие четыре-пять лет мы должны полностью обеспечить свою независимость по всем основным видам продовольствия, а за-

¹ Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2018 г. № 1989-р.

тем Россия должна стать крупнейшим в мире поставщиком продуктов питания»¹. А в 2016 г. на Восточном экономическом форуме во Владивостоке была озвучена задача «не только полностью обеспечить собственные потребности в продовольствии на Дальнем Востоке, но и помочь сделать это заинтересованным соседям – наращивать экспортный потенциал»². Рассмотрим, как эти задачи выполнялись в 2013–2017 гг. на Дальнем Востоке.

Сельское хозяйство на Дальнем Востоке сформировалось и функционирует в сложных природно-климатических и экономических условиях, обусловленных географическим положением в северо-восточной части Азии с выходом к Северному Ледовитому и Тихому океанам, огромной, преимущественно горной территорией, особенностью климата и почв, удаленностью от промышленных центров и сельскохозяйственных районов России и границей с интенсивно развивающимися странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Здесь сельское хозяйство развивается в условиях рискованного земледелия. Равнины, которые наиболее благоприятны для жизни и хозяйственной деятельности человека, занимают лишь 23% территории. Преобладающая часть территории макрорегиона (83%) находится в зоне многолетней и вечной мерзлоты, где выращивание зерновых и большинства видов овощных культур в открытом грунте невозможно или резко ограничено. Среднегодовая температура воздуха изменяется в январе от минус 8–17 градусов на юге Сахалина до минус 38–50 на севере Республики Саха (Якутия), а в июле от плюс 3–6 градусов на севере Магаданской области до плюс 15–21 на юге Приморья. При этом вегетационный период продолжается от 50–100 дней на севере Республики Саха (Якутия) до 125–200 дней на юге Приморья. Южные районы Дальнего Востока находятся в зоне муссонного климата.

Доля ДФО в РФ составляет по площади сельскохозяйственных угодий – 3,6%, пашни – 2,3% (*табл. 3.13*).

К сожалению, площади орошаемых и осушаемых земель на Дальнем Востоке небольшие и составляют соответственно 1,8 и 9,4% от общей площади сельскохозяйственных угодий. При этом в неудовлетворительном состоянии находится 33,5% орошаемых и 31,6% осушаемых земель региона (*табл. 3.14*). В наилучшем состоянии как орошаемые, так и осушаемые земли находятся в Амурской области.

Основная часть сельскохозяйственных угодий, в том числе мелиорированных земель, расположена на юге Амурской области, Еврейской автономной области, Приморского и Хабаровского краев. Здесь пахотные земли представлены бурыми, лугово-глебовыми, лугово-черноземовидными, остаточными-пойменными, болотно-низменными почвами. Они, как правило, имеют тяжелосуглинистый механический состав, низкое

¹ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию РФ от 12 декабря 2012 г.

² Во Владивостоке проходит форум «Агро Дальний Восток и Сибирь. 2017» // Ежедневные Новости Владивостока. 2017. 5 декабря.

содержание гумуса, бедны фосфатами, часто переувлажняются в период муссонных дождей. Лучшими являются лугово-черноземовидные почвы, основные массивы которых находятся в Амурской области.

Таблица 3.13

Площадь сельскохозяйственных угодий по регионам ДФО, на 1 января 2017 г., тыс. га

Территория	Общая площадь	В том числе				
		пашня	залежь	многолетние насаждения	сенокосы	пастбища
ДФО	8013,6	2768,7	425,0	71,7	2240,5	2507,7
Республика Саха (Якутия)	1640,2	105,2	19,1	1,0	719,5	795,4
Камчатский край	475,6	64,3	1,0	5,3	97,3	307,7
Приморский край	1648,8	754,8	60,8	25,9	361,4	445,9
Хабаровский край	665,7	98,5	25,2	16,8	401,8	123,4
Амурская область	2733,6	1576,1	245,1	11,9	418,0	482,5
Магаданская область	121,5	23,8	3,5	0,1	51,5	42,6
Сахалинская область	182,4	51,3	0	7,6	63,6	59,9
ЕАО	537,2	94,6	70,3	3,1	119,2	250,0
ЧАО	8,6	0,1	0	–	8,2	0,3

Источник: Сведения о наличии и распределении земель в Российской Федерации на 01.01.2017 (в разрезе субъектов Российской Федерации) / Росреестр. 2017.

Таблица 3.14

Состояние мелиорированных земель по регионам ДФО, на 1 января 2017 г., тыс. га

Территория	Орошаемые земли				Осушаемые земли			
	общая площадь	из них			общая площадь	из них		
		хорошее	удовлетворительное	неудовлетворительное		хорошее	удовлетворительное	неудовлетворительное
ДФО	140,5	58,3	35,2	47	754,9	251,2	264,8	238,9
Республика Саха	9,6	1,5	2,3	5,8	45,4	0	18,0	27,4
Камчатский край	2,5	0,4	0,8	1,3	26,7	1,3	15,0	10,4
Приморский край	106,2	49,0	24,7	32,5	177,3	87,5	42,8	47,0
Хабаровский край	5,4	0,1	2,4	2,9	93,8	0,2	36,5	57,1
Амурская область	9,9	6,9	2,3	0,7	256,4	152,1	74,8	29,5
Магаданская область	4,2	0,4	0	3,8	11,7	1,1	1,2	9,4
Сахалинская область	0	0	0	0	52,9	9,0	25,6	18,3
ЕАО	2,7	0	2,7	0	85,9	0	46,1	39,8
ЧАО	0	0	0	0	4,8	0	4,8	0

Источник: Сведения о наличии и распределении земель в Российской Федерации на 01.01.2017 (в разрезе субъектов Российской Федерации) / Росреестр. 2017.

Пахотные земли макрорегиона характеризуются относительно низким естественным плодородием и для получения хороших урожаев требуют внесения высоких доз минеральных и органических удобрений, а также проведения агротехнических приемов для снижения кислотности и отрицательного воздействия переувлажнения.

На Дальнем Востоке, особенно в Приамурье, имеются огромные площади естественных кормовых угодий, которые позволяют разводить в большинстве территорий молочное и мясомолочное скотоводство, а в Республике Саха (Якутия), кроме того – табунное коневодство. В северных районах обширные площади заняты ягелем, что обеспечивает возможность широкого развития северного оленеводства. В южных районах с развитием производства зерна, сои и картофеля создаются условия для развития свиноводства. Здесь же, особенно в Приморском крае, имеются большие площади для выращивания риса и развития пчеловодства. Вблизи крупных центров потребления создаются условия для промышленного развития яичного и бройлерного птицеводства.

Однако успешное развитие сельского хозяйства в ДФО осложняется не только природно-климатическими факторами, но и слабой производственной инфраструктурой, в частности, редкой сетью автомобильных и железнодорожных дорог, а также труднодоступностью территорий. Все это ограничивает широкое развитие сельского хозяйства и приводит к более высоким издержкам производства по сравнению с другими более развитыми регионами страны.

Однако нельзя забывать, что сельское хозяйство выполняет не только экономические функции, производит продовольствие и сырье для промышленности, но оно при эффективном развитии обеспечивает получение значимых общественных благ, которые не всегда могут получить стоимостную оценку, хотя имеют большое значение для сохранения условий жизнедеятельности всего населения.

Глубоко прав А.С. Шелепа, когда писал: «Учитывая специфичность и незаменимость используемых в сельском хозяйстве природных ресурсов, широкий спектр выполняемых аграрным сектором функций, производимых продуктов и общественных благ, аграрный сектор не может рассматриваться лишь как сфера бизнеса. Так как от его состояния зависит качество жизни населения, во многих случаях к нему следует подходить как важной части социальной сферы. От состояния аграрного сектора и условий жизни сельского населения зависит формирование постоянного населения в регионе, устойчивого социума и решение экономических задач»¹.

История развития сельского хозяйства на Дальнем Востоке свидетельствует, что его успешное функционирование зависит, главным образом, от экономических условий производства, прежде всего, от размера инвестиций и проведения социально-экономических реформ, уровня государственного регулирования, а также от изменений на мировом продовольственном рынке.

¹ Аграрный сектор Дальнего Востока: проблемы и перспективы развития / под общ. ред. А.С. Шелепы. Хабаровск: ГНУ ДВНИИЭОП АПК Россельхозакадемии, 2013. С. 12.

Развитие сельского хозяйства

Развитие сельского хозяйства на Дальнем Востоке в постсоветский период по 2012 гг. в значительной степени уже освещено в литературе¹. При этом отмечено, что оно развивалось неравномерно: после резкого падения в 1991–2005 гг., в период 2006–2012 гг. наблюдалось увеличение производства сельскохозяйственной продукции. Эти изменения были обусловлены проведением соответствующей государственной политики в аграрном секторе, прежде всего размером инвестиций и господдержкой сельскохозяйственного производства в регионе².

Если в 2006–2011 гг. отмечался ежегодный рост инвестиций в аграрный сектор, то в 2012–2014 гг. объем инвестиционных ресурсов сократился, за исключением 2013 г. когда значительные ресурсы были направлены на устранение последствий катастрофического наводнения. Небольшой рост был отмечен в 2015–2016 гг., но это произошло в 2015 г. за счет роста инвестиций в заготовку леса, а в 2016 г. за счет увеличения ресурсов лишь в Сахалинской области. Резкий рост инвестиций в 2017 г. произошел за счет рыболовства³ (*табл. 3.15*).

Доля инвестиций в основной капитал аграрного сектора ДФО до 2017 г. не превышала 1,5% в общем размере инвестиций. В 2016 г. этот показатель составил 1,4%, изменяясь по регионам от 0,04% в Магаданской области до 2,9% в Приморском крае.

Недофинансирование сельского хозяйства отрицательно сказывается на материально-технической базе отрасли ДФО. В 2016 г. парк тракторов составил всего 5523 машины, а зерноуборочных комбайнов – 1783 машины, и уменьшилось по сравнению с 1990 г. в 8,5 и 4,8 раза соответственно. Сокращение парка тракторов ведет к росту нагрузки на технику. В 2016 г. на 1 трактор приходилось в среднем 361 га пашни. Резкое сокращение инвестиций в сельское хозяйство в 1990-е гг. привело к резкому сокращению работ по мелиорации земель и применению удобрений. В 2000 г. по сравнению с 1990 г. внесение минеральных удобрений в ДФО уменьшилось с 91,1 до

¹ Шелепа А.С. Дальневосточное село: состояние и организационно-экономические проблемы развития. Хабаровск: ХГАЭП, 2006; Ким Л.В. Научное обоснование решения продовольственных проблем в Дальневосточном федеральном округе. Хабаровск: ТОГУ, 2016; Реймер В.В., Улезько А.В., Тютюников А.А. Инновационно-ориентированное развитие АПК Дальнего Востока. Воронеж: Воронежский ГАУ, 2016; Сухомиров Г.И. Технологическая модернизация сельского хозяйства Дальнего Востока // Проблемы развития территории. 2014. № 5 (73); Сухомиров Г.И. Инвестиции и государственная поддержка сельского хозяйства в Дальневосточном федеральном округе // Проблемы развития территории. 2015. № 5 (79) и др.

² Сухомиров Г.И. Развитие дальневосточного сельского хозяйства и самообеспеченность населения сельскохозяйственной продукцией // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 1; Сухомиров Г.И. Развитие сельского хозяйства ДФО в условиях санкций и экономического кризиса // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 4.

³ В связи с введением с 1 января 2017 г. Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД2). Надо отметить, что агрегированный показатель по существу пяти отраслей делает невозможным проведение качественного анализа их влияния на развитие каждой отрасли в отдельности.

12,3 кг/га (в 7,4 раза), постепенно увеличившись до 42,8 кг/га (2017 г.), но, тем не менее, составляет всего 47% от уровня 1990 г. Еще хуже положение с применением органических удобрений.

Таблица 3.15

Динамика инвестиций в аграрный сектор* ДФО, млн руб.

Территория	2012	2013	2014	2015	2016	2017
ДФО	5899	8535	8217	11 271	12 774	32 123
Республика Саха	482	600	433	506	403	597
Камчатский край	206	212	188	482	266	6333
Приморский край	1468	2070	3059	2944	2836	8439
Хабаровский край	1340	1356	1368	2664	2308	2535
Амурская область	1621	2895	1505	2914	2967	2415
Магаданская область	66	62	44	45	13	309
Сахалинская область	561	1132	1476	1435	3849	11 327
ЕАО	67	78	32	157	47	35
ЧАО	88	130	112	124	86	133

Примечание. * Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, а с 2017 г. включено рыболовство и рыбоводство.

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012–2017 / ФСГС. 2018.

После резкого сокращения посевной площади сельскохозяйственных культур в 1990-е гг., в последнее десятилетие наблюдается ее увеличение. Однако увеличение идет только за счет посевов сои, а по остальным культурам произошло сокращение, что является тревожным сигналом (*табл. 3.16*). Особенно если учесть, что в 2017 г. было использовано всего 73,7% имеющейся пашни. А с учетом залежи, которая по существу неиспользуемая пашня, то получается, что на Дальнем Востоке используется всего 63,9% пашни, в том числе по Хабаровскому краю 61%. Подобное положение, к сожалению, наблюдается во всех регионах ДФО.

Таблица 3.16

Посевные площади сельскохозяйственных культур в ДФО, тыс. га

Посевы	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2017 / 2012, %
Всего посевов, в т. ч.	1672,0	1595,9	1787,7	1883,6	1949,2	2040,6	122,0
Зерновых и зернобобовых	379,6	314,1	338,1	308,5	352,7	329,5	86,8
Картофеля	96,9	93,3	92,0	91,7	60,1	58,5	60,3
Овощей	25,2	24,5	23,5	23,4	25,0	18,2	72,2
Сои	948,5	934,1	1094,2	1130,0	1267,0	1422,0	149,9
Кормовые и прочие	221,8	229,9	239,9	330,0	244,4	212,4	95,8

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012–2017 / ФСГС. 2018.

Для выявления нерационально использованных земельных ресурсов правительство Хабаровского края в 2019 г. проводит инвентаризацию земель сельскохозяйственного назначения. Только в Хабаровском и имени Лазо районах уже выявлено около 7 тыс. га неиспользуемых земель. Такая работа будет проведена на территории всего края, и выявленные земельные резервы будут введены в оборот и использованы для развития растениеводства и животноводства.

В 2017 г. по сравнению с 2012 г. на Дальнем Востоке хороший рост продемонстрировали производства сои (в 1,9 раза) и меда (1,4 раза), по остальным видам продукции наблюдается либо небольшой рост (зерно, плоды, мясо), либо снижение (картофель, овощи, молоко), либо относительная стабилизация производства (яйцо) (*табл. 3.17, 3.18*). Особенно тяжелое положение сложилось с крупным рогатым скотом, поголовье коров продолжает сокращаться. Сократилось хотя и незначительно поголовье птиц.

Таблица 3.17

**Валовое производство основных видов
растениеводческой продукции в ДФО, тыс. т**

Продукция	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2017 / 2012, %
Зерно	546,8	428,4	773,3	677,3	697,2	653,6	119,5
Соя	1029,4	646,8	1527,1	1400,4	1319,5	1972,0	191,6
Картофель	1318,7	1034,8	1304,8	1189,3	1118,6	1046,0	79,3
Овощи	433,7	391,2	450,2	404,2	413,8	318,9	73,5
Плоды и ягоды	34,7	33,5	33,9	36,0	32,3	39,4	113,5

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012–2017 / ФСГС. 2018.

Таблица 3.18

Основные показатели развития животноводства в ДФО

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2017 / 2012, %
Поголовье (тыс. голов)							
Крупный рогатый скот	450,8	417,8	399,6	394,3	393,3	394,1	87,4
в т. ч. коров	195,7	188,1	176,3	172,5	172,2	169,2	86,5
Свиней	316,9	305,6	286,2	327,8	385,5	377,8	119,2
Овец и коз	77,7	70,1	70,1	69,4	70,5	67,0	86,2
Птиц, тыс. шт.	10294	9962,5	10162,3	10125,2	8341,4	9500,3	92,3
Получено (тыс. т)							
Мяса	128,4	134,0	130,9	123,9	126,3	134,0	104,4
Молока	571,8	565,2	536,4	537,2	531,6	545,9	95,5
Меда, т	4749	5236	6273	7109	6878	6861	144,5
Яиц, млн шт.	1184,7	1149,0	1191,0	1172,8	1173,3	1183,9	99,9

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012–2017 / ФСГС. 2018.

В производстве сельскохозяйственной продукции принимают участие следующие категории хозяйств: сельскохозяйственные организации (СХО), хозяйства населения (ХН), крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели (К(Ф)Х). Их значение в общем объеме производства различных видов продукции в последние годы мало изменилось. Сельскохозяйственные организации являются основными производителями зерна и мяса, значительная их доля в производстве овощей и молока. Хозяйства населения являются основными производителями картофеля, овощей, молока и более 1/3 мяса. Постепенно растет доля крестьянских (фермерских) хозяйств в производстве картофеля, овощей и молока при небольшом сокращении их участия в производстве зерна и мяса (*табл. 3.19*).

Таблица 3.19

**Структура сельскохозяйственной продукции
по видам и категориям хозяйств в ДФО, %**

Хозяйства	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Зерно						
СХО	75,8	82,7	77,4	81,3	81,4	79,2
ХН	0,7	1,0	0,6	0,5	0,2	0,2
К(Ф)Х	23,5	16,3	22,0	18,2	18,4	20,6
Картофель						
СХО	6,8	6,9	6,1	6,2	9,9	9,5
ХН	85,5	86,7	85,8	85,9	76,8	75,1
К(Ф)Х	7,7	6,4	8,1	7,9	13,3	15,4
Овощи						
СХО	19,5	22,9	19,6	16,9	23,9	19,8
ХН	64,7	62,5	63,6	68,5	57,8	59,5
К(Ф)Х	15,8	14,6	16,8	14,6	18,3	20,7
Мясо						
СХО	54,2	53,8	53,6	52,8	54,3	56,6
ХН	36,5	37,8	37,8	38,5	36,9	35,2
К(Ф)Х	9,3	8,4	8,6	8,7	8,8	8,2
Молоко						
СХО	26,7	26,3	26,6	27,7	29,5	29,6
ХН	57,8	58,3	56,9	54,4	51,1	49,4
К(Ф)Х	15,5	15,4	16,5	17,9	19,4	21,0

Примечание. СХО – сельскохозяйственные организации, ХН – хозяйства населения, К(Ф)Х – крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели.

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012–2017 / ФСГС. 2018.

В целом по ДФО объем продукции сельского хозяйства после 2012 г. в текущих ценах медленно, но растет. В 2017 г. по сравнению с 2012 г. он увеличился на 43,8%. Рост производства наблюдался во всех регионах ДФО, кроме Хабаровского края. Наи-

большой рост был в Амурской области (78,4%) и в Приморском крае (59,1%). В Чукотском автономном округе развитие сельского хозяйства было неустойчивым. И хотя в стоимостном выражении в 2012–2017 гг. выросло в 2 раза, но в структуре производства в целом по Дальнему Востоку составляет незначительную величину (*табл. 3.20*).

Таблица 3.20

Производство валовой продукция сельского хозяйства в ДФО, млн руб.

Территория	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2017 / 2012, %
ДФО	114 364	110 856	146 095	162 069	151 460	164 473	143,8
Республика Саха	19 700	20 867	21 847	22 439	21 930	25 289	128,4
Камчатский край	5587	6101	8106	7841	7378	7916	141,7
Приморский край	27 850	28 938	37 734	40 951	40 123	44 316	159,1
Хабаровский край	17 872	18 274	20 758	22 687	16 335	16 790	93,9
Амурская область	28 268	22 260	39 518	46 713	47 012	50 420	178,4
Магаданская область	1825	1649	1948	2332	2259	2521	138,2
Сахалинская область	7678	8681	9961	12 525	10 342	10 536	137,2
ЕАО	4862	3259	5169	6276	5486	5216	107,3
ЧАО	724	828	1054	305	595	1469	202,9

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012–2017 / ФСГС. 2018.

При оценке изменения стоимостных показателей объема производства более важным показателем является динамика индекса производства продукции (*табл. 3.21*).

Таблица 3.21

Динамика индекса производства продукции сельского хозяйства ДФО, % к предыдущему году

Территория	2012	2013	2014	2015	2016	2017
ДФО	97,4	89,8	119,8	96,9	98,0	111,3
Республика Саха	98,0	98,5	99,2	97,9	101,2	104,6
Камчатский край	96,9	99,6	110,1	93,3	103,6	105,3
Приморский край	99,2	98,1	113,0	93,8	98,7	115,2
Хабаровский край	101,8	94,6	104,8	90,2	90,1	103,1
Амурская область	93,3	71,1	167,5	102,1	98,0	114,9
Магаданская область	108,3	90,4	99,9	116,8	100,9	111,4
Сахалинская область	98,2	105,2	102,4	98,7	109,0	108,5
ЕАО	87,9	63,4	132,1	101,5	78,1	116,1
ЧАО	200,0	97,8	131,9	36,2	137,3	101,6

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012–2017 / ФСГС. 2018.

В целом по ДФО с 2012 по 2016 г. индекс производства продукции не достигал даже 100%. Исключением был 2014 г., но это произошло после резкого падения производства в 2013 г. в результате катастрофического наводнения. По регионам ДФО индекс производства значительно колебался по годам и только в 2017 г. он был выше 100% во всех регионах Дальнего Востока. Отсутствие роста сельскохозяйственного производства на Дальнем Востоке с 2012 по 2016 г. в значительной степени явилось следствием вступления России в ВТО, введением США и ряда других стран экономических санкций против России и сокращением инвестиций в сельское хозяйство¹.

Однако результаты развития сельского хозяйства в регионах зависят и от эффективности работы их правительств. Так, в последнее десятилетие в Амурской области ни одно крупное хозяйство не обанкротилось. Более того, «Амурский бройлер», у которого было 480 млн руб. долгов за тепло и электроэнергию, возродили за счет субсидий и грантов, грамотной тарифной политики. И в настоящее время сельское хозяйство области развивается успешнее, чем в других регионах ДФО. Противоположное положение складывалось в сельском хозяйстве Хабаровского края. 10 лет назад здесь было 93 крупных коллективных хозяйств. Сегодня – 20. Элитные хозяйства «Заря», «Краснореченское», «Гаровское», «Котиково», «Дружба», «Хорское», в каждом из которых работало от 200 до 500 человек, которые были обанкрочены. В результате современное состояние сельского хозяйства края значительно ухудшилось.

В 2012–2017 гг. изменялся не только объем производства сельскохозяйственной продукции ДФО, но и его отраслевая структура. Доля растениеводческой продукции в общем объеме продолжала увеличиваться и за 2012–2017 гг. возросла на 5,2 п. п. (табл. 3.22).

Таблица 3.22

Отраслевая структура сельскохозяйственной продукции ДФО, %

Отрасль	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Растениеводство	54,4	51,6	59,2	60,5	57,2	59,6
Животноводство	45,6	48,4	40,8	39,5	42,8	40,4
Итого	100	100	100	100	100	100

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012–2017 / ФСГС. 2018.

В последние годы с увеличением производства сои и господдержки многие сельскохозяйственные организации стали рентабельными, хотя продукция животноводства почти везде остается убыточной. В 2017 г. продукция растениеводства тоже в большинстве предприятий Дальнего Востока оказалась убыточной (табл. 3.23).

¹ Сухомиров Г.И. К проблеме импортозамещения продуктов сельского хозяйства в ДФО // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97).

Таблица 3.23

**Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг)
сельскохозяйственных организаций ДФО, %**

Территория	Растениеводство					Животноводство				
	2013	2014	2015	2016	2017	2013	2014	2015	2016	2017
ДФО	9,3	10,3	19,3	16,0	-1,6	-3,3	-6,2	-7,5	-13,5	-18,7
Республика Саха (Якутия)	-30,6	-38,1	-54,5	-56,7	-59,2	-32,6	-36,0	-33,5	-26,4	-26,4
Камчатский край	16,4	17,0	24,0	35,1	–	-2,2	-6,3	-9,6	-14,1	-7,1
Приморский край	6,6	13,2	11,6	1,2	-11,4	12,4	2,9	-12,4	-17,9	-19,9
Хабаровский край	-32,5	–	-100	-62,6	-30,4	-7,6	-9,1	-4,7	-8,5	-12,7
Амурская область	19,4	15,2	30,6	33,0	9,8	15,7	13,2	21,9	7,8	1,5
Магаданская область	–	–	–	–	–	-23,6	-15,3	-35,9	-4,5	-10,0
Сахалинская область	-2,2	-9,5	-13,6	-16,6	-17,2	-5,5	-18,6	-23,3	-24,9	-28,9
ЕАО	22,1	89,5	57,6	19,0	23,9	-62,3	–	-100	–	-77,9
ЧАО	-19,4	-25,9	-27,0	-32,7	-32,5	-43,7	-48,3	-43,4	-45,6	-50,8

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013–2017 / ФСГС. 2018.

В результате сальдированный финансовый результат в целом по ДФО у сельскохозяйственных организаций, осуществляющих деятельность в растениеводстве и животноводстве, положительный, но по регионам он весьма различен. Лучшие финансовые показатели имеет Амурская и Сахалинская области (*табл. 3.24*).

Таблица 3.24

**Основной финансовый показатель деятельности
сельскохозяйственных организаций ДФО, млн руб.**

Территория	Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток)									
	растениеводства					животноводства				
	2013	2014	2015	2016	2017	2013	2014	2015	2016	2017
ДФО	1276	793	1874	3562	1030	372	487	466	-382	-380
Республика Саха	16	-1	-14	0,0	-14	77	5	58	17	-3
Камчатский край	-7	4	7	-4	–	107	238	273	65	110
Приморский край	361	-196	-985	374	-575	-22	-188	-856	-1128	-647
Хабаровский край	–	–	7	-82	-20	-214	12	79	-127	-249
Амурская область	662	794	2336	2555	750	316	444	821	300	-2
Магаданская область	–	0,0	–	–	–	-24	-1	-1	-1	-0,4
Сахалинская область	228	163	437	683	875	1	-6	-41	314	170
ЕАО	18	27	86	37	14	-1	–	-1	–	-22
ЧАО	-2	2	-0,2	-1	-0,5	132	-37	134	178	263

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013–2017 / ФСГС. 2018.

В структуре господдержки сельского хозяйства Дальнего Востока доля федерального бюджета составляла менее 20%, а доля бюджетов регионов – более 80%. Господдержка способствует развитию сельскохозяйственного производства, но в целом она весьма незначительная и направляется преимущественно в агрохолдинги и сельскохозяйственные организации (до 80%), в небольших размерах она доходит до фермерских хозяйств и редко до хозяйств населения, хотя в 2017 г. доля хозяйств населения в производстве картофеля составила 75,1%, овощей – 59,5%, молока – 49,4% и мяса – 35,2% от общего объема. По нашим расчетам на Дальнем Востоке, общий размер господдержки на 1 руб. произведенной продукции сельского хозяйства составляет всего 8,5 коп.¹, что в разы меньше, чем в развитых странах². Поэтому даже с учетом господдержки в округе производство растениеводческой продукции низкорентабельно, а животноводческой – убыточно.

По оценкам экспертов, в Амурской области совокупная факторная производительность предприятий – участников агрохолдингов ниже, чем у независимых предприятий³. Очевидно, что государство обязано поддерживать все организационные образования сельскохозяйственных предприятий, что имеет большое социальное значения для крестьян и развития сельских территорий.

Обеспеченность населения ДФО основными продуктами питания собственного производства

В сложных, меняющихся организационно-экономических условиях изменялся не только объем производства сельскохозяйственной продукции, но и обеспечение населения продуктами питания за счет собственного производства.

В 2011–2017 гг. на Дальнем Востоке показатели самообеспеченности населения сельскохозяйственными продуктами остаются низким (исключение составляет только картофель) (*табл. 3.25*). Дальний Восток наибольший недостаток испытывает в зерне, ведь оно практически не выращивается в северных регионах и даже в Амурской и Еврейской автономной областях самообеспечение зерном менее 50% от необходимой 1 т на человека в год⁴. Обеспеченность населения ДФО пищевым картофелем практически вполне возможна за счет внутрирегионального перераспределения. Самообеспеченность ДФО овощами в целом находится в пределах 55–65%, изменяясь от более 80% в Приморье до менее 20% в Магаданской области. Недостаток овощей покрывается за

¹ Сухомиров Г.И. Инвестиции и государственная поддержка сельского хозяйства в Дальневосточном федеральном округе // Проблемы развития территории. 2015. № 5 (79).

² Климова Н.Б. Обеспечение продовольственной безопасности России как стратегическая задача государства // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 2.

³ Васильева О. Производительность сельскохозяйственных предприятий и их участие в агрохолдингах на Дальнем Востоке России // Вопросы экономики. 2017. № 8.

⁴ Сухомиров Г.И. Проблема самообеспечения сельскохозяйственными продуктами в регионах Дальневосточного федерального округа // Проблемы развития территории. 2017. № 1 (87).

счет импорта, размер которого за последние шесть лет почти не изменился. Самообеспеченность населения ДФО плодами и ягодами в среднем ниже 10% и нигде не превышает 14%. Здесь не учитывается сбор дикорастущей ягоды, размер которого около 24 тыс. т¹.

Таблица 3.25

**Обеспеченность сельскохозяйственными продуктами* на душу населения
за счет собственного производства в ДФО**

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Зерно: произведено, кг	47	98	87	69	124	110	130	106
Обеспеченность от нормы, %	4,7	9,8	8,7	6,9	12,4	11,1	13,0	10,6
Картофель: произведено, кг	204	205	211	166	210	192	181	169
Обеспеченность от нормы, %	157,0	157,7	162,1	127,6	161,4	147,4	139,0	130,0
Овощи: произведено, кг	64	68	69	63	72	65	67	52
Обеспеченность от нормы, %	54,2	59,6	60,3	64,5	62,9	56,2	58,1	45,2
Плоды, ягоды: произведено, кг	5,7	6,4	5,5	5,4	5,5	5,8	5,2	6,4
Обеспеченность от нормы, %	8,5	9,6	8,3	8,0	8,1	8,7	7,8	9,5
Мясо: произведено, кг	20	20	21	21	21	20	20	22
Обеспеченность от нормы, %	19,9	20,6	29,7	21,7	21,3	20,2	20,6	22,2
Молоко: произведено, кг	94	93	91	90	86	87	87	88
Обеспеченность от нормы, %	19,8	19,6	19,3	19,1	18,2	18,3	18,3	20,1
Яйца: произведено, шт.	189	186	189	184	191	189	190	192
Обеспеченность от нормы, %	58,0	57,2	58,2	56,7	58,9	58,3	58,3	59,1

Примечание. * Научная норма потребления продуктов: мясо – 99 кг, молоко – 437 кг, картофель – 130, овощи – 115 кг, яйцо – 325 шт., потребность в зерне – 1 т на человека (Константинов А.А. Дальневосточная кухня. Питание и здоровье. Хабаровск, 2014).

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010–2017 / ФСГС. 2018.

Самообеспеченность мясом и молоком населения ДФО в последние годы исключительно устойчиво низкая, изменяясь в пределах двух процентов, при этом в регионах эти показатели изменяются в большей степени (*табл. 3.26*).

Наивысшая обеспеченность населения Республики Саха (Якутия) молоком достигнута высокой региональной финансовой поддержкой молочного животноводства. Размер господдержки за сданное молоко в республике в 2015 г. был повышен до 30 руб., а закупочная цена за 1 литр в 2017 г. достигла 45 руб.

Самообеспечение регионов яйцом постепенно повышается и изменяется по годам: по Республике Саха (Якутия) от 37,8 до 43,8%, по Камчатскому краю – от 40,4 до 54,0, по Приморскому краю – от 44,7 до 56,0, по Хабаровскому краю – от 63,1 до 72,3, по Магаданской области и Чукотскому автономному округу – от 33,6 до 46,9, по Саха-

¹ Сухомиров Г.И. Таежное природопользование на Дальнем Востоке России. Хабаровск: РИОТИП, 2007.

линской области – от 66,9 до 83,3%. Только по Амурской и Еврейской автономной области произошло понижение самообеспеченности яйцом от 85,0 до 67,2%. Кроме собственного производства, потребность в продовольственных пищевых ресурсах населения ДФО покрывается за счет ввоза, размер которого не снижается, а чаще растет, особенно мяса (*табл. 3.27*), в основном за счет импорта.

Таблица 3.26

Самообеспеченность населения регионов ДФО мясом и молоком, 2010–2017 гг.

Регион	Мясо		Молоко	
	изменения по годам	тенденция изменения	изменения по годам	тенденция изменения
Республика Саха	26,6–23,1	уменьшение	42,3–36,2	уменьшение
Камчатский край	7,2–11,5	увеличение	10,4–12,4	увеличение
Приморский край	20,6–17,6	уменьшение	11,8–13,7	увеличение
Хабаровский край	16,8–12,6	уменьшение	8,2–5,8	уменьшение
Амурская область и ЕАО	35,2–44,7	увеличение	40,3–33,5	уменьшение
Магаданская область и ЧАО	7,3–5,5	уменьшение	5,9–6,4	увеличение
Сахалинская область	5,7–8,3	увеличение	11,0–12,4	увеличение

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010–2017 / ФСГС. 2018.

Таблица 3.27

Ввоз пищевых продуктов в ДФО, т

Продукт	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Мясо и мясо птицы	9794,2	14 724,4	37 330,0	40 379,0	37 843,0	45 568,0	49 456,0	59 627
Консервы мясные, тыс. услов. банок	15 176,7	19 015,7	17 896,6	18 408,5	23 770,4	21 704,1	15 512,0	18 194
Колбасные изделия	19 097,8	21 884,3	17 491,0	19 622,1	19 509,6	19 379,6	20 652,5	19 552,7
Сыры и продукты сырные	2749,5	2448,3	1685,6	1724,6	2518,3	2019,0	3970,7	4589,3
Масло сливочное	1114,5	1093,7	1187,6	848,3	1637,3	1318,9	1394,1	2451,1
Масло растительное	11 454,8	14 186,0	10 719,5	35 631,9	20 895,0	26 640,6	23 398,3	29 641,1
Мука, тыс. т	278,6	242,8	250,4	248,0	218,1	310,9	274,5	328,2
Крупа	38 936,8	23 559,0	22 551,5	26 099,1	25 162,1	20 606,0	21 076,5	22 861,0

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012–2017 / ФСГС. 2018.

В результате, потребление продуктов питания населением ДФО медленно росло по 2012–2013 гг., затем несколько увеличилось по картофелю, овощам и яйцу, а по мясу и молоку и их продуктам – уменьшилось. При этом, ни по одному продукту пока не достигнута научно обоснованная норма потребления (*табл. 3.28*).

**Потребление продуктов питания на душу населения
в ДФО, кг/чел.**

Продукт	Норма	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Мясо и мясопродукты	99	72	75	78	79	78	77	78	78
Молоко и молокопродукты	473	190	191	192	196	193	191	191	188
Яйца, штук	325	278	280	282	277	276	276	281	266
Картофель	130	107	119	123	123	123	125	125	126
Овощи и бахчевые	115	94	99	104	105	107	108	109	110
Хлебные продукты	120	115	115	115	114	116	115	114	115

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010–2017 / ФСГС. 2018.

Фактически структура производства и потребления продуктов по регионам ДФО, как и по странам, различна. Она отражает не только различные природно-климатические условия, уровень их экономики, но и особенности их традиционного питания. По производству продукции на душу населения Дальний Восток уступает развитым странам (ЕС, США, Австралия) почти по всем видам¹. А по потреблению картофеля и хлебных продуктов Дальний Восток занимает лидирующие позиции, и это говорит о преобладании в нем неполноценного питания населения. Последнее наблюдается не только на Дальнем Востоке, но и во многих районах мира, и эту комплексную проблему следует решать на высоком политическом уровне².

При условии даже неполноценного питания, население Дальнего Востока, как впрочем, всей России, вынуждено тратить на приобретение продуктов большую часть своих доходов. Почти ¼ жителей РФ тратит на продукты питания от 30,1 до 40% своих потребительских расходов, одна пятая – от 40,1 до 50%. В США на приобретение продуктов питания приходится всего 6% расходов домохозяйств, в Великобритании – 7,2, в Германии – 9, во Франции – 10,2, в Японии – 11,3%³.

При этом на Дальнем Востоке оплата труда в сельскохозяйственных предприятиях составляет не многим более 50% от средней по экономике. Низкая оплата труда, его непривлекательность, слабая обеспеченность селян жильем, объектами инженерной, социальной инфраструктуры и услугами являются одними из основных причин кризиса сельского хозяйства и села. В таких условиях наблюдается деградация сельской экономики. Численность сельского населения, за 1990–2018 гг. сократилась на

¹ Barclay R., Epstein C. Securing Fish for the Nation: Food Security and Govern Mentality in Japan // Asian Studies Review. 2013. Vol. 37. No. 2.

² The State of Food and Agriculture – 2013. Food Systems for Better Nutrition / Food and Agriculture Organization of the United Nations. Rome. 2013.

³ Гумеров Р. Агропродовольственная политика: как реализовать смену парадигм (концептуальные соображения по реформированию системы управления АПК России) // Российский экономический журнал. 2015. № 2.

22,7%. Пустеют большие территории, забрасываются сельскохозяйственные угодья. Только за 2010–2013 гг. площадь земель сельскохозяйственного назначения на Дальнем Востоке уменьшилась на 5,6 млн га. По мнению исследователей, земельные угодья сельскохозяйственного назначения являются уникальным ресурсом, обеспечивающим поддержание экономической стабильности макрорегиона и их защита должна рассматриваться как проблема общенациональной значимости¹.

Главной причиной неудовлетворительного развития отечественного сельского хозяйства является низкий уровень государственного финансирования отрасли. Между тем, как отмечают исследователи «...Масштабы производства в отрасли национального дохода позволяют успешно и форсировано осуществлять модернизацию отрасли, если отказаться от подрывающей производительные силы сельского хозяйства перекачки, т. е. перестать бесцеремонно обирать село... Российский сельхозтоваропроизводитель при выручке в 4–5 раз меньшей, чем в ЕС, платит налогов всего в 2 раза меньше.... Доля аграрной составляющей консолидированного бюджета России за 1990–2012 гг. снизилась с 14% до мизерных 1,2% против, например, 10% госбюджета соседней Беларуси и 37% в ЕС... Доля бюджетной поддержки сельского хозяйства в России втрое ниже доли сельского хозяйства в создании валовой добавленной стоимости в экономике, а в Евросоюзе – почти в 19 раз выше»².

По утверждению И.Н. Буздалова³: «По сути, в сельском хозяйстве страны происходит деиндустриализация сельскохозяйственного производства». Техно-технологическая его отсталость и низкий уровень социальной инфраструктуры тормозят развитие аграрного сектора. Не решен вопрос по перерабатывающим предприятиям для переработки сырья от фермерских хозяйств и хозяйств населения.

Перспективы развития сельского хозяйства ДФО и самообеспеченности его населения основными продуктами питания

Природно-климатические условия региона позволяют к 2025 г. за счет местного производства добиться полного обеспечения потребностей населения картофелем (включая потребность животноводства в нем), яйцом и основными видами овощей, повысить обеспеченность населения мясом и мясопродуктами до 50%, молоком и молокопродуктами до 40% от научно обоснованных показателей. Вопрос обеспечения населения овощами, особенно закрытого грунта, требует больших инвестиций. Обеспеченность округа зерном местного производства возможна в пределах 20–25%, недостаю-

¹ Тимофеева Я.О., Голов В.И., Жарикова Е.А., Голодная О.М., Нестерова О.В., Кришевская С.В., Журавлев Ю.Н. Почвенные ресурсы Дальневосточного региона // Вестник ДВО РАН. 2015. № 5.

² Буздалов И., Фрумкин Б. Современное положение в российском сельском хозяйстве и новые требования к аграрной политике // Общество и экономика. 2014. № 7–8. С. 117.

³ Буздалов И.Н. России нужна новая аграрная политика // Экономическая наука современной России. 2015. № 4 (71). С. 73.

шее зерно (муку) он получает и будет в дальнейшем получать из Сибири¹. Достичь вышеуказанных показателей возможно только при рациональном и эффективном использовании сельскохозяйственных угодий, пресной воды, удобрений и расширения работы по кормопроизводству, применяя передовые технологии производства.

Главным условием успешного развития сельского хозяйства в ДФО является устойчивая финансовая деятельность сельхозпредприятий. Как отмечал Шелепа А.С.: «Для обеспечения процесса воспроизводства со среднегодовым ростом в 1,5–2% расходы консолидированного бюджета на сельское хозяйство должны составлять не менее удельного веса этого сектора в формировании ВВП, а их уровень не менее 5,6–6,9% расходов консолидированного бюджета. Для обеспечения прироста 3,0–4,5% в год уровень расходов бюджета на сельское хозяйство необходимо довести до 8–10%. ... При этом на федеральный бюджет должно приходиться не менее 70% от общей суммы расходов. Так как в современных условиях наиболее устойчивые источники – доходы от использования природных ресурсов, сосредотачиваются в федеральном бюджете»². При этом анализ финансового состояния предприятий показал, что в современных условиях расширенное воспроизводство могут обеспечить только хозяйства с общей рентабельностью выше 25%. Расчеты других экономистов-аграрников³ по существу подтверждают показатели А.С. Шелепы и обосновывают необходимость принятия закона прямого действия, определяющего долю сельского хозяйства в расходной части бюджета страны в размере до 10, но не менее 7–8% и повышения средней рентабельности сельхозпроизводства в стране до 25–30%.

Финансирование аграрного сектора целесообразно осуществлять преимущественно через государственную поддержку аграрных цен и не менее чем на 60–70% за счет федерального бюджета, перенеся акцент в поддержке с кредитования на прямое субсидирование в рамках оптимизации уровня цен на продукцию сельхозпредприятий. При этом часть прямого субсидирования необходимо связать с обязательным внедрением прогрессивных технологий производства.

Наряду с увеличением прямых инвестиций в аграрный сектор, очень важно создать условия для нормального функционирования российского АПК, совершенствовать его организационно-экономический механизм на федеральном и региональном уровнях⁴. Это установление приемлемых транспортных и энергетических тарифов естест-

¹ Сухомиров Г.И., Шелепа А.С. Проблемы долгосрочного развития сельского хозяйства Дальнего Востока // *Пространственная экономика*. 2012. № 4.

² Шелепа А.С. *Дальневосточное село: состояние и организационно-экономические проблемы развития*. Хабаровск: ХГАЭП, 2006. С. 98–99.

³ Буздалов И., Фрумкин Б. Современное положение в российском сельском хозяйстве и новые требования к аграрной политике // *Общество и экономика*. 2014. № 7–8; Чекавинский А.Н., Советов П.М. *Проблемы использования научно-технических достижений в сельском хозяйстве*. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015.

⁴ Голубев А. Импортзамещение на агропродовольственном рынке России: намерения и возможности // *Вопросы экономики*. 2016. № 3.

венных монополий (не выше тарифов для промышленности), ставок кредитования не более 2% выше ставки ЦБ России, гарантированная экономически обоснованная доля для сельхозпредприятий в розничных ценах сельскохозяйственных продуктов. Необходимо организация гарантированных по заранее оговоренным ценам закупка у отечественных товаропроизводителей сельскохозяйственной продукции для государственных нужд, предоставление для предприятий оправданных налоговых льгот, внедрение страхования от падения сельхоздоходов из-за неблагоприятных погодных условий и кризисных явлений на рынке сельхозтоваров. Следует шире развивать кооперативное движение среди сельхозтоваропроизводителей, создавать и внедрять инновации и механизмы, побуждающие предприятия переходить на инновационный путь развития. Этот путь развития диктуется самой сутью рыночной экономики, где выживают в условиях нормальной конкурентной борьбы лишь те, кто постоянно внедряет прогрессивные технологии и методы хозяйствования. Дальний Восток, располагая достаточными природными условиями, не только может, но и обязан заниматься импортозамещением как необходимым мероприятием для развития АПК и экономики ДФО в целом. Крайне необходимо добиться приемлемых отпускных цен на удобрения и повышение их внесения в почву до научно обоснованных норм.

Совершенствуя организационно-экономический механизм в сельском хозяйстве, необходимо усилить «очистку» произведенного в отрасли первоначального продукта от непомерных и необоснованных «накруток» многочисленных посредников. В настоящее время по основным продовольственным товарам (мясо, молоко, хлеб) доля всевозможных наценок в структуре себестоимости конечного продукта достигает 60–80%, чего нет в аграрноразвитых государствах¹.

Развивая политику импортозамещения, необходимо совершенствовать межотраслевые взаимоотношения между сельским хозяйством, пищевой промышленностью и торговлей. Целесообразно предоставить самим крестьянам возможность продавать свою продукцию через организованную сеть торговых точек. Требуется контроль за ценами по всей технологической цепочке от поля до прилавка. «Как известно, в развитых странах существуют законодательные ограничения торговой наценки, и представляется целесообразным использовать данный инструмент – в комплексе с другими регуляторами, включая предельную норму торговой прибыли и прогрессивное налогообложение торговых предприятий»².

Фермерские хозяйства начнут хорошо развиваться тогда, когда люди начнут достойно зарабатывать. Необходимо, чтобы заработная плата в сельском хозяйстве бы-

¹ Назаренко В.И. Продовольственная безопасность (в мире и в России). М.: Памятники исторической мысли, 2011.

² Гумеров Р. Агропродовольственная политика: как реализовать смену парадигм (концептуальные соображения по реформированию системы управления АПК России) // Российский экономический журнал. 2015. № 2.

ла близка к средней по экономике. Отметим, что в США она даже выше средней. К сожалению, в Госпрограмме развития сельского хозяйства до 2020 г. повышение заработной платы планируется всего до 55% от средней по экономике. При таком подходе вместо действий по ликвидации сельской бедноты и успешному развитию сельского хозяйства, будет усугубляться бедственное положение селян, низкая обеспеченность населения ДФО сельскохозяйственными продуктами за счет собственного производства.

Развивая сельское хозяйство важно учитывать, что оно создает новые рабочие места, способствует развитию смежных отраслей экономики и сохранению сельских территорий, сокращает уровень сельской безработицы, создает мультипликационный эффект. Поэтому проблема обеспечения продовольственной безопасности ДФО и страны в целом не только аграрная, сколько комплексная, связанная с макроэкономическим развитием государства, его возможностями осуществления социально ориентированной политики, повышения жизненного уровня населения.

Проведенный анализ состояния показывает, что сельское хозяйство ДФО развивается неравномерно, зависит от решения многих общетраслевых задач преимущественно на федеральном уровне, прежде всего, от размера инвестиций и государственной поддержки. Природно-климатические условия Дальнего Востока позволяют по основным видам сельскохозяйственной продукции значительно увеличить производство, но для этого необходимо обеспечить устойчивую финансовую деятельность сельхозпредприятий, совершенствовать организационно-экономический механизм на федеральном и региональном уровне с использованием налоговых, ценовых и других рычагов, стимулирующих инвестиции и модернизацию сельскохозяйственного производства.

3.5. ТРАНСПОРТНЫЙ КОМПЛЕКС

В период 2013–2018 гг. в транспортном комплексе¹ Дальнего Востока наблюдалось относительно стабильное положение при наличии разнонаправленных тенденций функционирования отдельных видов транспорта. В целом транспорт оставался одним из ключевых секторов экономики региона² (*табл. 3.29*).

¹ Возможно, более корректным будет использование термина «транспортно-логистический», поскольку большинство показателей относятся к виду деятельности по разделу Н ОКВЭД «Транспортировка и хранение» с корректировкой на данные по группе 53 «Деятельность почтовой связи и курьерская деятельность».

² Здесь и далее Дальний Восток рассматривается в границах ДФО по состоянию на начало 2018 г. в составе девяти субъектов РФ: Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ. Часть показателей относится к виду деятельности по разделу ОКВЭД «Транспортировка и хранение» с исключением данных по группе «Деятельность почтовой связи и курьерская деятельность».

Таблица 3.29

Коэффициенты локализации транспорта ДФО

Показатель	2013	2017
Занятость	1,29	1,27
Инвестиции в основной капитал	0,89	1,89
Основные фонды	1,74	1,24

Источник: рассчитано по Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002–2018 / ФСГС. 2019.

Расчет коэффициентов локализации показывает, что транспортный комплекс продолжает оставаться сектором специализации экономики Дальнего Востока¹. В изучаемом периоде произошло существенное повышение коэффициента локализации инвестиций в основной капитал, что связано с продолжающейся политикой государства по реализации крупных транспортных проектов на Дальнем Востоке (модернизация восточного полигона железной дороги, реконструкция железнодорожной сети о. Сахалин, строительство автомобильного и железнодорожного мостов между РФ и КНР, реконструкция аэропортовой сети).

В 2017 г. численность занятых в организациях региона, представляющих услуги транспортировки и хранения, составляла 591,1 тыс. чел. (+2,3% к 2013 г.). Износ основных фондов к концу периода достигал 36,9% (на 20% ниже среднероссийского показателя).

Число транспортных организаций на Дальнем Востоке возросло к концу 2017 г. по сравнению с 2013 г. на 53,4%. Изменение произошло за счет увеличения организаций, находящихся в частной собственности, в т. ч. иностранной (*табл. 3.30*).

Таблица 3.30

Динамика числа транспортных организаций ДФО по видам собственности, 2013–2018 гг., %

Показатель	Изменение за период
Всего, в т. ч.	153,4
Российская форма собственности	141,0
– государственная собственность	114,3
– частная собственность	148,5
– иная	77,8
Иностранная собственность	333,3
Совместная российская и иностранная собственность	200,0

Источник: рассчитано по: ЕАЭСД / НИУ ВШЭ. 2019.

¹Критерием отнесения к отраслям специализации принимается значение коэффициента локализации, превышающее единицу (Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1966. С. 99–100).

При этом оборот организаций транспорта вырос за период 2013–2017 гг. на 17,9% до 7,4 трлн руб.¹ Рост показателя произошел в том числе в результате изменения тарифов на грузовые перевозки. В наибольшей степени в изучаемом периоде выросли тарифы внутреннего водного (в 2,5 раза) и воздушного (в 2,3 раза) видов транспорта (рис. 3.5).

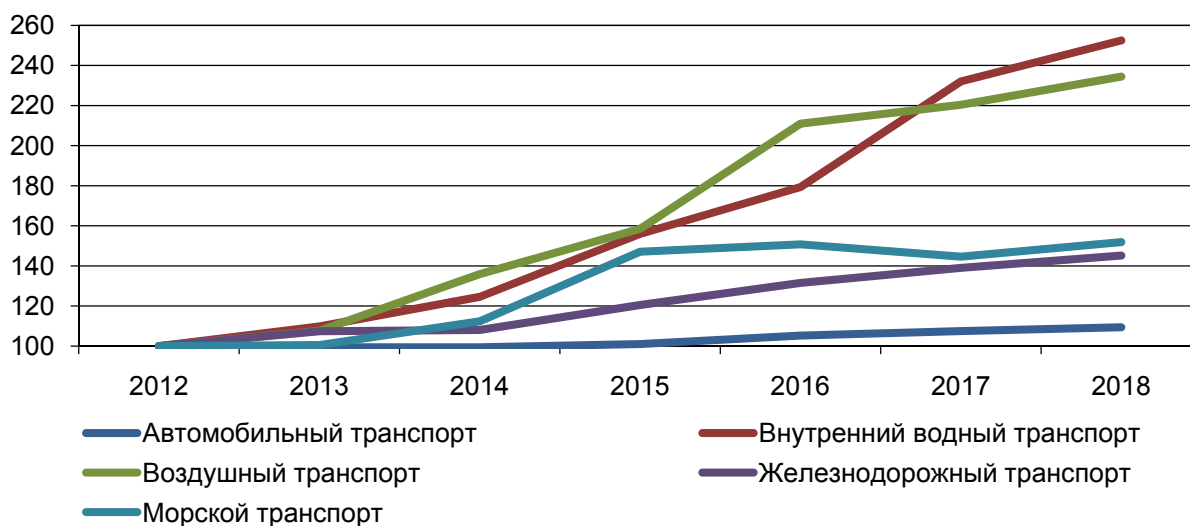

Рис. 3.5. Динамика тарифов на грузовые перевозки транспорта ДФО, % к предыдущему году

Источник: составлено по: Индексы тарифов на грузовые перевозки / ЕМИСС. 2018.

Рассмотрим происходящие процессы в разрезе отдельных видов транспорта региона в период 2013–2018 гг.

Автомобильный транспорт

Продолжалось развитие автомобильной сети макрорегиона. В 2018 г. автомобильная дорога Хабаровск – Лидога – Ванино – Комсомольск-на-Амуре, обеспечивающая круглогодичное транспортное сообщение населенных пунктов Дальнего Востока и Сибири с морскими портами Ванино и Советская Гавань, была внесена в перечень дорог федерального значения². Протяженность дороги 678,3 км. Развитие этой автомобильной трассы частично решит проблему увеличения грузопотока к морским портам Тихоокеанского побережья, ограниченного мощностями железной дороги на данном участке. Изменение статуса дороги приведет к росту финансирования ее содержания, позволит улучшить техническое состояние, повысить качество обслуживания участников дорожного движения и безопасность перевозок.

¹ Рассчитано по: ЕАЭСД / НИУ ВШЭ. 2019.

² О внесении изменений в перечень автомобильных дорог общего пользования федерального значения: постановление Правительства РФ от 26 июня 2018 г. № 726.

Федеральные дороги составляют каркас автомобильной сети Дальнего Востока, обслуживая магистральные направления грузопотоков. Восстановление работы дорожных фондов в 2011 г.¹ привело к увеличению финансирования работ по ремонту, реконструкции и строительству автомобильных дорог (после длительного периода недофинансирования). Это позволило увеличить протяженность автомобильной сети макрорегиона (*табл. 3.31*).

Таблица 3.31

Динамика автомобильной сети ДФО, км

Показатель	2013	2018
<i>Федеральные дороги</i>		
Протяженность дорог общего пользования, всего, в т. ч.	7193,0	7854,4
– с твердым покрытием	7193,0	7854,4
– грунтовых	0	0
<i>Региональные и межмуниципальные дороги</i>		
Протяженность дорог общего пользования, всего, в т. ч.	34 666,7	35 507,6
– с твердым покрытием	24 047,9	23 462,4
– грунтовых	10 618,8	12 045,2
<i>Дороги местного значения</i>		
Протяженность дорог общего пользования, всего, в т. ч.	40 828,1	45 904,1
– с твердым покрытием	16 866,0*	28 072,1
– грунтовых	27 424,0*	17 832,0

Примечание: данные на конец 2014 г.

Источник: рассчитано по: Протяженность автомобильных дорог общего пользования федерального, регионального или межмуниципального значения. 2014 / ЕМИСС. 2019; О внесении изменений в перечень автомобильных дорог общего пользования федерального значения: постановление Правительства РФ от 26 июня 2018 г. № 726.

При увеличении протяженности автомобильной сети макрорегиона ресурсов недостаточно для совершенствования качественных характеристик: в 2018 г. по сравнению с 2013 г. доля автомобильных дорог ДФО, отвечающих нормативным требованиям снизилась: регионального и межмуниципального значения на 11,6% (до 47,9%); местного значения – на 1,1% (до 55,5%)².

За период 2013–2018 гг. статистически зафиксировано снижение протяженности автомобильных дорог необщего пользования на 1418,5 км, в т. ч. снижение протяженности дорог с твердым покрытием на 116,6 км³ (*табл. 3.32*).

¹ О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон № 68-ФЗ от 06.04.2011 г.

² Доля автомобильных дорог общего пользования, отвечающих нормативным требованиям на конец года местного значения. ЕМИСС. 2019.

³ Протяженность автомобильных дорог необщего пользования / ЕМИСС. 2019; Протяженность автомобильных дорог необщего пользования с твердым покрытием / ЕМИСС. 2019.

**Изменение характеристик автомобильной сети ДФО
за период 2013–2018 гг., %**

Регион	Изменение протяженности дорог			
	всего		с твердым покрытием	
	общего пользования*	необщего пользования	общего пользования*	необщего пользования
Республика Саха (Якутия)	109,4	90,7	107,6	186,1
Камчатский край	105,0	37,6	108,9	83,2
Приморский край	99,8	106,9	101,4	95,4
Хабаровский край	112,2	107,0	110,9	109,5
Амурская область	106,7	46,7	113,4	33,9
Магаданская область	100,9	73,6	107,6	76,2
Сахалинская область	113,4	70,5	118,9	66,7
ЕАО	105,5	229,3	101,7	307,4
ЧАО	105,5	417,8	122,1	440,1

Примечание: * данные за 2017 г.

Источник: рассчитано по: Протяженность автомобильных дорог необщего пользования / ЕМИСС. 2019; Протяженность автомобильных дорог необщего пользования с твердым покрытием / ЕМИСС. 2019; Протяженность автомобильных дорог общего пользования / ЕМИСС. 2019; Протяженность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием / ЕМИСС. 2019.

Развитие автомобильных дорог необщего пользования происходит в точках реализации крупных проектов на территории субъектов РФ, где дорожная сеть недостаточна (Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия)¹). Строительство дорог необщего пользования осуществляется частным инвестором, и они не находятся в общем пользовании. Например, на территории Якутии: дорога Витим – Талаканское нефтегазовое месторождение принадлежит ОАО «Сургутнефтегаз» (протяженность 115 км), технологическая вдольтрассовая дорога нефтепровода «ВСТО» от пересечения с дорогой компании «Сургутнефтегаз» до г. Ленска принадлежит ООО «Транснефть-Восток» (протяженность 245 км).

Автомобильным транспортом Дальнего Востока выполняются грузовые и пассажирские перевозки (рис. 3.6).

Снижение грузовых перевозок автомобильным транспортом за период 2013–2017 гг. составило 54,4 млн т (35,3%). Сокращение объема грузов в 2017 г. является следствием завершения части крупных проектов в макрорегионе, строительство которых обслуживалось ранее автомобильным транспортом. Так, в период 2010–2016 гг. проходило строительство автомобильных мостов через бухту Золотой рог и на о. Русский, строительство кампуса ДВФУ на о. Русский в Приморском крае, строительство

¹ Значительный прирост протяженности дорог необщего пользования был зафиксирован в период 2012–2016 гг.

космодрома Восточный в Амурской области, строительство автомобильного моста на о. Большой Уссурийский в Хабаровском крае и др. Также на снижение объема перевозок автомобильным транспортом повлияло изменение экономической ситуации (прежде всего, в части промышленного производства, строительства) и обострение конкуренции с железнодорожным транспортом.

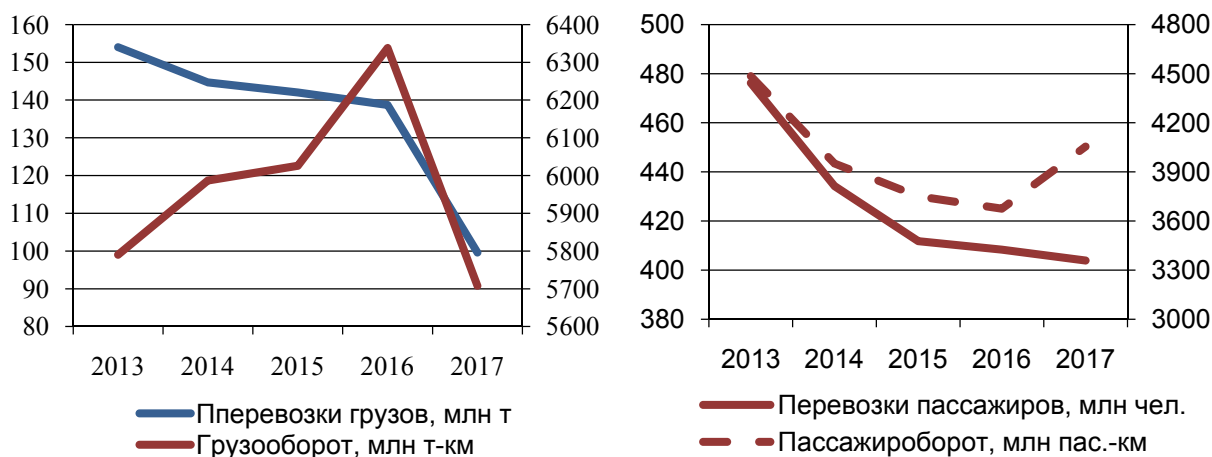

Рис. 3.6. Динамика работы автомобильного транспорта ДФО

Примечание: грузооборот и пассажироборот ориентированы по правым осям.

Источник: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 / ФСГС. 2019.

Основные реализуемые проекты автомобильного транспорта:

- Строительство автомобильного моста Благовещенск – Хэйхэ (двухполосный мост, протяженность 1,1 км). В мае 2019 г. произошла стыковка моста, активный этап строительства планируется завершить к концу 2019 г. В 2020 г., после оформления технической документации, мост будет введен в эксплуатацию.
- Обход г. Хабаровск (четыреполосная дорога, протяженность 26,8 км). Платная автомобильная дорога, соединит федеральные трассы «Амур», «Уссури» и «Восток». Строится в рамках концессионного соглашения. Завершение строительства запланировано в 2020 г.
- Модернизация дорожной сети городских агломераций Хабаровск и Владивосток в рамках национального проекта «Безопасные и качественные дороги». Срок реализации 2018–2024 гг.

Железнодорожный транспорт

Перевозки железнодорожным транспортом Дальнего Востока в период 2013–2017 гг. выросли на 4,4% по грузовому направлению и сократились на 24,0% по пассажирскому направлению. При общем снижении наблюдался рост грузовых перевозок в ЕАО, где в 2016 г. начал отгрузку продукции Кимкано-Сутарский ГОК, а также в Рес-

публике Саха (Якутия), где увеличилась погрузка углем компанией «Колмар» и в 2017 г. осуществлялась перевозка труб для строительства газопровода «Сила Сибири» (табл. 3.33).

Таблица 3.33

**Динамика перевозок железнодорожным транспортом ДФО,
2013–2017 гг., %**

Регион	Грузы	Пассажиры
Республика Саха (Якутия)	140,2	133,8
Приморский край	90,7	73,2
Хабаровский край	99,1	83,8
Амурская область	88,3	64,1
Сахалинская область	75,0	98,5
ЕАО	322,2	73,0

Источник: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 / ФСГС. 2019.

Значительное снижение грузовых перевозок в Сахалинской области во многом объясняется продолжающейся реконструкции железных дорог острова с переходом на общесетевую ширину колеи (имеются также участки дороги с совмещенной колеей 1067/1520 мм). Работы были начаты в 2003 г., завершение запланировано к 2020 г.

Рост перевозок пассажиров в Республике Саха (Якутия) связан с начавшейся в 2017 г. активной фазой строительства якутского участка газопровода «Сила Сибири» (доставка рабочих), а также общим развитием пассажирского направления.

В период 2013–2018 гг. структура погрузки на железном транспорте оставалась стабильной (рис. 3.7).

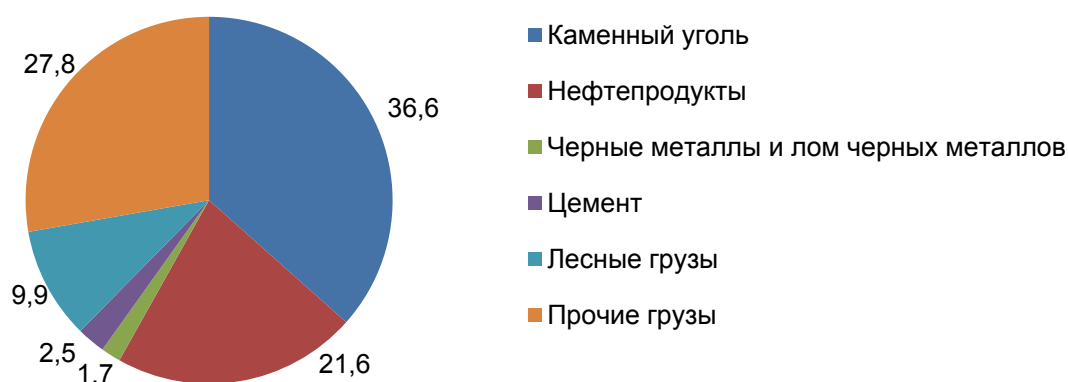

Рис. 3.7. Структура погрузки ДВЖД, 2018 г.

Источник: составлено по данным ДВЖД – филиала ОАО «РЖД».

Протяженность железнодорожной сети на территории Дальнего Востока составляет 11 911 км¹. На территории макрорегиона с 2013 г. реализуется проект по развитию железнодорожной инфраструктуры Байкало-Амурской и Транссибирской магистралей. В течение первого этапа (2013–2019 гг.) планируется реализовать ряд мероприятий по увеличению провозных способностей железной дороги в направлении морских портов и пограничных переходов Дальнего Востока в размере 66 млн т в год (к уровню 2012 г.). При этом в паспорте проекта зафиксирована необходимость обеспечения перевозки по железной дороге до 124,4 млн т угля и руд с месторождений, а также пропуск составов с весовой нормой в размере 7100 т, эксплуатации грузовых вагонов с нагрузкой 25 т на ось². В рамках работ по проекту в период с 2013 г. на восточном полигоне реконструировано более 24 станции и разъездов, построены две новые станции, 17 разъездов, уложено 1,5 тыс. км пути.

Учитывая экспортную направленность грузовых потоков, проводится реконструкция и модернизация железнодорожных станций пунктов пропуска через государственную границу. На территории Дальнего Востока расположено три железнодорожных пункта пропуска, в т. ч. два с КНР: Пограничный – Суйфэньхэ и Махалино – Хунчунь, один с КНДР: Хасан – Туманган. В период 2013–2018 гг. модернизирована станция Гродеково, обслуживающая наиболее значимый для ДФО железнодорожный пограничный пункт пропуска; возобновил работу грузопассажирский многосторонний железнодорожный пограничный пункт пропуска Махалино (РФ) – Хунчунь (КНР)³.

Однако, несмотря на проводимые работы, общая протяженность «узких мест» железнодорожной сети в пределах ДФО по оценкам составляет более 3 тыс. км⁴. Темпы развития железных дорог отстают от потребностей грузоотправителей, которые уже на

¹ В т. ч. 436 км на участке Томмот – Нижний Бестях в Республике Саха (Якутия) во временной эксплуатации. Сдача линии Беркамит – Томмот – Якутск в постоянную эксплуатацию началась в конце 2018 г.

² Об утверждении паспорта инвестиционного проекта «Модернизация железнодорожной инфраструктуры Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей с развитием пропускных и провозных способностей»: распоряжение Правительства РФ от 24.10.2014 № 2116-р.

³ Железнодорожный пункт пропуска Махалино (Россия) – Хунчунь (КНР) был открыт (распоряжение Правительства РФ от 5 июля 1994 г.) в связи с быстрым ростом грузопотока между РФ и КНР. Для организации перевозок по инициативе МПС было учреждено ОАО «Золотое звено». В собственность компании вошел участок дороги Махалино – Камышовая, пограничная станция Камышовая, а также несколько вагонов и тепловоз. Перевозки по линии Махалино – Хунчунь начались в 2000 г., однако вскоре прекратились и возобновились лишь в конце 2003 г. Грузопоток на данном направлении был незначительным (выдвигаются различные причины, в т.ч. неурегулированные вопросы формирования железнодорожных тарифов). С 2005 г. пункт пропуска не функционирует. В 2010 г. ОАО «Золотое звено» признано банкротом. Летом 2011 г. в права владения инфраструктурой участка вступило ОАО «РЖД».

⁴ Максимов З. Узкие места в широкоугольном объективе. Модернизация подходов к морским портам «тонет» в громаде инвестиционных программ РЖД // Vgudok. 2018. 21 марта.

протяжении долгого времени говорят о транспортном факторе как о существенном ограничении¹.

Крупные компании начинают принимать меры по самостоятельному развитию железнодорожной инфраструктуры. Механизм реализации частных решений по развитию инфраструктуры железных дорог полностью не отработан и возникают сложности в их практическом воплощении. Одним из примеров является ситуация с железной дорогой Улак – Эльга, достроенной компанией «Мечел» в период 2008–2012 гг.² Протяженность дороги, соединившей БАМ с Эльгинским угольным месторождением, составляет 321 км (включая 76 мостов). В дальнейшем, с возникновением финансовых сложностей у компании, железнодорожная инфраструктура участка не была завершена. Статус дороги в настоящее время не определен. Долг по кредитным ресурсам на ее строительство, а также обслуживание долга поставили компанию в крайне сложное финансовое положение. «Мечел» рассматривал различные варианты реализации дороги, позволяющие компенсировать вложенные в строительство средства: продажа пула акционеров; передача в концессию и пр.³

Более позитивным примером реализации частных инициатив при развитии железнодорожной инфраструктуры является АО «Дальтрансуголь». В 2016 г. компания реализовала проект «Развитие собственной железнодорожной инфраструктуры», сдав в эксплуатацию дополнительный объем путевого развития, что помогло перевести грузовую работу с вагонами на собственную станцию. В период 2013–2016 гг. был построен соединительный путь (3,5 км) между ст. Ванино ОАО «РЖД» и ст. Терминал АО «Дальтрансуголь» в порту Ванино. Благодаря этому увеличилась перерабатывающая способность Ванинского балкерного терминала. Общая длина железнодорожных путей АО «Дальтрансуголь» достигла 45 км⁴. В рамках проекта, кроме участка железной дороги, создана вся необходимая инфраструктура: автомобильный путепровод, автодорога вдоль соединительного пути с инженерным обустройством, система электропитания.

Основные реализуемые проекты железнодорожного транспорта:

- Модернизация железнодорожной инфраструктуры Байкало-Амурской и Транссибирской магистралей.
- Реконструкция железнодорожной сети о. Сахалин.

¹ Свободные порты Дальнего Востока ждут свободной железной дороги // REGIUM. 2017. 21 августа; Порты ДФО: рост и развитие умеренные, железнодорожных мощностей не хватает // REGIUM. 2018. 5 марта; «Дальтрансуголь» достиг мощности в 30 млн тонн угля в год // Бизнес-газета «Дальний Восток». 2017. 25 мая.

² Строительство начало МПС России в 2000–2002 гг. Было построено около 60 км железной дороги, притрассовая автомобильная дорога (120 км) и 30 мостов.

³ Терентьева А., Зиброва А., Петлевой В. Дорога до Эльги может перейти в концессию // Ведомости. 2017. 28 февраля.

⁴ Фокина К. Дальтрансуголь подвел итоги 2017 года // РЖД-Партнер. 2017. 29 декабря.

- Строительство железнодорожного моста Нижнеленинское – Тунцзян в ЕАО. Мост предназначен, в первую очередь, для транспортировки железорудного концентрата Кимкано-Сутарского ГОК. Объем перевозимых грузов первоначально составит до 12 млн т и может увеличиться до 33 млн т в дальнейшем. В апреле 2019 г. завершена стыковка моста. Окончание работ и ввод в эксплуатацию планируется в конце 2019 г.

Морской транспорт

В период 2013–2018 гг. морской транспорт Дальнего Востока активно развивался. Общий объем перевалки грузов увеличился на 38,5% (до 200,5 млн т), в т. ч. зафиксирован рост сухогрузов на 50,5% и рост наливных грузов на 21,9%. По итогам 2018 г. 62,6% общего объема переработанных в портах региона грузов составили сухогрузы (уголь, зерно, лес и пр.), 37,4% – наливные грузы (нефть, СПГ).

По сравнению с 2013 г. увеличились доля внешнеторговых перевозок (экспорт-импорт) на 2,5% (до 89,4% в общей структуре) и доля транзитных перевозок на 0,1% (до 0,4%), доля каботажных перевозок сократилась на 2,6% (до 10,2%).

Лидером по объемам перевозок в регионе остается порт Восточный. Структура перевалки в разрезе основных портов Дальневосточного бассейна в изучаемом периоде практически не изменилась (рис. 3.8).

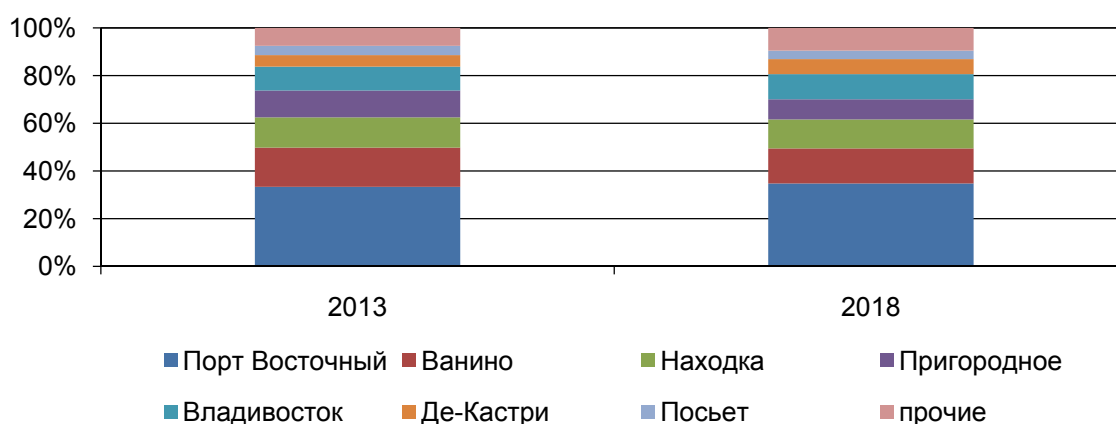

Рис. 3.8. Структура перевалки грузов ключевыми морскими портами Дальневосточного бассейна

Источник: составлено по данным: Ассоциация морских торговых портов. 2019.

К настоящему времени лидирующие морские порты Дальневосточного бассейна работают в режиме максимальной загрузки (либо перегружены относительно плановых мощностей) (табл. 3.34).

Одним из основных видов перевозимых грузов является уголь. По итогам 2018 г. перевалка угля в морских портах Дальнего Востока составила порядка 122 млн т (61% общего объема). В целом по России уголь в структуре грузов морского транспорта за-

нимает лишь 20%. Столь значительная доля угля в перевалке дальневосточных портов вызвана повышенным спросом на рынках стран Азии.

Таблица 3.34

Загрузка ведущих морских портов Дальнего Востока, 2018 г.

Порт	Фактическая перевалка, млн т	Пропускная способность, млн т / год	Загруженность мощностей, %
Порт Восточный	69,7	64,3	108,4
Ванино	29,5	25,1	117,5
Находка	24,3	26,6	91,4
Пригородное	17,0	19,6	86,7
Владивосток	21,2	22,7	93,4

Источник: рассчитано автором по: Морские порты / SeaNews. URL: <http://seanews.ru/category/analytics/servis-portstat/> (дата обращения: 10.05.2019); Морские порты России / Росморречфлот. URL: http://www.morflot.ru/deyatelnost/napravleniya_deyatelnosti/portyi_rf.html (дата обращения: 10.05.2019).

Спрос азиатских стран на фоне экономических санкций со стороны запада, привел к корректировке планов добывающих компаний и их переориентации на восточное экспортное направление. Это вызвало нехватку перевалочных мощностей морского транспорта Дальнего Востока, масштабы которой в перспективе увеличатся.

В условиях ожидаемого превышения спроса над предложением на услуги портовой инфраструктуры, в настоящее время реализуются и планируются к реализации проекты строительства новых морских терминалов на Дальнем Востоке:

- Порт Восточный – строительство третьей очереди углепогрузочного комплекса (завершение в 2020 г.), мощность 6 млн т.
- Суходол – строительство угольного терминала (2021 г.), мощность 3,9 млн т на начальном этапе, до 13 млн т в дальнейшем.
- Ванино – строительство угольного терминала ООО «Сахатранс» (2019 г.), мощность до 24 млн т).
- Ванино – увеличение мощности угольного терминала АО «Дальтрансуголь» (3-я очередь), мощность 10 млн т.
- Порт Вера – строительство угольного терминала (2019 г.), мощность: первый этап – 0,5 млн т, второй – 2 млн т, проектная мощность 20 млн т.

Внутренний водный транспорт

На территории ДФО функционирует 15 речных портов: семь в Республике Саха (Якутия), четыре в Амурской области, два в Хабаровском крае и по одному – в Магаданской области и ЕАО¹. Протяженность внутренних водных путей региона за период

¹ Федеральное агентство морского и речного транспорта. URL: <http://www.morflot.ru/> (дата обращения: 12.07.2019).

2013–2017 гг. практически не изменилась и составляет 23,6 тыс. км. Финансирование содержания внутренних водных путей до настоящего времени не соответствует потребностям речного транспорта.

По итогам 2018 г. в речных портах макрорегиона было переработано 6,3 млн т грузов (снижение по сравнению с 2013 г. на 47%), в т. ч. 90,5% занимали сухогрузы и 9,5% наливные грузы¹.

Внутренний водный транспорт играет важную роль в северном завозе и международной торговле ДФО, поскольку государственная граница между РФ и КНР в пределах макрорегиона имеет речные участки. Объемы отправленных внутренним водным транспортом грузов в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности сократились за период 2013–2018 гг. на 18% до 3,2 млн т, в т. ч. объем наливных грузов по итогам 2018 г. составил 2,5 млн т².

Реки Амур (от г. Николаевск-на-Амуре до г. Хабаровск) и Лена (от г. Усть-Кут до Быкова мыса) являются открытыми для плавания судов под иностранными флагами³. С открытием границ для торговли с КНР река Амур стала международной транспортной артерией, активно используемой для перевозок грузов и пассажиров. Для обслуживания внешнеторговых потоков в пределах территории ДФО (2018 г.) действует 45 пунктов пропуска через государственную границу между РФ и КНР, в т. ч. один речной (Хабаровск) и семь смешанных (в период навигации функционируют как речной, в период ледостава – как автомобильный) с различным статусом и режимом функционирования⁴: два в ЕАО (Амурзет, Нижнеленинское), один в Хабаровском крае (Покровка), четыре в Амурской области (Благовещенск. Верхнеблаговещенский, Поярково, Сквородино)⁵.

Основные проекты:

- Строительство системы речных портов на Дальнем Востоке (корпорация «Дуньцзин» («Harbin Dongjin Group»), КНР). Планируется экспорт сельскохозяйственной продукции в КНР, Японию, Республику Корея в объеме до 20 млн т к 2024 г. посредством пяти речных портов в г. Хабаровске, г. Николаевск-на-Амуре, г. Комсомольск-на-Амуре, г. Благовещенск и с. Нижнеленинское. Первый этап проекта – речной порт в г. Хабаровск (терминал мощностью 400 тыс. т в год, склад мощностью 85 тыс. т, два причала).

¹ Объем переработки грузов на внутреннем водном транспорте / ЕМИСС. 2019.

² Отправлено грузов в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности внутренним водным / ЕМИСС. 2019.

³ Перечень внутренних водных путей и речных портов Российской Федерации, по которым разрешено плавание судов под флагом иностранных государств / Федеральное агентство морского и речного транспорта. 2019.

⁴ Двухсторонние, многосторонние, постоянные, временные.

⁵ Перечень пунктов пропуска через государственную границу РФ: распоряжение Правительства РФ от 29.11.2017 № 2665-р.

- Открытие нового участка речного пункта пропуска Хабаровск (участок «Замка» – пассажирское направление) для международных перевозок Хабаровск – Фуюань (КНР).

Воздушный транспорт

На Дальнем Востоке расположен 81 аэропорт гражданской авиации, в т. ч. девять аэропортов федерального значения, одиннадцать международных аэропортов¹. Только 45% аэродромов имеют искусственные взлетно-посадочные полосы (ВПП). Остальные аэропорты располагают грунтовыми ВПП, что делает невозможным их работу в межсезонные периоды. Уровень износа инфраструктуры воздушного транспорта составляет порядка 80%².

Для поддержания и развития инфраструктуры с 2006 г. реализуется федеральная программа создания на базе аэропортов регионального и местного значения федеральных казенных предприятий (ФКП). К настоящему времени в ДФО создано пять ФКП, отнесенных к ведению Росавиации, объединяющих 62 аэропорта и 9 посадочных площадок региона: «Аэропорты Севера», «Аэропорты Камчатки», «Аэропорты Чукотки», «Аэропорт Сахалина», «Аэропорты Дальнего Востока». В рамках созданных предприятий происходит модернизация инфраструктуры региональных аэропортов.

Продолжали действовать программы поддержки воздушных перевозок для жителей Дальнего Востока. В 2018 г. были внесены изменения в условия предоставления субсидий в рамках государственных программ поддержки воздушного транспорта: сняты ограничения по периоду действия; расширен перечень субсидируемых маршрутов (с 72 до 152); расширены категории потенциальных пользователей³. В рамках программы субсидирования перевозок с Дальнего Востока в европейскую часть и в обратном направлении было реализовано 444 тыс. льготных авиабилетов (на 1,4% больше, чем в 2017 г.). Помимо этого 109,0 тыс. чел. осуществили перелет в рамках льготных программ в г. Симферополь и в рамках программы субсидирования региональных воздушных перевозок. Действуют и региональные программы субсидирования пассажирских перевозок за счет средств бюджетов субъектов РФ.

Оказываемая на разных уровнях поддержка результативна. За период 2014–2018 гг.⁴ численность пассажиров, перевезенных воздушным транспортом, возросла на 4,8% и составила по итогам 2018 г. 8,5 млн чел⁵.

¹ Росавиация. URL: <https://www.favt.ru/> (дата обращения: 10.07.2019).

² Дальний Восток получит 14,5 млрд рублей на реконструкцию аэропортов / Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики. 2019.

³ О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 14.11.2018 № 1372.

⁴ Информация по полному кругу аэропортов за 2013 г. в открытом доступе отсутствует, представлены лишь данные по аэропортам с пассажиропотоком более 100 тыс. чел. в год.

⁵ Рассчитано по данным: Росавиация. URL: <https://www.favt.ru/> (дата обращения: 10.07.2019).

Основные проекты:

- Развитие аэропорта Хабаровск (строительство терминалов, реконструкция аэродромного комплекса).
- Развитие аэропорта Якутск (реконструкция ВПП).
- Модернизация инфраструктуры аэропортов Магадан, Экимчан, Оссора, Чокурдах, Среднеколымск, Тикси, Благовещенск, Певек, Николаевск-на-Амуре и др.

В 2013–2018 гг. можно отметить разнонаправленные тенденции в транспортном комплексе ДФО. Значительный рост объемов перевозок грузов морским транспортом; незначительное увеличение перевозок железнодорожным транспортом и снижение объемов перевозок автомобильным и речным видами транспорта. В пассажирских перевозках выросли показатели автомобильного и воздушного транспорта при снижении численности перевезенных пассажиров железнодорожным видом транспорта.

В период 2013–2018 гг. развивалась инфраструктура транспорта на Дальнем Востоке, в т. ч. инфраструктура международного сотрудничества: возобновление работы пункта пропуска Махалино – Хуньчунь, строительство железнодорожного моста в ЕАО, автомобильного моста в Амурской области.

Совершенствование транспортной инфраструктуры ДФО осуществляется с привлечением различных источников финансирования. Так, модернизация аэропортовой сети происходит в большей части за счет государственных средств. Инфраструктура морского транспорта макрорегиона развивается в основном с привлечением частных инвестиций. Развитие железнодорожной инфраструктуры происходит как за счет государственного финансирования (модернизация восточного полигона железных дорог), так и с использованием частных средств (Улак – Эльга, припортовые станции). При этом реализация проекта модернизации и развития БАМ и Транссиба отстает от плановых сроков, возникает риск обострения инфраструктурных ограничений.

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

4.1. ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

После 2013 г., когда внешнеторговый оборот ДФО¹ достиг рекордной отметки 40062,7 млн долл., в 2014–2016 гг. наблюдалось снижение внешнеторговой активности макрорегиона, которое было связано с общероссийскими тенденциями экономического спада и внешним ценовым шоком в связи с ситуацией на мировом нефтяном рынке. Влияние негативных факторов практически не отразилось на показателях 2014 г., но к 2016 г. показатели внешнеторговой активности макрорегиона были ниже уровня показателей 2010 г. С 2017 г. наблюдалось постепенное восстановление положительной динамики за счет повышения цен на сырьевые товары и роста темпов производства (рис. 4.1).

Особенностью внешней торговли ДФО является стабильное превышение экспорта над импортом. При этом последние четыре года показатели импорта макрорегиона остаются практически на одном уровне, увеличение внешнеторгового оборота в 2017–2018 гг. происходило исключительно за счет восстановления объема экспорта.

ДФО является макрорегионом с сырьевой специализацией экономики. За последние 15 лет округ превратился в нефтеэкспортирующий макрорегион благодаря росту цен на энергоносители с 2002 г. и выходу на проектную мощность нефтегазовых проектов. Более половины экспорта ДФО в рассматриваемый период было представлено продукцией топливно-энергетического комплекса (ТЭК), что и обусловило столь резкое падение объема экспорта в 2015–2016 гг. Продукция товарной позиции «жемчуг, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них»²

¹ Здесь и далее в разделе учитываются 9 субъектов РФ, входящих в ДФО: Хабаровский, Приморский и Камчатский края, Амурская, Магаданская и Сахалинская области, Республика Саха (Якутия), Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ. Два субъекта – Республика Бурятия и Забайкальский край, включенные в состав федерального округа Указом Президента России № 632 от 03.11.2018, не учитываются.

² В общей статистике внешней торговли ДФО данная позиция не выделяется отдельно в товарной структуре региона, содержится в графе «Прочие товары».

также стабильно вносит существенный вклад в дальневосточный экспорт (в среднем 16,6% от совокупного экспорта ДФО в рассматриваемый период). Продукция других сырьевых отраслей – рыбохозяйственного и лесопромышленного комплексов – также играет важную роль в экспорте ДФО (14,6%), значимую позицию в последние три года стала занимать продукция машиностроения (табл. 4.1).

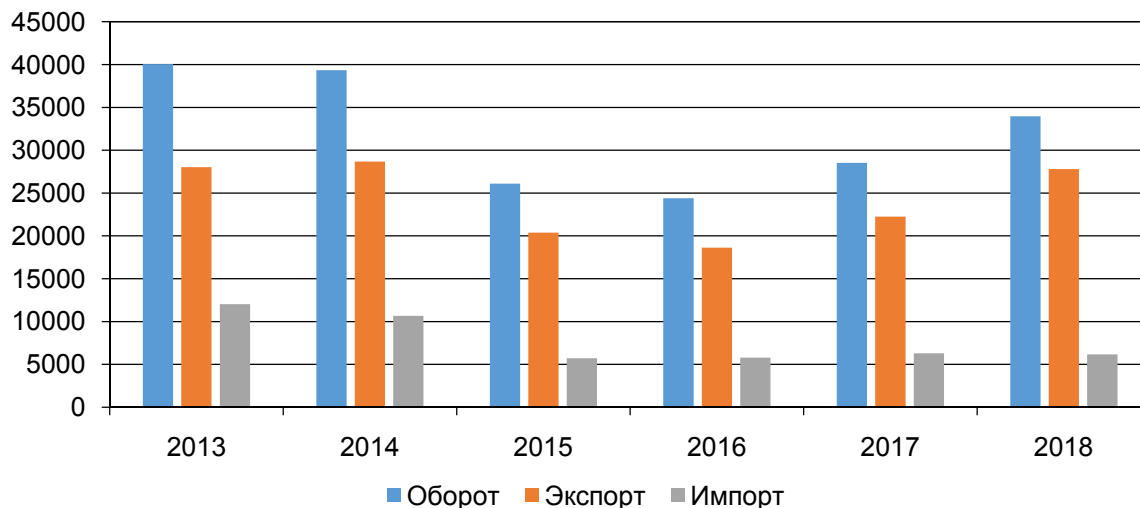

Рис. 4.1. Динамика внешней торговли ДФО, млн долл.

Источник: здесь и далее в разделе: составлено по данным Дальневосточного таможенного управления ФТС России. URL: http://dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=267&Itemid=90 (дата обращения: апрель 2019).

Таблица 4.1

Товарная структура экспорта ДФО, млн долл., %

Товарная группа	2013		2018	
	млн долл.	%	млн долл.	%
Всего	28 030,2	100,0	27833,2	100,0
Минеральные продукты	19 473,4	69,5	16940,0	60,9
нефть сырая	10 443,4	37,3	9076,1	32,6
газ природный, сжиженный	5508,0	19,7	4531,6	16,3
уголь каменный	866,3	3,1	1146,9	4,1
нефтепродукты	1767,7	6,3	838,6	3,0
электроэнергия	208,5	0,7	164,0	0,6
Жемчуг, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них	4119,8	14,7	4029,7	14,5
Продовольственные товары	2431,6	8,7	3743,8	13,5
рыбопродукция	2321,2	8,3	3281,2	11,8
продукция машиностроения	528,1	1,9	1393,9	5,0
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	977,3	3,5	1127,4	4,1
Металлы и изделия из них	443,0	1,6	530,9	1,9
продукция химической промышленности	48,9	0,2	52,9	0,2
Текстиль, текстильные изделия и обувь	0,8	0,0	2,4	0,0
Прочие товары	7,4	0,0	12,1	0,0

Структура импорта ДФО в 2013–2018 гг. также оставалась стабильной. Основу импорта традиционно составляли продукция машиностроения (в среднем 51,2% от совокупного импорта ДФО в рассматриваемый период), продовольственные товары (13,0%), металлы и изделия из них (10,0%), продукция химической промышленности (9,6%). В рассматриваемый период объем импорта сократился в два раза, причем сокращение произошло по всем товарным позициям (*табл. 4.2*). Отсутствие положительной динамики импорта свидетельствует о сохранении затруднений в инвестиционной сфере, конечном производственном и потребительском спросе¹.

Таблица 4.2

Товарная структура импорта ДФО, млн долл., %

Товарная группа	2013		2018	
	млн долл.	%	млн долл.	%
Всего	12 032,5	100,0	6164,4	100,0
Продукция машиностроения	6965,6	57,9	3107,8	50,4
Продовольственные товары	1110,4	9,2	833,5	13,5
Продукция химической промышленности	945,5	7,9	659,4	10,7
Металлы и изделия из них	1003,7	8,3	583,9	9,5
Текстиль, текстильные изделия и обувь	926,0	7,7	323,7	5,3
Минеральные продукты	211,0	1,8	138,1	2,2
продукция ТЭК	157,5	1,3	102,3	1,7
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	206,4	1,7	87,9	1,4
Прочие товары	663,8	5,5	430,2	7,0

Территориальная структура внешней торговли ДФО остается стабильной на протяжении последних 10–15 лет. Динамика внешнеторговых показателей регионов ДФО обусловлена сложившейся товарной структурой их экспорта и импорта. Лидирующая позиция во внешнеторговом обороте макрорегиона в 2013–2018 гг. традиционно принадлежала Сахалинской области (в среднем 45,4% в рассматриваемый период), за ней следовали Приморский край (25,2%), Республика Саха (Якутия) (15,1%) и Хабаровский край (7,4%).

Сахалинская область играет определяющую роль в экспорте ДФО (*табл. 4.3*), так как на ее территории сконцентрированы основные экспортные потоки продукции топливно-энергетического комплекса ДФО (2018 г. – 87,0% от всего экспорта данной продукции; 2013 г. – 85,2%) и рыбной продукции (24,2; 21,3%). Экспорт Республики Саха (Якутия) практически полностью состоял из продукции товарной позиции «жемчуг, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них» (97,0; 98,9%). Через Приморский край осуществлялись поставки древесины и целлюлозно-бумажных изделий (37,8; 37,8%) и продукции машиностроения (30,2; 27,5%).

¹ Прокапало О.М., Бардаль А.Б., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2018 г. // *Пространственная экономика*. 2019. № 2.

Таблица 4.3

Территориальная структура экспорта ДФО, %

Территория	2013	2014	2015	2016	2017	2018
ДФО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Сахалинская область	60,7	58,2	56,8	48,3	47,5	54,9
Республика Саха (Якутия)	16,8	17,6	18,3	24,0	21,6	16,7
Приморский край	11,9	13,9	13,3	11,7	13,8	12,4
Хабаровский край	5,4	5,0	5,6	8,3	9,6	9,2
Камчатский край	2,2	1,8	2,7	3,1	3,1	3,0
Магаданская область	1,1	1,6	0,7	2,1	1,8	1,5
Амурская область	1,6	1,3	2,0	1,8	1,4	1,3
ЕАО	0,1	0,1	0,2	0,2	0,5	0,5
ЧАО	0,3	0,5	0,5	0,5	0,6	0,5

В импорте ДФО главную роль играет Приморский край, через который в округ поступает большая часть импортируемой продукции (*табл. 4.4*). Так, в 2018 г. в край поступило 64,2% импорта продукции машиностроения (2013 г. – 68,4%), продовольственной продукции – 85,9% (85,5%), товаров химической промышленности – 70,0% (70,7%). Существенный вклад в импорт региона вносит и Сахалинская область за счет поставок продукции машиностроения (12,8; 11,0%).

Таблица 4.4

Территориальная структура импорта ДФО, %

Территория	2013	2014	2015	2016	2017	2018
ДФО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Приморский край	70,4	70,9	62,9	55,1	59,6	67,0
Сахалинская область	10,0	12,3	19,1	29,5	22,1	11,2
Хабаровский край	7,6	7,7	8,1	7,2	8,4	8,7
Амурская область	3,9	4,7	2,9	2,9	3,3	5,1
Республика Саха (Якутия)	1,4	0,7	3,2	1,7	2,4	4,4
Камчатский край	0,8	0,8	1,1	1,5	1,7	1,2
Магаданская область	3,8	1,1	0,8	0,8	1,1	1,1
ЧАО	1,4	1,2	1,2	0,9	0,9	0,9
ЕАО	0,7	0,7	0,7	0,5	0,6	0,5

Внешняя торговля ДФО, в отличие от России в целом, в наибольшей степени ориентирована на страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). В настоящее время ДФО осуществляет торговлю более чем со 150 странами, но основными торговыми партнерами неизменно остаются страны Северо-Восточной Азии (СВА)¹. В последние годы экспорт ДФО равномерно распределяется между тремя странами СВА, что отличается от общероссийских тенденций² (*табл. 4.5*).

¹ В данном разделе под Северо-Восточной Азией подразумеваются страны СВА-3: КНР, Республика Корея, Япония.

² Внешняя торговля России / RUSSIAN-TRADE.COM. 2019.

Таблица 4.5

Географическая структура экспорта ДФО, %

Объединения и страны	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
СВА	82,1	80,7	80,2	72,5	72,1	76,9
КНР	19,4	19,0	19,0	20,7	22,8	22,3
Республика Корея	30,1	32,0	29,1	26,2	27,6	32,8
Япония	32,6	29,7	32,0	25,7	21,7	21,9
ЕС-28	9,8	9,7	9,5	13,2	11,2	8,6
АСЕАН	0,8	1,0	1,1	1,6	2,1	1,7
НАФТА	0,7	1,1	1,1	0,4	0,5	0,4
США	0,6	0,8	0,7	0,3	0,4	0,3
СНГ	0,1	0,1	0,0	1,3	0,9	0,9
Прочие	6,5	7,3	8,2	11,0	13,1	11,6

Примечание: здесь и далее в разделе: ЕС-28 – страны Европейского союза (28 стран), АСЕАН – десять стран-участниц Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам), НАФТА – страны-участницы Североамериканского соглашения о свободной торговле (Канада, США, Мексика).

В настоящее время в страны СВА направляется более 90% продукции топливно-энергетического комплекса. Практически вся продукция рыбохозяйственного и лесопромышленного комплексов, отправляемая на экспорт, также распределяется между странами СВА. Исключением в географическом распределении является продукция товарной позиции «жемчуг, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них» и частично машиностроительная продукция (табл. 4.6).

Таблица 4.6

Географическая направленность экспорта ДФО в разрезе отдельных видов продукции, 2018 г.

Товарная позиция	Страны-импортеры
Продукция ТЭК (100,0%)	Республика Корея – 44,8%, Япония – 32,3%, КНР – 14,8%, Тайвань (Китай) – 5,1%
нефть сырая (55,1%)	Республика Корея – 65,2%, Япония – 22,4%, КНР – 12,5%
газ природный, сжиженный (27,5%)	Япония – 64,9%, Тайвань (Китай) – 16,4%, Республика Корея – 15,4%, КНР – 3,3%
уголь каменный (7,8%)	КНР – 42,4%, Республика Корея – 24,3%, Япония – 17,4%, Тайвань (Китай) – 4,5%
нефтепродукты (5,1%)	КНР – 32,6%, Республика Корея – 23,7%, Япония – 13,3%, Тайвань (Китай) – 5,2%
электроэнергия (1,0%)	КНР – 84,4%, Монголия – 15,6%
Жемчуг, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них (100,0%)	Бельгия – 55,7%, Индия – 17,0%, Израиль – 11,9%, ОАЭ – 10,5%

Товарная позиция	Страны-импортеры
Рыбная продукция (100,0%)	Республика Корея – 46,6%, КНР – 42,1%, Япония – 9,9%
рыба мороженая (64,6%)	КНР – 53,5%, Республика Корея – 35,2%, Япония – 9,8%, Дания – 0,4%, Вьетнам – 0,3%
ракообразные (27,1%)	Республика Корея – 71,0%, КНР – 19,1%, Япония – 9,5%, КНДР – 0,3%
Продукция машиностроения (100,0%)	КНР – 56,2%, Египет – 27,1%, Япония – 9,3%
летательные аппараты, космические аппараты, и их части (83,5%)	КНР – 66,4%, Египет – 32,3%
суда, лодки и плавучие конструкции (9,8%)	Япония – 90,1%, КНР – 1,7%
Древесина и изделия из нее (100,0%)	КНР – 80,3%, Япония – 14,3%, Республика Корея – 4,0%
лесоматериалы необработанные (52,70%)	КНР – 97,2%, Япония – 2,6%
лесоматериалы распиленные или расколотые вдоль (32,3%)	КНР – 82,5%, Республика Корея – 9,5%, Япония – 4,9%

Основная группа стран-партнеров ДФО по импорту в рассматриваемый период в целом не отличалась от партнеров по экспорту: кроме стран СВА значимая роль в совокупном импорте макрорегиона принадлежала США. Доля основных стран-партнеров в дальневосточном импорте в рассматриваемый период в среднем составляла 75,4%. Позиции стран в импорте ДФО хотя и менялись с течением времени, но главная роль принадлежала КНР, откуда осуществлялась поставка половины всего импорта ДФО (табл. 4.7).

Таблица 4.7

Географическая структура импорта ДФО, %

Объединения и страны	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
СВА	73,3	72,5	64,2	57,8	67,4	69,9
КНР	46,8	45,0	43,8	39,4	42,8	52,7
Республика Корея	12,1	10,6	7,8	11,0	15,4	9,1
Япония	14,4	16,9	12,6	7,3	9,3	8,0
ЕС-28	10,4	10,6	9,0	11,9	9,2	9,4
АСЕАН	1,9	2,1	2,6	2,9	3,0	2,8
НАФТА	7,6	7,2	12,0	13,6	9,6	7,3
США	5,9	5,9	10,8	12,6	5,9	6,7
СНГ	0,3	0,1	0,1	1,3	2,0	1,5
Прочие	6,4	7,4	12,0	12,6	8,9	9,1

Оценка перспектив развития внешнеэкономических связей ДФО невозможна без учета ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом и СВА в частности.

В современном глобализирующемся мире интенсивность внешнеэкономических связей во многом определяется взаимодополняемостью на межкорпоративном уровне. В условиях, когда производственные системы компаний представляют собой разветвленные международные производственные сети, предметом международной торговли все больше становятся не товары и услуги как таковые, а доли в добавленной стоимости, формирующие стоимость конечного продукта. Международная торговля все в большей степени становится внутрифирменной. В мировом товарообороте растет доля так называемой промежуточной продукции – частей и компонентов¹.

Страны АТР активно вовлечены в интеграционные процессы на разных уровнях. Усиление внешнеторговых взаимодействий стран АТР связывают с функционированием большого количества самых разнообразных международных производственных сетей. Структура внешней торговли ДФО, как и всей страны в целом, однако, не претерпевает существенных изменений на протяжении многих лет. Дальний Восток России, в силу специфики сложившейся структуры экономики и отсутствия избыточных трудовых ресурсов, участвует в производственной кооперации АТР лишь в роли поставщика ресурсов. Так, в рассматриваемый период в ДФО сохранялась экспортно-сырьевая модель экономики с эксплуатацией транзитных и природно-ресурсных полезностей макрорегиона².

Но наличие богатых природных ресурсов и близость к основным потребителям не являются гарантией закрепления на конкурентных внешних рынках. Даже в условиях успешно реализующихся долгосрочных контрактов на поставку сахалинского сжиженного природного газа в Японию и Республику Корея и ряда долгосрочных контрактов на поставку энергоресурсов в КНР, подписанных в последние годы, доля всех российских энергоресурсов, не говоря уже о ДФО, в структуре импорта стран СВА невелика (в 2018 г. доля России в импорте нефти и нефтепродуктов КНР составила 11,9%, Республики Корея – 9,9%, Японии – 6,2%)³. Несмотря на реализацию различных проектов, существенного изменения доли российских энергоресурсов на рынках стран СВА не ожидается.

Большая часть существующих проектов, определяющих возможности и ограничения дальневосточного экспорта, уже вышли на проектные мощности. Текущие обязательства по экспорту энергоресурсов обеспечены соответствующей инфраструктурой, а

¹ Тимонина И.Л. Россия – Япония: реальный потенциал экономического взаимодействия // Японские исследования. 2016. № 1.

² Прокапало О.М., Бардаль А.Б., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2018 г. // Пространственная экономика. 2019. № 2.

³ Рассчитано по: UNCTADSTAT. 2019.

дальнейшее наращивание поставок потребует ее расширения¹. К тому же использование транзитного положения макрорегиона для наращивания поставок грузов из Азии в Европу по Транссибирской железнодорожной магистрали идет вразрез с планами КНР по реализации инициативы «Один пояс – один путь»².

Географическая близость внешнего рынка, богатый природно-ресурсный потенциал ДФО и вместе с тем ограниченность внутреннего рынка обуславливают сложившуюся структуру внешней торговли округа. Поэтому формирование объемов внешней торговли ДФО и в дальнейшем будет зависеть от структуры и динамики спроса со стороны основных стран-партнеров (стран СВА) при улучшении общей конъюнктуры рынков и экономической ситуации в основных отраслях, обеспечивающих экспортные поставки, а также стабилизации и расширению спроса на импортируемую продукцию. Важным параметром внешнеторговой активности, является не только количественный рост, но и качественная диверсификация экономических связей.

4.2. ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ

Важным направлением исследований сферы внешнеэкономических связей ДФО является мониторинг, анализ и прогнозирование привлечения иностранных инвестиций на российский Дальний Восток и в его регионы, а также изучение проблем инвестиционного сотрудничества регионов ДФО с зарубежными странами, прежде всего странами СВА³. Проблематика исследований в сфере прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в России связана с анализом тенденций и закономерностей их привлечения на уровне экономики в целом, экономики макрорегионов, отдельных отраслей, стран-

¹ Демина О.В. Российские энергоресурсы на рынках стран АТР: развитие экспортной инфраструктуры // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 4.

² Дёмина Я.В., Мазитова М.Г. Развитие Дальнего Востока России в условиях интенсификации интеграционных процессов в АТР // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 4.

³ Суслов Д.В. Иностранные инвестиции на Дальнем Востоке: современное состояние и перспективы // Россия и страны Северо-восточной Азии: вопросы экономического сотрудничества / под ред. Вакио Фудзимото, П.А.Минакира, А.И.Татаркина. Осака (Япония) – Хабаровск (Россия) – Екатеринбург (Россия). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010; Изотов Д.А., Суслов Д.В. Инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока России со странами СВА: попытка активизации в конце 2000-х гг. // Россия и АТР. 2011. № 2; Прокапало О.М., Суслов Д.В., Исаев А.Г., Деваева Е.И., Котова Т.Е. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2010 г. // Пространственная экономика 2011. № 2; Прокапало О.М., Исаев А.Г., Суслов Д.В., Деваева Е.И., Котова Т.Е. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2011 г. // Пространственная экономика. 2012. № 2; Прокапало О.М., Исаев А.Г., Суслов Д.В., Мазитова М.Г. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2012 г. // Пространственная экономика. 2013. № 2; Прокапало О.М., Исаев А.Г., Суслов Д.В., Мазитова М.Г. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2013 г. // Пространственная экономика. 2014. № 2.

инвесторов, эффективности деятельности предприятий с иностранным капиталом, оценке роли иностранного капитала в инвестиционных процессах в регионе, а также оценке влияния иностранного капитала на региональное развитие¹.

Методологические проблемы учета и анализа ПИИ в России

До 01.01.2014 г. статистический учет поступления иностранных инвестиций в Российскую Федерацию (РФ) осуществлялся в соответствии с «Методологическим положением по организации статистического наблюдения за движением иностранных инвестиций в соответствии с руководством по платежному балансу» (утвержденным Постановлением Госкомстата России 28.10.2002 № 204).

В Единой межведомственной информационно-статистической системе Госкомстата были собраны данные по поступлению иностранных инвестиций в Россию по следующим характеристикам: единицы измерения – тысяча долларов; периодичность временного ряда – квартальная; длина временного ряда – 2004–2013 гг. (последнее обновление данных произведено в 2014 г.).

Признаками классификации поступления иностранных инвестиций выступали виды деятельности (по ОКВЭД), страны мира (инвесторы), региональный разрез (федеральные округа и субъекты РФ). Кроме этого, данные по этим характеристикам были представлены для всех видов иностранных инвестиций (прямые, портфельные и прочие). Это позволяло проводить глубокий динамический и структурный анализ поступления иностранных инвестиций в отраслевом и региональном разрезе для выявления тенденций и региональных особенностей.

С 01.01.2014 г. в России осуществляется учет поступления только прямых иностранных инвестиций и стала применяться Методология официального статистического учета прямых инвестиций в Российскую Федерацию и прямых инвестиций из Российской Федерации за рубеж². Методология позволяет формировать Центральным банком РФ (ЦБ РФ, Банк России) данные в целях осуществления функций в области орга-

¹ Дементьев Н.П. Прямые инвестиции из-за рубежа: оценки на основе данных Банка России и Евростата // Российский экономический журнал. 2017. № 2; Дементьев Н.П. Прямые иностранные инвестиции в российской экономике: движение по кругу // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2017. № 1; Федорова Е.А., Федоров Ф.Ю., Николаев А.Э. От какой страны прямые иностранные инвестиции выгоднее для России? // ЭКО. 2017. № 7; Кузнецова О.В. Накопленные иностранные инвестиции в российских регионах: территориальная структура и роль оффшорного капитала // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Том 8. № 6; Кузнецова О.В. Формальная и реальная роль российских регионов в привлечении иностранных инвестиций (по статистике Центробанка) // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. 2016; Кузнецова О.В. Прямые иностранные инвестиции в российских регионах в условиях санкций // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 3; Кузнецова О. Иностранные инвестиции в российских регионах: 2000-е годы // Вестник федерального государственного учреждения Государственная регистрационная палата при Министерстве юстиции РФ. 2009. № 1.

² Методология официального статистического учета прямых инвестиций в Российскую Федерацию и прямых инвестиций из Российской Федерации за рубеж / ЦБ РФ; Об утверждении порядка предоставления в Банк России первичных статистических данных о прямых инвестициях: указание Центрального Банка Российской Федерации (Банк России) от 28 декабря 2014 года № 3519-У.

низации официального статистического учета прямых инвестиций и соответствует законодательству РФ, базовым принципам и определениям «Эталонного определения ОЭСР для иностранных прямых инвестиций» (2008) «Руководства по платежному балансу и международной инвестиционной позиции, 6-е издание (РПБ6)» Международного валютного фонда (МВФ) и экономической концепции, принятой в Системе национальных счетов (СНС). Методология включает в себя изложение правовых основ, принципов и стандартов официального статистического учета прямых инвестиций; перечень основных понятий и терминов; описание статистического инструментария, методов сбора, контроля, редактирования и обработки данных; сводки и группировки первичных статистических данных и административных данных; подходов к оценке точности (качества) официальной статистической информации и ее систематизации.

Со второй половины 2015 г. в России начали публиковать статистику ПИИ, собранной ЦБ РФ по новой методологии, по накопленным на начало 2015 г. прямым инвестициям по субъектам РФ. Причем эта региональная статистика включает в себя данные не только по общим объемам накопленных ПИИ в субъектах РФ, но и по структуре инвестиций по странам, географическим и экономическим зонам прямых инвесторов, видам экономической деятельности.

Объем накопленных ПИИ в субъекте РФ – адекватный статистический показатель для оценки сложившихся межрегиональных различий по привлечению ПИИ.¹ Однако, ранее по данным Госкомстата (в дальнейшем Росстата) проводились региональные исследования по ПИИ. Основной массив таких работ², был посвящен анализу притока ПИИ. К сожалению, статданные не только по поступившим, но и по изъятым ПИИ ЦБ РФ начал публиковать только с 2011 г., тогда как значительный приток иностранных инвестиций пришелся на 1990–2000-е гг. К тому же статистика по притоку ПИИ никогда не детализировалась: отсутствовали открытые данные и по странам происхождения прямых инвесторов (которые позволяли оценить роль оффшорных инвестиций и других удобных юрисдикций), и по отраслевой структуре инвестиций. Были и другие недостатки статистики ПИИ, которые подробно рассмотрены в работах российских ученых³. Гораздо меньшее число исследований основывается на другом подходе к анализу ПИИ в российских регионах – формировании авторских баз данных по конкрет-

¹ Кузнецова О.В. Накопленные иностранные инвестиции в российских регионах: территориальная структура и роль оффшорного капитала // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8. № 6.

² Кузнецова О. Иностранные инвестиции в российских регионах: 2000-е годы // Вестник федерального государственного учреждения Государственная регистрационная палата при Министерстве юстиции РФ. 2009. № 1; Валиуллин Х.Х., Шакирова Э.Р. Иностранные инвестиции в регионы России и Китая // Проблемы прогнозирования. 2004. № 5; Трещевский Ю.И., Круглякова В.М. Анализ динамики иностранных инвестиций в регионы России // Terra Economicus. 2010. Т. 8. № 1–2.

³ Кузнецова О.В., Кузнецов А.В. Системная диагностика экономики региона. М.: КомКнига, 2006; Матраева Л.В. Распределение прямых иностранных инвестиций в регионы Российской Федерации: проблемы анализа и причины дифференциации. М.: Дашков и К, 2013.

ным осуществленным инвестиционным проектам с ПИИ¹. Ключевое преимущество таких работ – это детальность используемых для последующего анализа данных. Удастся узнать страну происхождения инвестиций (в т. ч. понять, являются ли инвестиции реально иностранными), характер реализуемого проекта (с нуля или готовый бизнес), его отраслевую принадлежность, долю иностранного инвестора в уставном капитале компании (контролирует ли иностранный инвестор предприятие²). Однако формирование базы данных инвестиционных проектов, во-первых, крайне трудоемкий процесс, и неизбежно приходится ограничиваться сбором информации только по относительно крупным (или доступным) инвестиционным проектам. Во-вторых, такие базы данных дают весьма ограниченные возможности для проведения количественного анализа распределения ПИИ по регионам, поскольку практически невозможно получить информацию по ежегодным объемам инвестиций.

В целом анализ поступающих ПИИ и распределение накопленных ПИИ по регионам показывает их концентрацию в очень ограниченном числе субъектов РФ, прежде всего в Москве, как месте регистрации компаний с ПИИ и емкого потребительского рынка (*табл. 4.8, 4.9*).

Последним фактором можно было объяснить и лидерство других субъектов РФ с крупными городами и высокой численностью населения. Это касается в большей степени Центрального, Северо-Западного, а в меньшей степени Приволжского, Уральско-го, Сибирского федеральных округов. Несмотря на отсутствие крупных агломераций, ДФО в 2014–2017 гг. занимал почетное третье место среди всех федеральных округов в доле поступающих прямых инвестиций в Россию.

При этом важно не только то, что в отмеченный достаточно сложный для российской экономики период ДФО показывал неплохие абсолютные ежегодные объемы привлекаемых прямых инвестиций (порядка 10–11 млрд долл. в год), но и то, что «чистое привлечение» или сальдо поступивших и изъятых прямых инвестиций, в отличие от других округов, для ДФО в 2014–2017 гг. было сопоставимо с объемами поступивших прямых инвестиций (*табл. 4.9*).

Так, если в 2016 г. для ДФО общий объем поступивших прямых инвестиций составлял 11,595 млрд долл., то их сальдо зафиксировалось на уровне в 10,385 млрд долл., т. е. фактически все поступившие инвестиции были направлены на развитие предприятий. Также для России в поступлении ПИИ в регионы очевидна роль их от-

¹ Кузнецов А.В. Интернационализация российской экономики: инвестиционный аспект. М.: КомКнига, 2007; Кузнецов А.В., Квашнин Ю.Д. и др. Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ 2015. Доклад № 32. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2015.

² Прямой инвестор – инвестор, являющийся резидентом одной страны, участие которого в капитале резидента другой страны обеспечивает ему не менее 10% общего количества голосов, принадлежащих на голосующие акции (доли), составляющие уставный капитал. Прямым иностранным инвестором может быть юридическое или физическое лицо, международная организация или государственный орган.

раслевой структуры (повышенной привлекательностью отличались субъекты РФ с экспортно ориентированными отраслями и сектором добычи полезных ископаемых и других ресурсов) и экономико-географического положения (больше инвестиций шло в приморские и приграничные регионы), что в полной мере применимо к ДФО. Имеет также значение проводившаяся федеральными и даже в большей степени региональными властями работа по привлечению прямых инвесторов. Самый известный пример такой результативной работы – это Калужская область¹. Традиционно отставали в привлечении ПИИ республики Северо-Кавказского федерального округа и так называемые зауральские регионы страны.

Таблица 4.8

**Поступление прямых инвестиций в России по федеральным округам,
2013–2018 гг., млн долл., %**

Территория, федеральный округ	2013	2014	2015	2016	2017	2018
РФ	193 685 100	146 370 100	133 949 100	137 763 100	150 433 100	140 398 100
Центральный	121 075 62,51	89 990 61,48	79 509 59,36	78 575 57,04	101 934 67,76	84 774 60,38
Северо-Западный	20 649 10,66	16 503 11,27	14 418 10,76	22 971 16,67	15 740 10,46	15 354 10,94
Южный	2486 1,28	2152 1,47	2458 1,84	2100 1,52	2443 1,62	2168 1,54
Северо-Кавказский	48 0,02	184 0,13	581 0,43	388 0,28	486 0,32	143 0,1
Приволжский	5936 3,06	5025 3,43	6556 4,89	3351 2,43	3190 2,12	6787 4,83
Уральский	15 742 8,13	16 996 11,61	14 753 11,01	10 683 7,75	7500 4,99	16 790 11,96
Сибирский	14 965 7,73	4147 2,83	4179 3,12	7342 5,33	8106 5,39	8310 5,92
Дальневосточный	7817 4,04	8248 5,64	10 576 7,90	11 595 8,42	10 177 6,77	5503* 3,92

Примечание: * Включены данные за 4 квартал по Забайкальскому краю и Республике Бурятия. Данные без учета изъятия прямых инвестиций, нераспределенных инвестиций по субъектам РФ и Крымского ФО. Данные и использование знаков соответствуют методологии шестого издания «Руководства по платежному балансу и международной инвестиционной позиции» МВФ (РПББ) в соответствии с принципом активов/пассивов. Знак операции: «+» означает рост активов и рост обязательств; «-» означает снижение активов и снижение обязательств. Знак сальдо операций по строке «Прямые инвестиции»: «+» означает превышение активов над обязательствами; «-» означает превышение обязательств над активами.

Источник: Центральный банк России.

¹ Леонова Ю.Ю. Региональные интересы и факторы инвестиционной активности зарубежных компаний в России. М.: Книжный дом «Либроком», 2015; Окружко О.А. Феномен инвестиционной привлекательности Калужской области // Регион: экономика и социология. 2015. № 2.

**Поступление прямых инвестиций в России по федеральным округам
в 2013—2018 гг., сальдо в млн долл.**

Территория	2013	2014	2015	2016	2017	2018
РФ	69 219	22 031	6853	32 539	28 557	8816
Центральный	43 083	11 713	–5818	12 638	16 618	3491
Северо-Западный	7950	–1866	–1621	373	–1469	–927
Южный	335	46	373	–146	360	584
Северо-Кавказский	19	142	353	–19	45	–313
Приволжский	1709	–281	–880	305	483	879
Уральский	10 914	7494	8653	4645	2721	1279
Сибирский	2310	–909	–865	4414	1736	2520
Дальневосточный	1392	5055	7077	10 385	8157	1337*

Примечание: * Включены данные за 4 квартал по Забайкальскому краю и Республике Бурятия. Данные с учетом изъятия прямых инвестиций в отчетном году, без учета нераспределенных инвестиций по субъектам и Крымского ФО. Данные и использование знаков соответствуют методологии шестого издания «Руководства по платежному балансу и международной инвестиционной позиции» МВФ (РПБ6) в соответствии.

Источник: Центральный банк России.

Одной из известных российских теоретических моделей закономерностей размещения ПИИ в региональном разрезе была модель иерархически-волновой диффузии¹. Суть иерархической диффузии состоит в том, что иностранные инвесторы первые свои предприятия создают, как правило, в ключевых экономических центрах или их пригородах и только потом начинают вести свою деятельность в небольших городах. Волновая диффузия – это освоение иностранными инвесторами все новых и новых смежных с ключевыми экономическими центрами территорий, продвижение инвестиций «вглубь» страны. С течением времени, в результате действия иерархически-волновой диффузии, происходит уменьшение территориальной концентрации ПИИ, а иностранные инвестиции начинают осуществляться во все большем числе регионов страны. Тем не менее, поскольку описанная диффузия объясняет территориальное развитие отдельных компаний, а не приток ПИИ в целом, то при увеличении числа приходящих в страну новых прямых инвесторов, которые, как и их предшественники, начинают свою деятельность с крупнейших экономических центров, концентрация ПИИ может сохраняться и даже увеличиваться.

Из модели иерархически-волновой диффузии есть несколько исключений, связанных с освоением природных ресурсов (оно происходит там, где такие ресурсы есть, яркий случай – Дальний Восток); с экономией на масштабе производства (когда отдельно взятой компании достаточно построить в стране ограниченное число предприятий или вообще одно, например, автосборочное); с эффектом соседства (когда первые

¹ Кузнецов А.В. Интернационализация российской экономики: Инвестиционный аспект. М.: КомКнига, 2007.

инвестиции из соседних стран осуществляются в приграничных регионах, а не крупнейших экономических центрах); с покупкой готового предприятия или развитием кооперационных связей.

В некоторых работах анализ привлекательности российских регионов для ПИИ проводился с использованием эконометрических моделей¹. Однако, в рамках таких исследований получается учесть ограниченную совокупность значимых для инвесторов характеристик регионов².

Таким образом, к настоящему времени уже сформировались достаточно устойчивые тенденции привлечения ПИИ в целом по стране, в отдельные регионы и отрасли, а также представление о различиях между регионами по их инвестиционной привлекательности и причинах этих различий. Новая статистика ЦБ РФ в целом позволяет расширить это представление, а также анализировать данные по потокам и остаткам ПИИ в субъектах РФ, но она не лишена существенных недостатков, о которых говорят многие эксперты и иностранные инвесторы³.

Несовершенство учета инвестиций становится проблемой для их объективного анализа и принятия управленческих решений. В экспертном сообществе существует мнение, что механизмы поддержки экономики ДФО неэффективны, слабо способствуют повышению инвестиционной привлекательности макрорегиона для иностранных инвесторов. Такие выводы можно сделать, если посмотреть на официальные статданные ЦБ РФ, особенно если рассматривать отдельные регионы или отрасли. Объективный анализ динамики инвестиций часто затруднен в связи с неполнотой учета данных по мелким и средним инвестиционным проектам и предприятиям, несовершенством методов исчисления накопленных инвестиций, а также определения страновой принадлежности инвестиций. Официальные статданные по накопленным инвестициям могут в несколько раз отличаться от данных, основанных на учете объемов и структуры капиталовложений отдельных проектов. Так, по данным ЦБ РФ, на конец 2016 г. накопленные прямые инвестиции из Китая в Россию составляли 2,27 млрд долл., а по данными Евразийского банка развития (ЕАБР) они составили 8,23 млрд долл. Китайские источники также не предоставляют возможности однозначно оценить масштабы инвестиционного сотрудничества двух стран. Противоречивы заявления и официальных представителей китайской стороны⁴.

¹ Нестерова Д.В., Мариев О.С. Факторы привлечения прямых иностранных инвестиций в российские регионы // Экономика региона. 2005. № 4; Полиди А.А., Сичкар С.В. Эконометрическая оценка факторов и динамики прямых иностранных инвестиций в экономику региона // Экономика и предпринимательство. 2013. № 9.

² Инвестиционный климат России 2012: Опрос существующих и потенциальных инвесторов / Консультативный совет по иностранным инвестициям. 2012.

³ См. подробнее: Суслов Д.В. Современное состояние и проблемы привлечения прямых иностранных инвестиций на российском Дальнем Востоке // Siberian Studies. 2018. Vol. 45. No. 3.

⁴ Выходом из сложившейся ситуации может быть создание собственных баз данных реализуемых инвестиционных проектов с участием иностранных инвесторов на Дальнем Востоке. Примером может служить база данных ЕАБР и база ИМЭМО РАН.

Поступление ПИИ и накопленные ПИИ в регионах Дальнего Востока

В таблице 4.8 представлены данные ЦБ РФ по поступлению прямых инвестиций по регионам ДФО в 2013–2018 гг. Как видно из данных таблице 4.9 и данных о накопленных объемах прямых инвестиций (*табл. 4.12*), среди регионов ДФО явно выделяется лидер – это Сахалинская область, т. е. отмечается существенная географическая асимметрия в привлечении ПИИ в макрорегионе. Область стабильно получала от 56% до 77% от всех поступлений ПИИ в округ в период 2013–2017 гг., а в 2018 г. его доля составила 65,5%, при том, что объемы поступления ПИИ сократились более чем в 2 раза по сравнению с 2017 г. Минимальные доли в поступающих объемах ПИИ имели Камчатский край (0,02%) и Магаданская область (0,08%). Более высокие показатели (за исключением Сахалинской области) поступающих ПИИ наблюдались в Приморском крае, Республике Саха (Якутия), Амурской области и Хабаровском крае, ЧАО и ЕАО. Отметим, что до 2018 г. динамика привлечения ПИИ в ДФО характеризовалась тенденцией умеренного роста по общему поступлению ПИИ, и существенного увеличения (до 2017 г.) так называемого чистого привлечения ПИИ (сальдо поступивших и изъятых прямых инвестиций). При этом сальдо не для всех регионов ДФО сопоставимо с объемами поступивших ПИИ (*табл. 4.10*).

Таблица 4.10

Поступление прямых иностранных инвестиций по регионам ДФО, 2013–2018 гг., млн долл., %

Территория	2013	2014	2015	2016	2017	2018
ДФО	7817	8248	10 576	11 595	10 177	5503*
	100	100	100	100	100	100
Республика Саха (Якутия)	379	228	964	1347	335	349
	4,85	2,76	9,11	11,62	3,29	6,35
Камчатский край	12	47	7	2	24	1
	0,15	0,57	0,07	0,02	0,24	0,02
Приморский край	370	717	699	872	831	488
	4,73	8,69	6,61	7,52	8,17	8,86
Хабаровский край	1070	108	65	544	283	200
	13,69	1,31	0,61	4,69	2,78	3,63
Амурская область	762	1005	633	360	471	288
	9,75	12,18	5,99	3,10	4,63	5,24
Магаданская область	761	0	758	7	8	5
	9,74	0,00	7,17	0,06	0,08	0,08
Сахалинская область	4421	5825	7197	8295	7874	3606
	56,56	70,62	68,05	71,54	77,37	65,51
ЕАО	0	63	50	19	220	162
	0,00	0,76	0,47	0,16	2,16	2,94
ЧАО	42	256	204	149	131	250
	0,54	3,10	1,93	1,29	1,29	4,55

Примечание: * Включены данные за 4 квартал по Забайкальскому краю и Республике Бурятия. Данные без учета изъятия прямых инвестиций.

Источник: Центральный банк России.

В целом по ДФО за 2018 г. объемы поступающих ПИИ составили 5,503 млрд долл., а сальдо их поступления – 1,337 млрд долл. При этом, если в 2017 г. для Сахалинской области общий объем поступивших прямых инвестиций составлял 7,874 млрд долл., то их сальдо зафиксировалось на уровне в 7,681 млрд долл. (т. е. практически все поступившие инвестиции были направлены на развитие предприятий с иностранными инвестициями, функционирующими в экономике области), то в 2018 г. соответствующие показатели снизились до 3,606 млрд долл. и 1,668 млрд долл. Соответственно.

По сравнению с внешней торговлей, инвестиционное сотрудничество ДФО в целом, а также и со странами АТР было менее заметным¹. При этом в настоящее время отмечается существенная географическая асимметрия в привлечении ПИИ. Если в 2000 г. 85% от всех поступающих иностранных инвестиций распределялось между тремя регионами (Сахалинская область – 43,5%, Республика Саха – 23,5%, Приморский край – 13,5%), то с 2005 г. безусловным лидером по привлечению иностранного капитала на Дальнем Востоке стала Сахалинская область, в связи с активной фазой реализации крупных нефтегазовых проектов на ее территории (*табл. 4.11*).

Таблица 4.11

Поступление прямых иностранных инвестиций по регионам ДФО, сальдо, 2013–2018 гг., млн долл.

Территория	2013	2014	2015	2016	2017	2018
ДФО	1392	5055	7077	10 385	8157	1337*
Республика Саха (Якутия)	-2390	-388	439	1291	239	-213
Камчатский край	-10	42	4	-6	23	1
Приморский край	-60	235	115	436	90	98
Хабаровский край	737	28	-229	310	-19	-353
Амурская область	596	707	166	182	61	57
Магаданская область	696	0	2	2	-10	1
Сахалинская область	1782	4113	6563	8129	7681	1668
ЕАО	0	63	48	19	84	22
ЧАО	42	255	-28	21	8	-2

Примечание: * Включены данные за 4 квартал по Забайкальскому краю и Республике Бурятия. Данные представлены в соответствии с принципом активов/пассивов (с учетом изъятия прямых инвестиций в отчетном году). Знак сальдо операций по строке «Прямые инвестиции»: «+» означает превышение активов над обязательствами; «-» означает превышение обязательств над активами.

Источник: Центральный банк России.

¹ Изотов Д.А., Суслов Д.В. Инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока России со странами СВА: попытка активизации в конце 2000-х гг. // Россия и АТР. 2011. № 2.

Приток капитала в ДФО в основном обеспечивался ПИИ в нефтегазовые проекты Сахалинской области, реализация которых направлена на обеспечение топливно-энергетическими ресурсами Японии, Китая, Республики Корея и других стран. Помимо этого, стал активно реализовываться ряд инвестиционных проектов, связанных с добычей других полезных ископаемых. Дальний Восток является новым, динамично развивающимся нефтегазодобывающим районом России. Существенный интерес представляет Охотоморская нефтегазоносная провинция, которая включает в себя девять нефтегазоносных областей, располагающихся на о-ве Сахалин, морской и шельфовой зоне Охотского моря¹. По этим причинам, доля Сахалинской области в общих остатках (или накопленных) ПИИ ДФО составляла по итогам 2014–2016 гг. почти 90%. Что касается долговых обязательств, то основными реципиентами данного вида ПИИ являются предприятия Приморского края, Республики Саха (Якутия) и Хабаровского края (*табл. 4.12*). Помимо Сахалинской области, за последнее время наблюдается увеличение ПИИ в Приморский край, Республику Саха (Якутию) и в Амурскую область в связи с реализацией ряда проектов с иностранным участием в различных секторах экономики, в том числе в рамках режимов ТОР и СПВ. Так, к началу 2018 г. накопленный объем (или остатки прямых иностранных инвестиций) в дальневосточной экономике составил порядка 64,4 млрд долл.

В *таблице 4.13* представлены данные по остаткам накопленных ПИИ по видам экономической деятельности в целом по ДФО. При этом в ДФО отмечается существенная отраслевая асимметрия в привлечении ПИИ. Подавляющая часть (около 90%) накопленных прямых иностранных инвестиций концентрируется в добыче топливно-энергетических полезных ископаемых вместе с геологоразведкой, а остальная – в обрабатывающих производствах, пищевой промышленности, транспортировке и хранении.

Распределение накопленных ПИИ в ДФО по странам – источникам инвестиций указывает на то, что в период 2015–2018 гг. основными источниками по сравнению с предшествующими годами оставались оффшорные территории и прочие источники (категория «не распределено по странам» при наличии конфиденциальных данных, *табл. 4.14*).

¹ Действуют локальные системы нефтегазообеспечения Северный Сахалин – Комсомольский промышленный узел, введен в эксплуатацию газопровод Комсомольск-на-Амуре – Хабаровск. Крупнейшие месторождения углеводородов Дальнего Востока – Пильтун-Астохское нефтяное и Лунское газовое (проект «Сахалин-2») – суммарные извлекаемые запасы двух месторождений составляют 150 млн т нефти и 500 млрд м³ газа; Чайво, Одопту и Аркутун-Даги (проект «Сахалин-1») – суммарные извлекаемые запасы трех месторождений 307 млн т нефти и 485 млрд м³ газа. Начальные суммарные ресурсы нефти в ДФО составляют около 9% общероссийских, газа – свыше 11%, в округе добывается около 2,6% российской нефти и почти 1,4% газа; ведется добыча нефти и газа на сухопутных месторождениях о-ва Сахалин и в рамках проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2»; начаты поисковые работы по проекту «Сахалин-3» и на Западно-Камчатском шельфе. Сформированы лицензионные блоки в рамках проектов «Сахалин 4-9».

**Прямые иностранные инвестиции в ДФО: остатки по регионам
в разрезе инструментов, млн долл.**

Территория	На 01.01.2015			На 01.01.2016			На 01.01.2017			На 01.01.2018			На 01.01.2019*		
	всего	участие в ка- питале	долговые ин- струменты	всего	участие в ка- питале	долговые ин- струменты	всего	участие в ка- питале	долговые ин- струменты	всего	участие в ка- питале	долговые ин- струменты	всего	участие в ка- питале	долговые ин- струменты
ДФО	41550	37392	4158	39431	36330	3101	62245	57942	4303	64421	59811	4609	77354	72544	4809
Амурская область	976	694	282	896	707	188	984	704	280	1254	1113	141	761	696	65
ЕАО	40	31	9	83	64	19	202	87	115	140	-35	175	153	59	93
Камчатский край	52	34	18	39	25	14	216	199	17	240	200	40	202	161	41
Магаданская область	776	8	768	22	1	21	11	1	9	16	6	10	16	6	10
Приморский край	1075	474	601	1173	551	622	2117	1005	1112	1609	418	1191	2428	1243	1185
Республика Саха	1423	210	1214	1209	100	1109	1813	779	1034	2197	1067	1130	2262	1141	1121
<i>Сахалинская область</i>	<i>36087</i>	<i>35498</i>	<i>589</i>	<i>35159</i>	<i>34572</i>	<i>587</i>	<i>55574</i>	<i>54673</i>	<i>901</i>	<i>57576</i>	<i>56552</i>	<i>1023</i>	<i>69272</i>	<i>68269</i>	<i>1002</i>
Хабаровский край	739	245	494	552	165	387	1023	329	695	1097	330	767	736	162	575
ЧАО	383	199	184	299	144	154	305	166	139	291	160	131	234	231	3

Примечание: * Включены данные по Забайкальскому краю и Республике Бурятия.

Источник: Центральный банк России.

**Прямые иностранные инвестиции в ДФО:
остатки по видам экономической деятельности (по состоянию на дату), млн долл.**

Вид экономической деятельности	На 01.01.2015	На 01.01.2016	На 01.01.2017	На 01.01.2018	На 01.01.2019
ДФО	41 550	39 431	62 245	64 421	77 354*
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	–	–	–	2	2
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	61	65	100	247	230
Деятельность профессиональная, научная и техническая	–	–	–	1142	1075
Деятельность финансовая и страховая	50	29	38	151	165
Добыча полезных ископаемых	36 816	34 708	56 041	57 841	71 080
Обрабатывающие производства	0	235	484	254	222
Предоставление прочих услуг	830	748	1154	–	
Сельское, лесное хозяйство, охота и рыболовство	3	4	10	161	118
Строительство	66	85	187	37	78
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	51	88	120	–703	12
Транспортировка и хранение	69	–14	–28	739	828
Не распределено по видам экономической деятельности	3604	7087	4139	4548	3544

Примечания. * Включены данные по Забайкальскому краю и Республике Бурятия. Включаются инвестиции в банки и прочие секторы. Данные разработаны в соответствии с методологией шестого издания «Руководства по платежному балансу и международной инвестиционной позиции» МВФ. Данные представлены в соответствии с принципом активов/пассивов. Определение видов экономической деятельности соответствует основным классификационным категориям четвертого пересмотренного варианта Международной стандартной отраслевой классификации ООН (ISIC4) и ее европейского эквивалента (NACE2). Данные по хозяйствующим субъектам, получающим прямые инвестиции, были изначально сформированы на базе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД) по основному виду деятельности и затем перегруппированы по методологии ISIC4. Начиная с данных на 01.04.2017 года используется ОКВЭД2. Основным видом экономической деятельности коммерческой организации является тот вид, который по итогам предыдущего года имеет наибольший удельный вес в общем объеме выпущенной продукции и оказанных услуг. «Не распределено по видам экономической деятельности» включает конфиденциальные данные

Источник: Центральный банк России.

**Прямые иностранные инвестиции в ДФО: остатки по странам-партнерам
(по состоянию на дату), млн долл.**

Территория	На 01.01.2015	На 01.01.2016	На 01.01.2017	На 01.01.2018	На 01.01.2019
ДФО	41 550	39 431	62 245	64 421	77 354*
Австралия	1	1	1	1	1
Багамы	20 828	21 227	33 275	25 571	38 859
Бельгия	3	3	3	0	3
Бермуды	14 443	13 177	21 192	30 744	29 232
Британские Виргинские острова	242	206	202	106	–3
Вьетнам	4	3	3	6	5
Германия	0	0	1	0	1
Гонконг	20	17	147	158	128
Джерси	4	0	4	4	4
Кипр	2121	1942	2622	2969	3309
Китай	72	61	103	117	491
Республика Корея	158	164	231	135	205
Международные организации и институты	73	0	0	0	0
Нидерланды	0	0	486	631	624
Панама	2	2	2	2	2
Сингапур	–18	–22	–20	–26	24
Соединенное Королевство	277	174	251	0	12
США	24	13	43	49	49
Швейцария	1	1	1	1	0
Япония	52	57	95	116	119
Другие страны	184	10	10	72	69
Не распределено по странам, в том числе включая конфиденциальные данные	3059	2395	3593	3764	4220

Примечания. * Включены данные по Забайкальскому краю и Республике Бурятия. Включаются накопленные прямые инвестиции в банки, финансовые организации (кроме банков), нефинансовые организации. Данные разработаны в соответствии с методологией шестого издания «Руководства по платежному балансу и международной инвестиционной позиции» (РПБ6) МВФ. Данные представлены в соответствии с принципом активов/пассивов. Географическое распределение инвестиций произведено на основании непосредственной инвестирующей страны.

Источник: Центральный банк России.

Это можно объяснить сохранением каналов финансирования крупнейших нефтегазовых проектов через удобные оффшорные юрисдикции, этим объясняется и не заметная доля Японии как страны-инвестора, несмотря на участие компаний этой страны в сахалинских проектах. Если еще 10–15 лет назад основными странами-инвесторами (как место регистрации инвестирующих компаний) в ДФО были Нидерланды и Япония,

то данные ЦБ РФ за 2014–2018 гг. уже отражают давно изменившуюся схему зарубежного инвестирования в макрорегионе (также и в крупные сахалинские проекты) через специально созданные компании в оффшорных юрисдикциях. Так, по данным о накопленных в ДФО ПИИ на 01.10.2018 г. (*табл. 4.14*) видно, что источником почти 90% поступивших ПИИ на Дальний Восток являются оффшоры, такие как Багамы, Бермуды, а также Кипр и другие юрисдикции, тогда как на страны СВА пришлось лишь 0,05% (инвестиционного сотрудничества со странами СВА заметно только в Амурской области, ЕАО, Приморском и Хабаровском краях)¹.

Формирование данной географической структуры поступления ПИИ представляется вполне закономерным с точки зрения достижения целей по снижению рисков инвестирования. Несмотря на постоянное декларирование успехов в улучшении инвестиционного климата, возможности по ведению бизнеса в ДФО в существующих институциональных и общих конъюнктурных условиях достаточно рискованны. Около 60% общего объема ПИИ в российскую экономику приходится на долю формальных «иностранных» инвестиций (выведение из страны средств в оффшоры и их последующий возврат под видом инвестиций). При этом иностранные инвестиции, как правило, поступают в регионы, богатые природными ресурсами, и в регионы с высоким индексом восприятия коррупции, и в отличие от прочих ПИИ они направляются в менее развитые в технологическом отношении проекты. Исходя из этого, можно предположить, что доля формальных «иностранных» инвестиций в регионах ДФО занимает высокую долю, как впрочем и для России в целом². Действительно, во всех без исключения дальневосточных регионах инвестиции из оффшорных территорий и прочих источников являются основными, вероятно по причине сложившейся практики применения таких каналов крупным бизнесом, который выступает «моделью» экономического поведения для иностранных инвесторов.

Предприятия с иностранным участием в ДФО

Данные по числу предприятий с иностранным участием в целом и по регионам ДФО на начало 2017 г. и 2018 г. представлены в *таблице 4.15*. Как видно из таблицы, доля общего числа таких предприятий в общем числе предприятий для ДФО невелика (порядка 2,5%), хотя для некоторых регионов (ЕАО, Амурская область, Приморский край) она гораздо выше.

¹ Суслов Д.В. Иностранные инвестиции на Дальнем Востоке: современное состояние и перспективы // Россия и страны Северо-восточной Азии: вопросы экономического сотрудничества / под ред. Вакио Фудзимото, П.А.Минакира, А.И.Татаркина. Осака (Япония) – Хабаровск (Россия) – Екатеринбург (Россия). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010; Изотов Д.А., Суслов Д.В. Инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока России со странами СВА: попытка активизации в конце 2000-х гг. // Россия и АТР. 2011. № 2.

² Дементьев Н.П. Прямые инвестиции из-за рубежа: оценки на основе данных Банка России и Евростата // Российский экономический журнал. 2017. № 2; Дементьев Н.П. Прямые иностранные инвестиции в российской экономике: движение по кругу // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2017. № 1.

**Число предприятий с иностранным участием в разрезе
регионов ДФО на 01.01.2017 г. / на 01.01.2018 г.**

Территория	Иностран- ных	Совмест- ных	Всего с иностран- ным участием	Доля в общем числе предприятий, %
ДФО	3442 / 3356	1444 / 1371	4886 / 4727	2,5 / 2,53
Республика Саха (Якутия)	207 / 209	81 / 82	288 / 291	1,1 / 1,13
Камчатский край	60 / 65	77 / 54	137 / 119	1,2 / 1,12
Приморский край	1326 / 1244	571 / 563	1897 / 1807	2,7 / 2,68
Хабаровский край	548 / 515	302 / 266	850 / 781	1,9 / 1,85
Амурская область	570 / 607	123 / 132	693 / 739	4,1 / 4,69
Магаданская область	78 / 79	30 / 20	108 / 99	2,1 / 2,05
Сахалинская область	395 / 384	217 / 218	612 / 602	3,5 / 3,66
ЕАО	239 / 238	36 / 30	275 / 268	8,2 / 8,34
ЧАО	19 / 15	7 / 6	26 / 21	2,4 / 1,95

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017–2018 / ФСГС. 2019.

При этом лидером по общему числу таких предприятий среди регионов ДФО является Приморский край, что связано, прежде всего, с ролью «ворот» в АТР этого региона для ДФО и России в целом. К сожалению, в настоящее время не ведется статистического наблюдения «национальной» принадлежности предприятий с иностранным участием.

Отметим также ограниченный круг предприятий, которые ЦБ РФ включил в свое статистическое наблюдение по ПИИ в ДФО (в целом и по регионам), в сравнении с общим числом зарегистрированных в этих регионах предприятий с ПИИ (*табл. 4.16*).

**Количество организаций, включенных Банком России
в федеральное статистическое наблюдение по прямым инвестициям**

Территория	2015	2016	2017
ДФО	316	232	224
Республика Саха (Якутия)	33	22	16
Камчатский край	9	8	3
Приморский край	89	75	78
Хабаровский край	75	46	48
Амурская область	30	27	23
Магаданская область	14	6	7
Сахалинская область	46	34	36
ЕАО	10	5	6
ЧАО	10	9	7
Справочно:			
Москва	4204	4951	5836
Россия, всего	9691	8952	9747

Источник: составлено на основе данных ЦБ РФ.

Перспективы реализации проектов с ПИИ в ДФО

Декларируемая в рамках новой восточной политики стратегия развития дальневосточной экономики во многом основана на интеграции со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, направлена на создание предприятий с экспортным потенциалом, чья продукция могла бы быть востребована зарубежными рынками. Таким образом может быть преодолен один из наиболее серьезных ограничителей развития – узость регионального потребительского рынка. Отчеты же об успехах новой восточной политики, пока не сильно вяжутся с существенными практическими результатами улучшения общеэкономической ситуации в регионе и смене общей модели развития Дальнего Востока с упором на экспорт и массированное привлечение как отечественных, так и иностранных инвестиций¹.

Расчет на успех новой модели при этом делается на иностранных инвесторов, которые самостоятельно или в партнерстве с российским капиталом могли бы создавать на Дальнем Востоке новые производства, заранее обеспеченные зарубежными рынками сбыта. Ожидается, что не только экспорт, но и внутренний спрос плюс преференции режимов территорий опережающего развития (ТОР) и свободного порта Владивосток (СПВ) могут стать стимулом для иностранного бизнеса. Отметим, что на сегодня в ДФО созданы особые налоговые режимы, площадки с преференциями для инвесторов, и это уже обеспечивает некоторые результаты. Можно говорить о постепенном улучшении делового климата, что способствует притоку инвестиций. При этом доля иностранных инвестиций хоть и не превышает в общем объеме долю российских вложений, но все же является его весомой частью². Эти новые инвестиции постепенно будут диверсифицировать структуру экономики Дальнего Востока, так как это уже вложения в обрабатывающие производства, логистику и транспорт, сельское хозяйство, туризм и другие сектора.

В марте 2018 г. Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики (Минвостокразвитие) поставило достаточно амбициозную для макрорегиона цель по достижению среднегодовых темпов роста ВРП в 8% на 2018–2025 гг. Вклад в этот среднегодовой рост (2,8%) должен быть обеспечен за счет реализации текущего портфеля инвестиционных проектов путем создания 89 тыс. рабочих мест в 659 проектах с инвестициями в 3,08 трлн руб. Вклад в этот рост (1,5%) должен быть обеспечен за счет реализации инфраструктурных проектов путем создания 13 тыс. рабочих мест в 87 про-

¹ Изотов Д.А. Дальний Восток: новации в государственной политике // ЭКО. 2017. № 4; Исаев А. Г. Территории опережающего развития. Новый инструмент региональной экономической политики // ЭКО. 2017. № 4; Минакир П. А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 4.

² По данным Минвостокразвития (МВР), только за 2015–2016 гг. доля иностранных инвестиций в проекты развития Дальнего Востока составила более 20%, из которых 14% пришло из Китая, 5% – из Японии. Китайские инвестиции составляют 30% от общего объема иностранных вложений в ТОРы и СПВ. В подавляющем большинстве это частные инвестиции – 93%, причем 73% не связаны с добычей природных ресурсов.

ектах с инвестициями в 3,337 трлн руб. Вклад в 3,8% – за счет реализации новых инвестиционных проектов путем создания 63 тыс. рабочих мест в 433 проектах с инвестициями в 4,634 трлн руб. Таким образом, в предстоящие восемь лет должны быть созданы 165 тыс. рабочих мест в 1179 проектах с объемом инвестиций в 11,051 трлн руб. При этом отметим, что темпы реализации новых проектов пока не такие высокие. К концу 2018 г. работало 200 новых предприятий с фактически вложенными частными инвестициями в 250 млрд руб. и созданными 15 тыс. рабочих мест. Созданное в 2015 г. Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций (АПИ) имеет разработанные стратегии инвестиционного развития всех 9 регионов ДФО, а в портфеле проработанных инвестиционных проектов имеется более 400 проектов, структурированных по объему инвестиций и отраслям. Многие из них могут быть интересны иностранным компаниям и уже предлагаются им на различных площадках. Кроме этого, АПИ сформирован портфель новых инвестиционных проектов для реализации в 2018–2025 гг. как отечественными, так и иностранными инвесторами¹. По его отраслевой структуре можно выявить инвестиционные предпочтения и намерения по вложениям в тот или иной сектор экономики со стороны частных инвесторов. Эта структура показывает основную экономическую мотивацию для инвестирования на Дальнем Востоке в перспективе в разработку месторождений и переработку природных ресурсов². В [таблице 4.17](#) представлены основные параметры проектов с участием иностранных инвесторов в ДФО в ГОРах и СПВ.

Существенного прогресса можно ожидать и от создания страновых инвестиционных платформ. Одна такая – российско-японская платформа – начала свою работу в начале 2018 г., партнером с японской стороны выступает Японский банк международного сотрудничества. Запланировано создание аналогичных инвестиционных платформ с Китаем, Индией и Республикой Корея.

Отметим, что крупнейшими международными проектами (с ПИИ) на российском Дальнем Востоке сегодня остаются СРП проекты по разработке нефтегазовых месторождений на шельфе Сахалина. В проекте «Сахалин-1» участвуют компании из США, Японии и Индии; в проекте «Сахалин-2» – компании из США и Японии. Доля участия китайского бизнеса есть в проекте «Сахалин-3». Добываемое сырье отправляется на экспорт, а также на переработку на внутренний рынок. Кроме крупных продолжающихся проектов в ДФО стартуют новые, во-многом знаковые проекты международного сотрудничества, но они по своим масштабам и эффектам для экономики макрорегиона оказывают крайне незначительное влияние на его развитие.

¹ К сожалению отдельной базы данных и параметров проектов только с иностранным участием у АПИ нет.

² Так, в переработку нефти и газа планируется вложить 2,348 трлн руб., добычу полезных ископаемых – 766 млрд руб., лесное хозяйство и промышленность – 399 млрд руб., сельское хозяйство – 352 млрд руб., туризм – 210 млрд руб., машиностроение – 162 млрд руб., транспорт – 140 млрд руб., рыболовство – 90 млрд руб, прочие сектора – 169 млрд руб.

**Проекты с иностранными инвесторами в ТОРах и СПВ в ДФО
по странам, на начало 2019 г.**

Страна	Объем инвестиций, млн руб.	Количество проектов
ТОРы		
Всего	164 160	31
Китай	129 600	12
Япония	8640	7
Республика Корея	2160	2
Австралия	2160	3
Сингапур	2160	1
Вьетнам	15 120	1
СПВ		
Всего	36 924	50
Китай	27 693	33
Республика Корея	3801	6
Япония	2172	3
Сингапур	543	2
Вьетнам	1086	1
Индия	543	1

Источник: данные Корпорации развития Дальнего Востока.

Одним из первых ресурсных проектов, состоявшихся в режиме ТОР, стало освоение угольного месторождения Фандюшкинское Поле на Чукотке. В июле 2017 г. резидент ТОР «Беринговский» компания «Берингпромуголь» (дочернее предприятие австралийской Tigers Realm Coal) отправила первую партию угля в 40 тыс. т в китайский порт Тайсанг. По существу, компания с австралийским капиталом стала «якорным» резидентом ТОР и привлекла в развитие месторождения 23,3 млн австралийских долл.

Интерес к добыче угля проявили и индийские инвесторы. Так, в активной стадии сегодня находится проект по созданию индийскими инвесторами угольного добывающего предприятия на Камчатке. Интерес к Крутогоровскому месторождению угля в регионе проявил холдинг TATA Group. Компания TATA Power намерена добывать на Камчатке уголь для экспорта, чтобы, в том числе, обеспечить топливом собственные генерирующие активы. Инвестиции в проект оцениваются в 560 млн долл. Объем проектного финансирования со стороны Сбербанка оценивается примерно в 400 млн долл., финансирование планируется в 2018–2019 гг. Это не единственный новый проект индийского бизнеса на Дальнем Востоке. Сегодня идет динамичная подготовка к запуску алмазогранительного предприятия во Владивостоке крупнейшего индийского холдинга KGK. Инвестор получил статус резидента Свободного порта Владивосток, на объект уже завезено необходимое оборудование, а после запуска инвестору будут предложены

услуги Евразийского алмазного центра – специально созданной инфраструктуры по хранению и таможенной обработке (экспорту) ценных грузов, включая бриллианты.

Не менее динамично развивается сотрудничество с инвесторами из Японии. Следует отметить, что каждый третий из проектов, подписанных в декабре прошлого года в ходе официального визита Президента России В.В. Путина в Японию, территориально относится к Дальнему Востоку. В общей сложности это 27 проектов, в том числе 10 проектов в области добычи ресурсов, 15 проектов по развитию промышленности, 1 проект в области градостроительства и 1 проект в области медицины и здравоохранения. При этом большинство промышленных проектов ориентировано на экспорт продукции.

Постепенно запускаются и проекты с участием инвесторов из Республики Корея. Очевидный интерес корейский бизнес проявляет к рыбопромышленной отрасли. Так, на Камчатке компания Korea Trading & Industries Co. инвестирует около 7 млн долл. в строительство рыбоперерабатывающего комплекса мощностью 10 тыс. т продукции в ТОР. В общей сложности сегодня корейские инвесторы реализуют 6 проектов на территории ДФО. Общий объем инвестиций этих проектов составляет порядка 70 млн долл. Кроме того, компания из Республики Корея намерена принять участие в строительстве Камчатской краевой больницы. Объем инвестиций составит около 200 млн долл.

Объем внутреннего рынка ДФО достаточно небольшой. Тем не менее, и он позволяет развивать экономически эффективные проекты в разных отраслях. Такие проекты, основанные либо на импортозамещении, либо на технологической модернизации, могут дать инвестору гарантированную и стабильную доходность, пусть даже эффекты от масштаба будут незначительными. Так, именно на внутренний рынок ориентирован один из первых проектов, реализованных в новых условиях, – японский тепличный комплекс JGC Evergreen в ТОР «Хабаровск».

В ДФО, по данным Минвостокразвития, в ТОР и СПВ с участием инвесторов из КНР заявлено к реализации более 40 инвестиционных проектов общей стоимостью 4,2 млрд долл. США, часть из них уже реализуется. Отметим, что из всего объема иностранных инвестиций, привлеченных в ДФО в 2015–2017 гг., львиная доля (85%) приходится на КНР. За 2017 г. объем вложений партнеров из КНР в дальневосточную экономику увеличился на треть. По объему заявленных инвестиций в ТОР и СПВ Китай занимает первое место среди стран-партнеров России на Дальнем Востоке. Так, на начало 2019 г. его доля в численности резидентов с участием иностранных инвестиций в ТОР составила 3,3% (11 компаний), доля в общем объеме инвестиций в ТОРАх – 6,0%, доля в создаваемых рабочих местах – 5,3%. В СПВ Китай представлен 33 резидентами (доля – 3,1%), доля в общем объеме инвестиций в СПВ – 5,1%, доля в создаваемых рабочих местах – 17,8%. В планах Минвостокразвития до 2025 г. есть позиция по увеличению в несколько раз притока китайских инвестиций в экономику ДФО. Масштабные и менее крупные проекты, а также обсуждение все новых и новых инициатив – нагляд-

ное тому подтверждение. Ниже приведем информацию о реализуемых проектах с участием китайского бизнеса на Дальнем Востоке.

- *Проекты в промышленности*

Компания «Юбо-Сумотори» из Приморья, став в декабре 2016 г. резидентом СПВ, организует производство и дистрибуцию грузовиков бренда FAW. Плановый объем производства на старте проекта – до 2000 тяжелых грузовых автомобилей в год. За 10 лет предполагаемый объем налоговых отчислений в бюджеты всех уровней составит более 867 млн руб. (с учетом налоговых льгот для резидентов СПВ)¹.

В ТОР «Приамурская» Амурской области введен в эксплуатацию завод по переработке цементного клинкера (500 тыс. т в год). В 2016 г. предприятие введено в эксплуатацию компанией «С Технологии». Инвестиции в проект составили 1,6 млрд руб. (создано 150 рабочих мест), планируется участие в разработке сырьевой базы в регионе для поставок на предприятие.

Планируется запуск в Уссурийске производства фанерных, OSB-плит и другой продукции деревообрабатывающей компанией «Жуньда». Используемые технологии рассчитаны на переработку низкосортной древесины. Общая стоимость проекта – 154,4 млн руб. и он ориентирован на дальневосточный рынок сбыта. Планируется создание высокорентабельного производства, преференции режима СПВ позволят снизить расходы на запуск проекта и сократить срок окупаемости до трех лет.

В Якутии, в ТОР "Кангалассы" резиденты с участием китайского капитала организуют производство керамического кирпича.

В 2017–2018 г. Фонд развития Дальнего Востока (ФРДВ) работал над созданием двух инвестиционных фондов с китайскими компаниями, включая государственные China Gold и China Construction, а также семейный холдинг Metropoly. Объем каждого фонда – до 1 млрд долл.

- *Проекты в агропромышленном комплексе*

Особое место в сотрудничестве занимают проекты в сельском хозяйстве. Яркое тому подтверждение – Российско-китайский фонд агропромышленного развития на Дальнем Востоке (РКФАР), созданный совместно с Фондом развития Дальнего Востока. По заявлениям учредителей, 90% его капитала формируют китайские инвесторы:

¹ По мнению главного управляющего по вопросам импорта-экспорта FAW Ван Чжицзяня Россия является для компании надежным стратегическим рынком. С апреля 2018 г. сборка автомобилей FAW осуществляется на площадях «Техцентра Сумотори» в пригороде Артема. С апреля 2018 г. началась сборка автомобилей из ввозимых с завода FAW шасси и надстроек. Следующий этап предусматривает увеличение локализации, крупноузловую сборку, создание нового завода. Еще в январе 2017 г. компания получила свидетельство о присвоении Международного идентификационного кода изготовителя транспортного средства – RUS. Им будут промаркированы транспортные средства приморской сборки. Вместе с ним был получен сертификат одобрения типа транспортного средства.

общий первоначальный капитал – 13 млрд руб. с дальнейшей капитализацией фонда до 10 млрд долл.

О первых двух проектах, одобренных к финансированию, было объявлено в сентябре 2016 г. на Восточном экономическом форуме. Агрофонд выразил готовность поддержать компанию «Ратимир» из Приморья, которая начала строить сеть свинокомплексов в ТОР «Михайловская» мощностью 46 тысяч т (в убойном весе) в год. Общая стоимость проекта – 15 млрд руб., запуск первой свинофермы запланирован на 2018 г. Второй проект – от «Амур Агро Холдинга» в Амурской области, который скоро запустит первую очередь завода по глубокой переработке сои и пшеницы мощностью 180 тыс. т соевых бобов и 110 тыс. т пшеницы. Общая стоимость проекта – 2,9 млрд руб. К сожалению, старт работы агрофонда проходит не совсем гладко. По данным Фонда развития Дальнего Востока, «ранее достигнутые договоренности с китайскими партнерами о финансировании проектов не были реализованы». В настоящее время идет кардинальное переформатирование работы, и, возможно, в нем появятся новые партнеры и проекты.

Есть в сфере агропромышленного комплекса и другие совместные проекты. Так, в 2016 г. корпорации «Тай Юань» и «ХуаФэн» согласовали с властями Приморья проект крупного животноводческого комплекса молочного и мясного направлений. Часть продукции пойдет на внутренний рынок, часть в КНР. Несколько молочных ферм намерены создать в Приморье компания «Джундин» и бизнесмены из Новой Зеландии. Проведено проектирование первой фермы на 1200 голов и других объектов молочного комплекса.

Резидент СПВ «Дальневосточная инвестиционная компания «Цяосин» запустила в Приморье сельскохозяйственный комплекс. В рамках проекта инвестор будет выращивать зерновые, зернобобовые и масличные культуры, а также создать сушильный комплекс для оказания услуг сторонним организациям по сушке выращенной сельскохозяйственной продукции. В 2018 г. был собран первый урожай. Проект стоимостью около 96 млн руб. реализован в рамках соглашения с Корпорацией развития Дальнего Востока. Он подразумевает приобретение техники, оборудования, инвентаря, обработку земель с учетом новейших технологий и оказание услуг по сушке зерна. На предприятии создано 15 рабочих мест.

В ЕАО китайские предприниматели в ближайшие пять лет планируют построить агропарк «Весна». Стоимость проекта – 150 млн долл. США. Здесь разместятся свиноводческий комплекс, заводы по производству муки, комбикормов, запчастей для сельхозтехники, агротехцентр, теплицы и овощехранилища. Участники агропарка будут заниматься и растениеводством, чтобы обеспечить кормовую базу для животноводства. Сооружение свинокомплекса на 27 тысяч голов в Смидовичском районе уже идет.

Резидент СПВ ООО «Морская аквакультура ХЭ СЯН» реализует инвестпроект (1,1 млрд руб.) по созданию на Дальнем Востоке ферм по разведению аквакультур. Компания является дочерним предприятием китайского инвестора «Яньтай Тунсян

Фудс». В рамках реализации инвестиционного проекта по созданию морских ферм компания «Морская аквакультура ХЭ СЯН» планирует заниматься производством, переработкой и продажей гребешка, трепанга, морского ежа. Строительство морских ферм ведется в бухте Моряк-Рыболов. Партнером в реализации проекта выступает компания ООО «Моряк-Рыболов».

Есть среди проектов и весьма экзотические. Так, корпорация «Прим Хуньчунь» построила в Уссурийском районе Приморского края с участием китайских инвесторов комплекс по переработке и хранению овощей, рыбы и морепродуктов, а также ферму-питомник по выращиванию дальневосточной лягушки. Так, в Китае существует огромный рынок: дальневосточную лягушку (кит. «сюэха») в Поднебесной не только едят, но и используют в медицине и косметологии. Это редкий и ценный вид лягушки, чувствительный к чистоте окружающей среды, не живет на болотах, предпочитая места с лесными массивами и камнями. Компании понадобилось около пяти лет, чтобы подготовить в районе села Красный Яр на площади около 300 гектаров сеть озер с такими идеальными условиями. Первая поставка лягушек состоялась осенью 2016 г.

- *Проекты в области медицины*

На разной стадии обсуждения и реализации находится еще немало проектов, в том числе создание в Приморье с участием Ассоциации производителей медицинской техники Китая (China Medical Device Association) медицинского кластера. Среди возможных компонентов его наполнения – центр стерилизации медицинских инструментов для нужд лечебных учреждений Владивостокской агломерации, центр утилизации медико-биологических отходов, производство по изготовлению и обработке медицинского белья и др.

Таким образом, в настоящее время можно наблюдать позитивную тенденцию в числе реализуемых на Дальнем Востоке проектов с участием китайского капитала. Так, в настоящее время прорабатываются проекты строительства на Дальнем Востоке с участием китайского бизнеса нефтеперерабатывающего завода, сборочного производства дорожно-строительной техники и металлоконструкций, предприятия по выпуску термомобелья, проекты строительства жилья и гостиниц, разработки месторождений полезных ископаемых, в том числе золота.

Таким образом, несмотря на создание новых институциональных условий для реализации инвестиционных проектов на Дальнем Востоке, динамика привлечения ПИИ в регионе уже длительный период определяется реализацией ряда проектов, связанных с добычей полезных ископаемых (минеральных ресурсов) на его территории. В основном это нефтегазовые проекты в Сахалинской области. Как старые, так и новые проекты освоения месторождений на Сахалине нацелены на доступ и обеспечение поставок углеводородов на рынки стран АТР.

Анализ отраслевой структуры поступления ПИИ на Дальний Восток России позволяет сделать очевидный вывод о том, что основной стратегией иностранных инвесторов в регионе является обеспечение доступа и получение возможностей освоения

месторождений полезных ископаемых (как углеводородов, так и других ресурсов), т. е. извлечение природной ренты¹.

При этом для иностранных инвесторов существуют и другие привлекательные сектора экономики практически в каждом дальневосточном регионе. В целом можно выделить следующие перспективные сектора дальневосточной экономики для иностранных инвесторов. Во-первых, это городская инфраструктура. Потенциальный объем инвестиций в области обновления изношенной инфраструктуры ЖКХ крупнейших городов Дальнего Востока оценивается почти в 1 млрд долл. Экономика проектов строится на тарифном регулировании, при этом на Дальнем Востоке уже есть опыт закрепления тарифов на длительный срок для обеспечения возвратности инвестиций. Во-вторых, это локальная энергетика. Перспективными, очевидно, являются как проекты по энергоэффективности, так и по снижению зависимости локальной генерации от дорогого привозного топлива. В-третьих, проекты развития торговых сетей, логистики, сферы услуг трансграничных обменов. В-четвертых, перспективным является рынок создания и развития на Дальнем Востоке высоких технологий, например по глубокой переработке местного сырья, создания современных обрабатывающих производств.

¹ Минакир П.А., Суслов Д.В. Прямые иностранные инвестиции в экономике российского Дальнего Востока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3.

ФИНАНСЫ

5.1. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

Состояние региональных финансов характеризуется состоянием территориальных бюджетов и в значительной мере зависит от экономической ситуации в регионах, главным образом – от финансового состояния предприятий и организаций, а также от инвестиционной активности субъектов хозяйствования. Как следствие, можно выделить три особенности экономики ДФО, влияющие на бюджетную сферу дальневосточных субъектов РФ.

Во-первых, состояние региональных финансов в значительной мере детерминруется состоянием конъюнктуры региональной экономики. Ухудшение конъюнктуры в отраслях с высокой долей добавленной стоимости, сокращение численности населения и падение уровня жизни, снижение прибыльности предприятий, высокий удельный вес теневой экономики – все эти процессы на Дальнем Востоке¹ на протяжении последнего десятилетия имели более выраженный характер, чем в среднем по России². Это формировало проблемную среду для роста ВРП макрорегиона и наращивания темпов роста региональных финансов.

Во-вторых, традиционно для ДФО характерно наличие широкого круга объектов и видов деятельности, финансируемых федеральным бюджетом (компенсация суровых природно-климатических условий региона, наличие «северного завоза», компенсация повышенных тарифов на электроэнергию, содержание военных объектов)³. Все это значительно усиливает влияние федерального бюджета на регионы, повышая удельный вес дотаций в доходной части региональных бюджетов дальневосточных субъектов РФ.

Результатом названных особенностей экономики ДФО является высокая зависимость бюджетов дальневосточных субъектов РФ от федеральной помощи. Удельный

¹ Если не указано особо, ДФО рассматривается в составе 9 субъектов РФ – Республика Саха (Якутия), Приморский, Хабаровский и Камчатский края, Магаданская, Амурская, Сахалинская области, Чукотский автономный округ, Еврейская автономная область.

² Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Экономическое пространство Дальнего Востока России: посткризисная динамика и экономическая безопасность // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 5.

³ Леонов С.Н. Современное состояние бюджетной системы дальневосточных регионов России // Региональные проблемы. 2001. № 5.

вес безвозмездных поступлений из федерального бюджета на протяжении 2013–2018 гг. оставался высоким во всех регионах ДФО, кроме Сахалинской области. Последняя, с точки зрения состояния региональных финансов, выглядит своеобразным оазисом, что объясняется доходами регионального бюджета от добычи углеводородов¹. Для всех остальных регионов характерен значительный уровень дотационности региональных бюджетов (рис. 5.1).

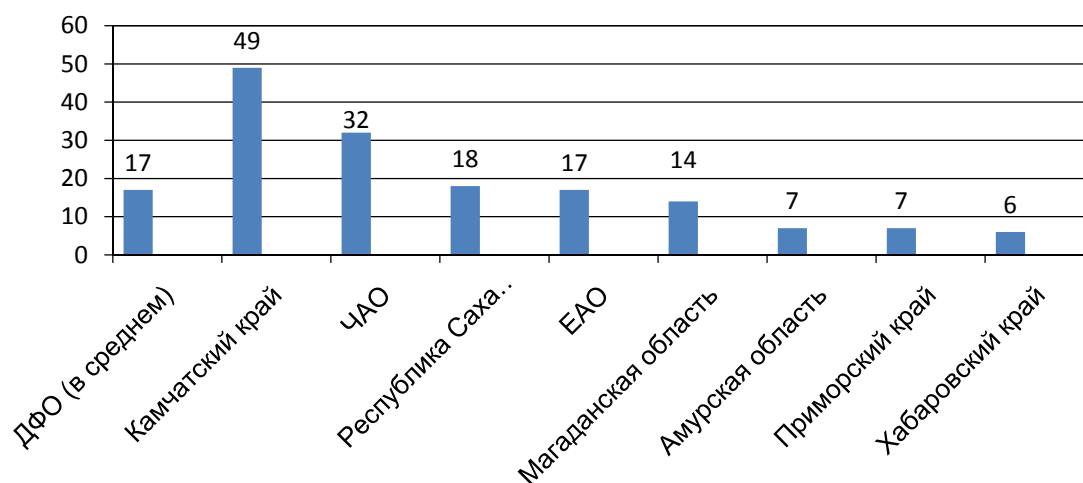

Рис. 5.1. Дотационность бюджетов по регионам ДФО, 2017 г., %

Источник: Афанасьев Р.С., Богданов Л.Н., Гулидов Р.В., Леонов С.Н. «Модельные» бюджеты: последствия для субъектов Российской Федерации // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 1. С. 137.

Как видно из данных рисунка 5.1, в среднем за 2017 г. дотации составляли 17% доходов бюджетов дальневосточных регионов, при этом в Камчатском крае их вес в доходах бюджета был равен 49%, в Чукотском автономном округе – 32%, в Республике Саха (Якутия) – 18%.

В-третьих, для ускоренного экономического развития любого региона, повышения налогооблагаемой базы и стимулирования доходов регионального бюджета, необходимым условием является увеличение объема инвестиций в новые крупные проекты, способные генерировать высокие темпы роста. Однако проводимая федеральными властями для стабилизации макроэкономического положения в стране жесткая монетаристская политика привела к снижению инвестиций в промышленность Дальнего Востока.

Названные три группы факторов напрямую влияют на параметры доходной базы бюджетов регионов ДФО, определяя состояние их количественных показателей.

¹ Афанасьев Р.С., Богданов Л.Н., Гулидов Р.В., Леонов С.Н. «Модельные» бюджеты: последствия для субъектов Российской Федерации // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 1.

Доходы региональных бюджетов

Общий объем доходов консолидированных бюджетов дальневосточных субъектов РФ вырос в 2018 г. относительно предыдущего года на 17%. Это – лучший показатель за последние 6 лет, причем данный темп прироста оказался наилучшим и в сравнении со среднероссийским аналогичным показателем (*табл. 5.1., 5.2*).

Таблица 5.1

Объем и структура доходов консолидированных бюджетов регионов ДФО

Показатель	Объем доходов (в номинальном выражении), млрд руб.					
	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Доходы - всего	646,6	704,6	791,8	773,9	776,8	908,6
Налоговые и неналоговые доходы	403,1	494,1	602,5	582,9	572,3	639,0
<i>Налоговые доходы</i>	<i>349,0</i>	<i>432,6</i>	<i>544,9</i>	<i>526,5</i>	<i>488,2</i>	<i>540,2</i>
Налог на прибыль	97,2	159,3	240,3	196,7	143,7	159,4
Налог на доходы физических лиц (НДФЛ)	149,0	158,1	163,5	178,1	187,3	210,5
Акцизы	20,8	19,9	20,7	28,5	27,9	28,2
Налоги на совокупный доход	19,2	20,8	22,9	25,1	27,4	30,6
Налоги на имущество	42,9	49,4	57,7	62,5	67,7	81,0
<i>Неналоговые доходы</i>	<i>54,1</i>	<i>61,4</i>	<i>57,6</i>	<i>56,4</i>	<i>84,1</i>	<i>98,9</i>
Трансферты из других бюджетов	243,5	210,6	189,3	191,1	204,5	269,5

Источник: рассчитано по: Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда / Федеральное казначейство. 2019.

Следует отметить, что в условиях невысокой инфляции 2018 г. все основные доходные источники региональных бюджетов и в среднем по РФ, и по регионам ДФО, в реальном выражении демонстрировали положительную динамику. Во всех девяти регионах ДФО доходы консолидированных бюджетов выросли. Подобная тенденция была характерна также и для всех российских регионов, лишь в республиках Марий Эл и Мордовии темпы роста доходов оказались ниже уровня инфляции.

Основными источниками доходов бюджетов регионов ДФО традиционно являются трансферты, налог на доходы физических лиц и налоги на прибыль (см. *табл. 5.1*), формирующие 30–38%, порядка 23% и 15–18% налоговых доходов регионов, соответственно.

Как видно из данных *таблицы 5.2*, в 2018 г. в дальневосточных регионах наибольшими темпами росли поступления по налогу на прибыль организаций (110,9% к уровню 2017 г.), налог на доходы физических лиц (112,4%), налоги на совокупный до-

ход (111,7%), налоги на имущество (119,6%), неналоговые доходы (117,5%). Максимальный рост в 2018 г. продемонстрировали межбюджетные трансферты из бюджетов других уровней, выросшие за год в 1,3 раза и обеспечившие 30% доходов дальневосточных региональных бюджетов. Относительно низкие темпы роста в 2018 г. в консолидированных бюджетах дальневосточных субъектов федерации демонстрировали акцизные сборы (101% к уровню 2017 г.).

Таблица 5.2

**Темпы роста доходов консолидированных бюджетов
ДФО и РФ, % к предыдущему году**

Показатель	2014		2015		2016		2017		2018		2018/2013	
	РФ	ДФО	РФ	ДФО	РФ	ДФО	РФ	ДФО	РФ	ДФО	РФ	ДФО
Доходы бюджета	109,1	109,0	104,5	112,4	106,6	97,7	108,4	100,4	115,2	117,0	151,8	140,5
Налоговые и неналоговые доходы	108,9	122,6	96,5	121,9	108,7	96,7	108,4	98,2	113,8	111,7	155,2	158,5
Налоговые доходы	108,8	124,0	106,7	125,9	109,4	96,6	108,3	92,7	114,9	110,6	158,0	154,8
Налог на прибыль организаций	114,2	163,8	107,3	150,9	108,1	81,8	110,9	73,06	122,8	110,9	180,5	163,9
НДФЛ	107,8	106,1	104,2	103,5	107,5	108,9	107,7	105,2	112,4	112,4	146,2	141,3
Акцизы	97,6	95,7	101,4	103,6	136,0	138,0	92,4	97,9	103,4	101,0	128,7	135,4
Налоги на совокупный доход	107,6	107,9	110,4	110,5	111,7	109,3	115,0	109,4	116,5	111,7	177,7	159,2
Налоги на имущество	106,3	115,2	111,6	116,8	104,5	108,3	111,9	108,4	111,7	119,6	155,1	189,0
Неналоговые доходы	110,2	113,6	102,1	93,8	102,2	97,9	109,1	149,2	101,6	117,5	127,6	182,9
Трансферты из других бюджетов	109,6	86,5	97,4	89,9	97,1	100,9	108,4	107,0	122,5	131,8	137,7	110,7

Источник: рассчитано по: Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда / Федеральное казначейство. 2019.

Тем не менее, темп роста доходов бюджетов регионов ДФО за период 2013–2018 гг. был ниже, чем соответствующий среднероссийский показатель (140,5% против 151,8%, соответственно).

Отставание в темпах роста доходов консолидированных бюджетов дальневосточных регионов за 2013–2018 гг. объясняется заторможенным на 3,2 п. п., в сравнении со среднероссийскими темпами, приростом налоговых доходов и отставанием на 27 п. п. темпов прироста трансфертов, в сравнении со среднероссийскими тенденциями.

Налог на доходы физических лиц, формирующий около четверти доходов бюджетов дальневосточных регионов, рос за период 2013–2018 гг. хуже, чем налоговые до-

ходы консолидированных бюджетов в среднем по России, тем не менее, показал в 2018 г. лучший за 6 лет темп роста (112,4%).

Сложная экономическая ситуация в дальневосточных регионах результировала в более низких темпах роста налогов на прибыль организаций и на совокупный доход, в сравнении со среднероссийскими показателями. Более быстрый рост акцизов, налогов на имущество и неналоговых доходов, в силу невысокого удельного веса данных видов доходов в консолидированных бюджетах дальневосточных регионов, не смог нивелировать общее отставание по темпам роста доходов консолидированных бюджетов дальневосточных регионов в сравнении со среднероссийскими показателями.

Сбалансированность консолидированных бюджетов и государственный региональный долг

Если в целом по регионам России на анализируемом периоде 2013–2018 гг., темп роста доходов консолидированных бюджетов постоянно превышал темп роста расходов, то для дальневосточных регионов была характерна «рваная» динамика данных показателей (*табл. 5.3*).

В результате, за 2013–2018 гг. средний темп роста доходов консолидированных бюджетов регионов РФ обгонял темп роста расходов на 16,9 п. п., а по регионам ДФО разрыв в темпах роста доходов в сравнении с расходами консолидированных бюджетов составил за рассматриваемый период лишь 10,2 п. п.

Таблица 5.3

Темпы роста доходов и расходов консолидированных бюджетов регионов РФ и регионов ДФО, % к предыдущему году

Год	Темпы роста консолидированных бюджетов			
	регионы РФ		регионы ДФО	
	доходы	расходы	доходы	расходы
2014	109,1	106,2	109	105,3
2015	104,5	101,4	112,4	111,2
2016	106,6	104,8	97,7	96,8
2017	108,4	108,8	100,4	102,1
2018	115,2	109,9	117	112,6
2018 / 2013	151,8	134,9	140,5	130,3

Источник: рассчитано по: Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда / Федеральное казначейство. 2019.

Можно выделить две причины отставания темпов роста бюджетных расходов от доходов консолидированных бюджетов.

Во-первых, с начала 2018 г. до сентября включительно, рост расходов к аналогичному периоду 2017 г. не сильно отставал от роста бюджетных доходов. Скачок в

темпах роста доходов произошел в четвертом квартале, когда доходы регионов увеличились к четвертому кварталу 2017 г. почти на четверть. Регионы не успели потратить дополнительные доходы, поступившие уже в конце года. Кроме того, их рационально было приберечь для реализации мероприятий, связанных с выполнением майского указа Президента РФ 2018 г.¹

Второй причиной являлись ограничительные меры, предпринимаемые Министерством финансов России по стимулированию региональных властей к проведению жесткой бюджетной политики, что и заставляет региональные власти жестче подходить к формированию расходных статей бюджета².

Рост доходов и сдерживание расходов привели к наилучшим с 2000 г. показателям по числу субъектов РФ, закончивших год с профицитом консолидированного бюджета (*табл. 5.4*).

В 2018 г. 70 субъектов РФ из 85 закончили год с профицитом. Среди регионов ДФО также достигнуты наилучшие показатели – 5 профицитных регионов (Приморский и Камчатский края, Республика Саха (Якутия), Амурская область и Чукотский автономный округ).

Таблица 5.4

Число субъектов РФ, исполнивших в 2013–2018 гг. консолидированный бюджет с дефицитом и профицитом

Год	С дефицитом		С профицитом	
	РФ	в т. ч. ДФО	РФ	в т. ч. ДФО
2013	77	8	6	1
2014	74	8	11	1
2015	76	7	9	2
2016	56	6	29	3
2017	47	6	38	3
2018	15	4	70	5

Источник: рассчитано по: Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда / Федеральное казначейство. 2019.

Однако 4 дальневосточных субъекта РФ (Хабаровский край, Магаданская и Сахалинская области, Еврейская автономная область) оказались в числе тех 15-ти российских регионов, которые имеют дефицитный бюджет. То есть, дальневосточные регионы в настоящее время формируют более четверти числа российских регионов, имеющих дефицитный бюджет.

¹ Дерюгин А.Н. Бюджеты регионов в 2018 г.: лучшие итоги десятилетия // Экономическое развитие России. 2019. Т. 26. № 3.

² Леонов С.Н. «Модельный» бюджет: особенности формирования и реализации // Известия Байкальского государственного университета. 2019. Т. 29. № 2.

В целом по Российской Федерации профицит бюджетов большинства регионов позитивно сказался на динамике их государственного долга, размер которого за период 2013–2018 гг. хотя и вырос в 1,27 раза, но по итогам двух последних лет сократился с 2,32 в 2017 г. до 2,21 трлн руб. в 2018 г. (*табл. 5.5*).

Иную динамику демонстрировал региональный государственный долг дальневосточных регионов: на этапе 2013–2018 гг. он стабильно рос с 97,6 до 166,3 млрд руб., увеличившись за рассматриваемый период в 1,7 раза.

В результате изменилась территориальная структура российского регионального государственного долга: если в 2013 г. дальневосточные регионы формировали 5,4% общей величины российского регионального государственного долга, то к 2019 г. эта доля возросла до 7,5%.

Таблица 5.5

Динамика регионального государственного долга РФ и ДФО, млрд руб.

Регион	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2018 / 2013, %
РФ	1737,46	2089,50	2318,60	2352,89	2315,40	2206,30	127,0
ДФО	97,58	118,37	142,99	149,49	158,75	166,30	170,4

Источник: рассчитано по: Объем государственного долга субъектов РФ и долга муниципальных образований / Минфин РФ. 2019.

Общероссийская ситуация с региональным государственным долгом стала улучшаться с 2017 г. и темпы роста государственного долга регионов в целом по РФ в 2017–2018 гг. были ниже 100% (*рис. 5.2*). На этом фоне диссонансом смотрятся дальневосточные субъекты РФ, которые в это же время продолжали наращивать рост государственной задолженности, хотя и со снижающимся темпом.

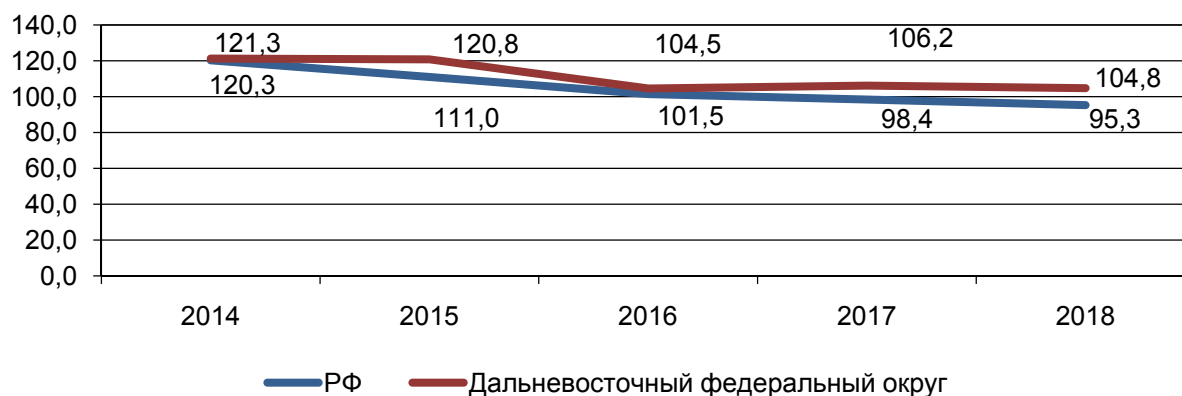

Рис. 5.2. Темпы роста государственного долга регионов РФ и ДФО, % к предыдущему году

Источник: Федеральное казначейство, расчеты автора.

Следствием названного процесса явилось то, что если за период 2013–2018 гг. долговая нагрузка¹ регионов РФ снизилась с 33 до 25,3%, то долговая нагрузка регионов ДФО за этот же период возросла с 31,6 до 32,4%.

При этом динамика долговой нагрузки по регионам ДФО сильно отличалась (*табл. 5.6*). По регионам ДФО чрезвычайно высока степень дифференциации размеров и качества государственного долга. В целом на протяжении всего периода уровень долговой нагрузки оставался высоким.

Таблица 5.6

Динамика долговой нагрузки по регионам ДФО, %

Регион	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Республика Саха (Якутия)	37,7	36,1	37,5	40,1	46,2	36,4
Приморский край	16,7	13,7	12,6	8,7	5,8	6,1
Хабаровский край	30,6	42,5	55,6	55,4	59,1	66,3
Амурская область	86,0	98,1	95,4	86,8	72,5	69,3
Камчатский край	27,5	37,2	27,8	16,5	21,9	17,7
Магаданская область	22,8	52,2	77,5	60,0	72,7	71,1
Сахалинская область	5,9	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
ЕАО	58,7	73,2	109,4	100,6	93,5	89,8
ЧАО	123,0	144,5	100,9	76,3	96,7	90,3

Источник: рассчитано по: Объем государственного долга субъектов РФ и долга муниципальных образований / Минфин РФ. 2019; Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда / Федеральное казначейство. 2019.

В 2014–2018 гг. долговые обязательства полностью отсутствовали только у Сахалинской области. Еще у трех регионов (Республика Саха (Якутия), Приморский и Камчатский край) динамика долговой нагрузки оставалась в рамках 0,01–50% на протяжении всего периода. По ряду регионов (ЕАО, ЧАО, Амурская область) величина долга в отдельные годы была сравнима или даже превышала объем собственных доходов региональных бюджетов (см. *табл. 5.6*).

Так, если в 2013 г. уровень долговой нагрузки в диапазоне 0,01–50% отмечался у 6 дальневосточных субъектов; 50,01–100% – у 2 регионов и лишь в ЧАО превышал предельную норму в 100%, то в 2015 г. ситуация ухудшилась – число регионов, попавших в диапазон 0,01–50%, снизилось до 4, при одновременном увеличении числа регионов, находившихся в диапазоне долговой нагрузки 50,01–100%, до 3 регионов. В число регионов, нарушивших бюджетное законодательство, т. е. тех, где долговая нагрузка превысила 100%, входили ЕАО и ЧАО. В целом, как было отмечено выше, за период 2013–2018 гг. наблюдался рост средней долговой нагрузки по регионам ДФО с 31,6% в 2013 г. до 32,4% в 2018 г. и общий рост до 5 числа регионов с долговой регио-

¹ Уровень долговой нагрузки субъекта РФ – отношение государственного регионально-го долга к налоговым и неналоговым доходам бюджета субъекта РФ.

нальной нагрузкой выше 50%. Однако, как самый значимый факт, следует отметить, что на этапе 2016–2018 гг. все регионы ДФО, включая ЧАО и ЕАО, вышли из критической зоны, где долговая нагрузка превышает 100%.

Структура элементов государственного долга регионов ДФО за рассматриваемый период существенно изменилась (*табл. 5.7*).

Традиционно наиболее значимыми источниками финансирования дефицита региональных бюджетов являются прямые государственные заимствования субъектов РФ в форме эмиссии облигаций внутреннего государственного займа и получения кредитных ресурсов. Однако в разные периоды происходили изменения в соотношении этих элементов, которые по степени предпочтительности и стоимости затрат на их обслуживание можно расположить в следующей последовательности: государственные гарантии, бюджетные кредиты, ценные бумаги (облигации), кредиты банков.

Таблица 5.7

Структура государственного регионального долга по регионам ДФО, %

Территория	2013					2018				
	в том числе по видам долговых обязательств					в том числе по видам долговых обязательств				
	гос. ценные бу- маги	кредиты от кре- дитных органи- заций	бюджетные кредиты	государствен- ные гарантии	всего	гос. ценные бу- маги	кредиты от кре- дитных органи- заций	бюджетные кредиты	государствен- ные гарантии	всего
РФ	25,9	39,8	27,1	7,2	100	25	28,8	42,6	3,6	100
ДФО	9	44,8	34,0	12,2	100	18,5	38	34,5	9	100
Республика Саха (Яку- тия)	36	27,5	6,7	29,7	100	48,7	15,6	12,6	23,1	100
Камчатский край	0	68	4,8	27,2	100	24,7	0	75,3	0	100
Приморский край	0	74,2	16,3	9,5	100	0	0	69,3	30,7	100
Хабаровский край	0	58,6	40	1,4	100	8,3	71,2	20,3	0,2	100
Амурская область	0	0	100	0	100	0	34,8	65,2	0	100
Магаданская область	0	71,5	28,5	0	100	7	57,7	35,3	0	100
Сахалинская область	0	78,7	21,3	0	100	–	–	–	–	–
ЕАО	0	38	62	0	100	0	47,3	52,7	0	100
ЧАО	0	0	96,6	3,4	100	0	0	85,2	14,8	100

Источник: рассчитано по: Объем государственного долга субъектов РФ и долга муниципальных образований / Минфин РФ, 2019.

Реагируя на усложнение макроэкономической ситуации, в частности на повышение ключевой ставки после 2014 г., государство сохраняло свое участие в формировании «дешевого» долга регионов путем увеличения доли бюджетных кредитов. На Дальнем Востоке этот инструмент составлял около трети на протяжении анализируемого периода. Доля коммерческих кредитов, миновав пик 44,8% в 2013 г., снизилась до отметки 38% к 2019 г. Удельный вес ценных бумаг за 6 лет вырос с 9% (в 2013 г. этот инструмент использовала только Якутия) до 18,5% (в 2018 г. к Якутии присоединились Камчатский и Хабаровский края, а также Амурская область). Доля прочих долговых инструментов, включая государственные гарантии, на рассматриваемом временном промежутке стабильно снижалась с 12,2% (2013 г.) до 9% (2018 г.).

Отметим, что вопрос о стабильности сложившейся структуры государственного долга регионов ДФО, является спорным. Программа Министерства финансов РФ на этапе 2013–2018 гг. по замещению банковских кредитов бюджетными являлась вынужденной мерой для снижения стоимости региональных долговых обязательств. Однако вопрос о возможности федерального центра придерживаться данного нерыночного инструмента заимствований является открытым, хотя, как видно из данных [таблицы 5.7](#), для ряда регионов ДФО программа федерального кредитования региональных бюджетов остается практически единственно реальной моделью поддержания устойчивости их бюджетных систем. Например, для Чукотского автономного округа, Камчатского и Приморского краев, Амурской области и Еврейской автономной области, на бюджетные кредиты в 2018 г. приходилось от 52,7 до 85,2% общей суммы их долговых обязательств.

Резюмируя, отметим, что в целом, судя по среднероссийским показателям, 2018 г. можно считать лучшим для региональных и местных бюджетов России за последнее десятилетие: высокие темпы роста доходов при сдерживании расходов позволили большинству регионов закончить год с профицитом консолидированного бюджета. Была существенно (с 33 до 25,3%) сокращена долговая нагрузка региональных бюджетов и, как следствие, расходы на обслуживание регионального государственного долга.

Однако для регионов ДФО ситуация была не столь однозначной.

Хотя в условиях невысокой инфляции 2018 г. все основные доходные источники дальневосточных бюджетов в реальном выражении демонстрировали положительную динамику, темп роста доходов бюджетов дальневосточных регионов за 2013–2018 гг. был ниже, чем соответствующий среднероссийский показатель. Сохраняется высокая зависимость региональных бюджетов от дотаций из федерального бюджета. При сокращении числа регионов ДФО, завершивших год с дефицитом бюджета с 8 в 2013 г. до 4 в 2018 г., суммарный региональный государственный долг регионов ДФО за 2013–2018 гг. вырос в 1,7 раза (с 976 до 1663 млрд руб.).

Характер основных источников роста доходной базы региональных бюджетов и динамика изменения внешних и внутренних факторов регионального развития не дают оснований для оптимизма.

Основными источниками доходов субъектов РФ являются налог на прибыль, налог на доходы физических лиц и трансферты из федерального бюджета, в сумме составившие в 2018 г. 71,4% общего объема доходов российских регионов. На Дальнем Востоке вклад названных источников в консолидированные бюджеты в 2018 г. хотя и был на 1 п. п. ниже, так же крайне высок – 70,4%.

База налога на прибыль организаций в значительной степени зависит от сложившейся экономической конъюнктуры и цен на нефть. В 2019 г. не произошло резкого улучшения конъюнктуры, а цены на нефть упали ниже среднего для минувшего года, поэтому возможно ожидать замедления роста базы налога на прибыль.

Для налога на доходы физических лиц 2018 г. был завершающим годом, когда темпы роста заработной платы значительной части работников бюджетной сферы, во исполнение майских указов Президента России 2012 г., превышали темпы роста средней заработной платы в экономике. Поэтому можно прогнозировать, что в 2019 г. бюджетный сектор в РФ, и на Дальнем Востоке в частности, перестанет быть двигателем роста фонда оплаты труда в экономике.

Темпы роста межбюджетных трансфертов регионам из федерального бюджета также замедлятся и, согласно Закону о федеральном бюджете, составят в 2019 г. 107,9% против 122,4% в 2018 г.

Как следствие, в среднесрочной перспективе следует ожидать замедления темпов роста доходов консолидированных бюджетов регионов как в среднем по России, так и регионов ДФО, в частности.

5.2. ФИНАНСЫ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

За 2013–2018 гг. общий сальдированный финансовый результат (прибыль минус убытки) организаций в целом по экономике ДФО в номинальном объеме составил 3,1 трлн руб. На протяжении всего периода финансовое состояние предприятий и организаций ДФО было неустойчивым, и полностью отражало состояние дел в экономике. На результативность работы предприятий оказывали влияние как внешние факторы (санкции в отношении ряда компаний и банков, и, как следствие, ограничение в доступности финансовых и технологических ресурсов, мировая конъюнктура цен на отдельные товарные группы, падение внешнего спроса), так и внутренние условия (девальвация рубля, ослабление динамики внутреннего спроса, замедление роста оборота розничной торговли и т. д.).

Погодовые изменения финансовых показателей демонстрировали «эффект качелей» и колебались в диапазоне от значительного роста в 2015 г. до снижения в 2017 г. Лишь в пяти регионах ДФО (Якутия, Приморский край, Амурская и Сахалинская области, ЧАО) сальдированные финансовые показатели имели положительные значения на протяжении всего анализируемого периода (*табл. 5.8*).

Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций по регионам ДФО (в текущих ценах), % к предыдущему году

Территория	2014	2015	2016	2017	2018
ДФО	138,9	189,5	171,9	72,6	173,3
Республика Саха (Якутия)	47,5	167,5	763,2	42,4	149,4
Камчатский край	–	–	183,9	92,2	107,8
Приморский край	66,3	651,0	162,9	105,2	336,3
Хабаровский край	31,5	–	–	35,4	76,8
Амурская область	137,1	224,3	100,7	54,3	154,4
Магаданская область	–	–	292,8	60,1	124,1
Сахалинская область	182,1	138,7	55,5	141,9	201,0
ЕАО	–	–	–	–	–
ЧАО	574,1	161,9	149,5	44,8	116,5

Примечание: прочерк означает, что в одном или обоих сопоставляемых периодах был получен отрицательный сальдированный финансовый результат.

Источники: Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов РФ в январе – августе 2016 г.; Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов РФ в январе – июле 2019 г.

Наихудшим, с точки зрения показателей финансовой результативности, был 2017 г., когда сальдированный результат организаций в целом по ДФО составил лишь 72,6% от уровня 2016 г. Практически во всех регионах округа (кроме Сахалинской области и Приморского края) ситуация в 2017 г. была нестабильной, но самое значительное снижение сальдированного показателя (минус 57,6% относительно 2016 г.) наблюдалось в Республике Саха (Якутия). Одной из причин, по мнению экспертов, явилось то, что крупные предприятия республики в основном ориентированы на внешние экспортные рынки, а проводимая Центробанком РФ политика укрепления курса рубля приводит к уменьшению валютной выручки в пересчете в рублевый эквивалент¹.

Наибольший вклад (более 50% в общем объеме сальдированного финансового результата) обеспечивает Сахалинская область. В тройку лидеров входят также Республика Саха (Якутия) и Приморский край, на долю которых, соответственно, приходилось, 20,2 и 11,7% суммарного объема сальдированного финансового результата в 2013–2018 гг. (рис. 5.3).

Роль финансового донора принадлежит предприятиям добывающего сектора, доля которых в суммарном сальдированном показателе по ДФО в течение всего анализируемого периода была значительной и к концу анализируемого периода составила 70% (2018 г.), а в отдельные периоды достигала 80–85% (2013–2014 гг.).

¹ Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2017 г. // Пространственная экономика. 2018. № 2.

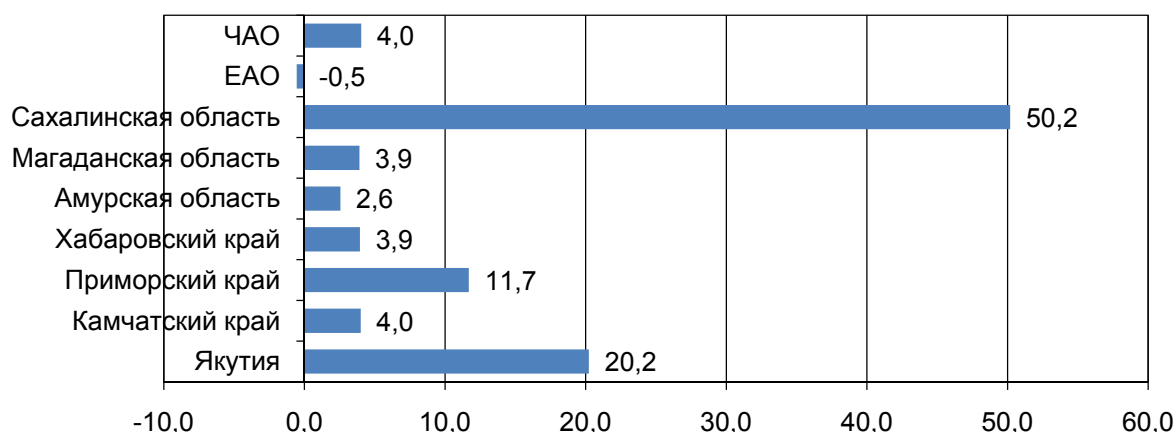

Рис. 5.3. Территориальная структура суммарного объема сальдированного финансового результата по регионам ДФО, 2013–2018 гг., %

Первенство в формировании данного показателя принадлежит предприятиям добывающего комплекса Сахалинской области и Республики Саха (Якутии), суммарная доля которых в 2018 г. составляла около 90% (табл. 5.9).

Таблица 5.9

Сальдированный финансовый результат организаций по основным видам деятельности в январе – ноябре 2018 г. по регионам ДФО, млн руб.

Регион	Добыча полезных ископаемых	Обработка производств	Обеспечение эл. энергией, газом и паром	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	Деятельность в области информации и связи	Строительство	Транспортировка и хранение
Республика Саха (Якутия)	209 092,2 (26,5)	-54,1 (42,9)	3009,4 (39,1)	-76,4 (28,6)	85,3 (33,3)	444,8 (27,3)	-203,8 (34,2)
Камчатский край	-2319,6 (75,0)	17 408,3 (21,9)	913,5 (50,0)	13 780,8 (12,0)	н.д.	137,6 (20,0)	1069,0 (41,7)
Приморский край	683,2 (50,0)	5422,9 (18,6)	3250,3 (22,2)	7500,9 (34,0)	-250,1 (25,0)	152,0 (21,4)	39 770,0 (23,0)
Хабаровский край	10 571,0 (29,4)	-880,5 (48,2)	-8718,5 (60,7)	564,8 (47,7)	276,4 (44,4)	76,8 (43,2)	9699,6 (41,5)
Амурская область	10 778,3 (28,0)	1035,9 (22,2)	3963,0 (65,4)	1419,6 (25,7)	7,5 (33,3)	-2924,0 (58,1)	50,8 (33,3)
Магаданская область	23 879,7 (28,6)	609,3 (33,3)	2309,8 (35,7)	2389,8 (20,0)	...* (50,0)	687,1 (н.д.)	350,2 (25,0)
Сахалинская область	285 274,3 (21,7)	7548,5 (19,2)	988,3 (77,1)	13 369,4 (19,2)	-12,3 (66,7)	4172,0 (17,6)	4056,1 (32,5)
ЕАО	-2425,9 (100,0)	57,2 (14,3)	-65,9 (80,0)	-12,8 (28,6)	...* (н.д.)	...* (100,0)	-19,9 (100,0)
ЧАО	18 733,8 (36,4)	...* (50,0)	856,3 (60,0)	378,7 (37,5)	-8,7 (33,3)	-28,7 (66,7)	258,6 (44,4)

Примечание. В скобках – удельный вес убыточных предприятий, %; * – данные не публикуются в целях обеспечения конфиденциальности первичных статистических данных, полученных от организаций, в соответствии с ФЗ от 29.11.2007 г. № 282-ФЗ (ст. 4, п. 5; ст. 9, п. 1).

Источник: Основные показатели социально-экономического положения регионов Дальневосточного федерального округа в 2018 г. П ч. Хабаровск, 2019.

Сохраняющиеся в настоящее время финансовые санкции в дальнейшем могут привести к росту числа убыточных предприятий, доля которых постепенно увеличивается и в целом по экономике ДФО составила 32,4% (рост на 2,6 п. п. и 3,7 п. п. по сравнению с 2017 и 2016 гг. соответственно). Значительная доля убыточных предприятий зафиксирована в ведущих отраслях экономики: в добывающем секторе ЕАО (100%), Камчатского и Приморского краев (75,0 и 50,0% соответственно), в обрабатывающей промышленности Хабаровского края (48,2%), в строительной отрасли ЕАО (100%), ЧАО (66,7%), Амурской области и Хабаровского края (58,1 и 43,2% соответственно).

5.3. ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНЫЙ СЕКТОР¹

Институциональная структура

На начало 2019 г. количество действующих кредитных организаций (ДКО) в ДФО² составляло 16 ед. (3,3% в РФ), что соответствовало 7-му месту среди федеральных округов РФ. За 2013–2018 гг. число ДКО сократилось в 1,4 раза против двукратного сокращения в целом по РФ. По общему количеству филиалов (52 ед. с долей в общероссийском итоге в 7,3%) регион занимал 7-е место среди федеральных округов РФ. Все филиалы принадлежали ДКО, зарегистрированным в других регионах, что объясняет максимальную величину коэффициента присутствия (3,3)³ в ДФО среди других финансовых организаций. Кредитные организации и их филиалы размещены неравномерно по территории округа. Лидирующие позиции по количеству ДКО занимает Приморский край, по количеству филиалов – Хабаровский край (*рис. 5.4*).

В 2017–2018 гг. на Дальнем Востоке прервалась тенденция 2014–2016 гг. сокращения количества внутренних структурных подразделений (ВСП)⁴ ДКО (филиалов), в то время как в целом по РФ процесс сокращения продолжается. В итоге общее количество ВСП в ДФО практически не изменилось по сравнению с 2013 г., в то время как в целом по РФ оно сократилось почти на 31%.

В 2013–2018 гг. происходил процесс укрупнения кредитных организаций. В этот период количество мелких банков (с уставным капиталом до 300 млн руб.) в ДФО сократилось с 17 до 10 ед., средних банков (с уставным капиталом от 300 млн руб. до 1 млрд руб.) – с 5 до 2 ед., тогда как количество относительно крупных банков (с уставным капиталом от 1 до 10 млрд руб.) увеличилось с 1 до 4 ед.

¹ Характеристика показателей развития ДФО дается в старых границах.

² В новых границах.

³ Коэффициент присутствия рассчитывается как отношение количества инорегиональных филиалов к общему количеству ДКО и их филиалов в данном регионе.

⁴ Дополнительные офисы, операционные кассы вне кассового узла, кредитно-кассовые офисы, операционные офисы.

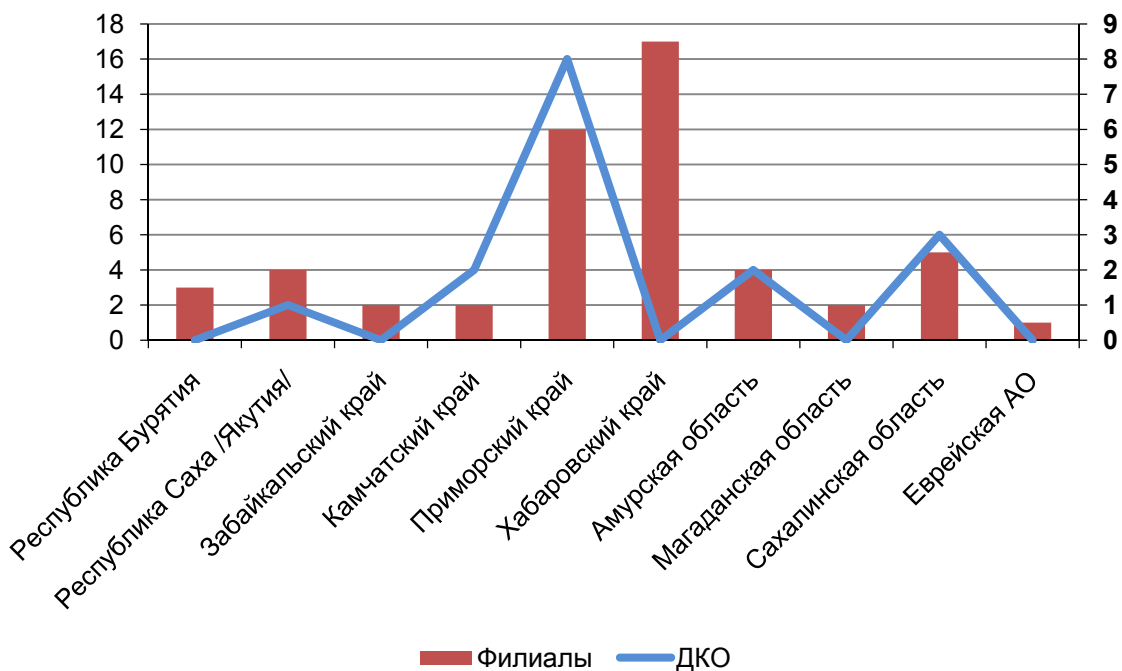

Рис. 5.4. Количество действующих кредитных организаций и их филиалов по регионам ДФО на 1.01.2019

Кредитный сектор

За 2018 г. в ДФО было выдано кредитов населению почти на 607 млрд руб., что составляет 4,9% от общефедерального уровня (в 2013 г. – 5,2%). Дальневосточный сегмент розничного кредитного рынка России относительно невелик и занимает предпоследнее место в ряду федеральных округов (меньше только сегмент Северо-Кавказского федерального округа).

Динамика объемов предоставленных кредитов физическим лицам (КФЛ) за анализируемый период как в целом по РФ, так и в ДФО, не была последовательной: динамичный рост в предыдущие годы сменился некоторым сокращением в 2014 г. (на 1,7% в РФ, на 3,6% в ДФО) и резким падением объемов в 2015 г. (на 32 и 35% соответственно). В 2016–2018 гг. повышательная динамика постепенно восстанавливалась (в 2016 г. – как эффект низкой базы), и в 2018 г. темпы прироста уже существенно превышали аналогичные «докризисно-санкционные» – как в целом по РФ, так и в ДФО (соответственно на 13 и 18 п. п.) (рис. 5.5).

Наиболее емкими региональными секторами дальневосточного розничного кредитного рынка являются сектора Приморского края (27,3%), Хабаровского края (20,9%), Якутии (19,1%) и Амурской области (10,9%). Доли остальных секторов находились в диапазоне от 9,2% (Сахалинская область) до 3,5% (Магаданская область, ЕАО и ЧАО). За анализируемый период увеличилась доля сегментов Якутии (на 3,6 п. п.), Камчатского и Приморского краев, Сахалинской области.

В общенациональном рейтинге в топ-20 с наиболее емким рынком КФЛ входит только Приморский край (20-е место). Остальные дальневосточные регионы распреде-

лились следующим образом: Хабаровский край – 28-е место, Якутия – 30-е, Амурская и Сахалинская области – 54-е и 60-е соответственно, а Камчатский край, Магаданская область, ЕАО и Чукотский АО оказались в последней двадцатке (места с 69-го по 83-е).

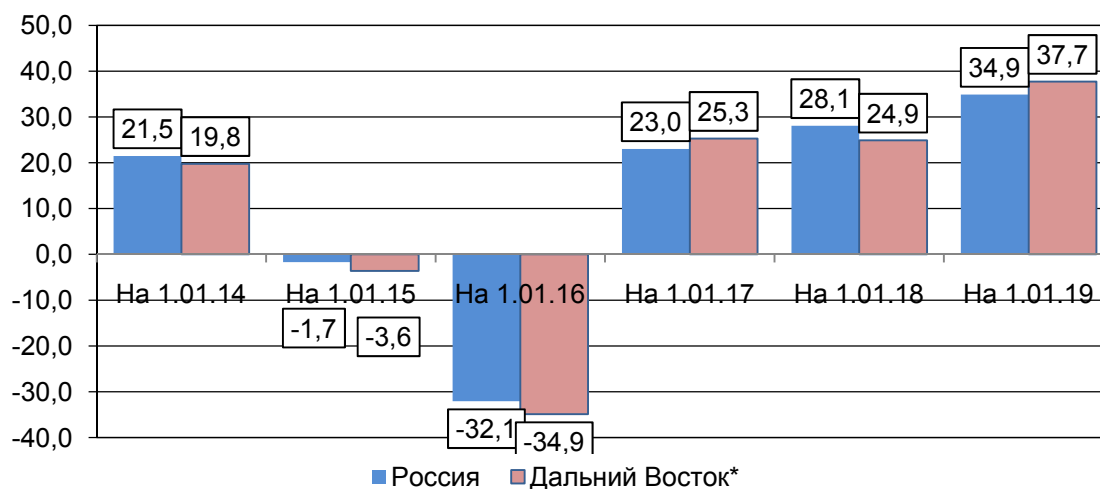

Рис. 5.5. Темпы прироста (снижения) объемов кредитов физическим лицам по РФ и ДФО, %

Возвратность рублевых кредитов населением в ДФО традиционно ниже (на 10–40%), а валютных – выше (в 1,4–1,8 раза), чем в среднем по России. Высокая величина просроченной задолженности по рублевым кредитам, превышающая нормативно критический уровень в 5%, отмечалась в Республике Бурятия (8,1%) Забайкальском крае (6,6%), ЕАО и Амурской области (5,6 и 5,4% соответственно). Наибольшая величина просроченной задолженности по валютным кредитам была в Амурской области и Республике Бурятия – 81,8 и 77,8% соответственно, наименьшая – в Забайкальском крае и Магаданской области (по 12,5%), что позволило им войти в десятку лидеров с наименьшей долей просроченной задолженности. Доля кредитов, предоставленных населению в иностранной валюте, в последние годы держалась на уровне 0,1–0,3% общего объема.

В объеме предоставленных КФЛ в рублях и иностранной валюте доля ипотечных жилищных кредитов (ИЖК) на начало 2018 и 2019 гг. в ДФО составляла 23 и 25% соответственно (в РФ – 22 и 24%). В 2014–2018 гг. доля ИЖК в структуре портфеля (задолженности по КФЛ) на Дальнем Востоке увеличилась с 25 до 43% (в РФ – с 27 до 43%) (*табл. 5.10*).

В 2018 г. юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям (ЮЛ и ИП) ДФО было предоставлено 1007 млрд руб. банковских кредитов в рублях, иностранной валюте и драгоценных металлах, что составило 2,24% общероссийского объема. Из общего объема предоставленных кредитов основную часть (80%) составляли кредиты в рублях. За 2013–2018 гг. объем кредитов юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям в рублях и валюте по ДФО вырос на 27,2% против 48,8% по РФ, в том числе в рублях – соответственно на 17,1 и 45,3%, в иностранной валюте – соответственно на 93,9 и 83,2% (*рис. 5.6*).

Динамика и структура портфеля розничных кредитов в РФ и ДФО (на начало года)

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019
РФ						
«Нежилищные» кредиты, трлн руб.	7,2	7,6	6,6	6,2	6,9	8,4
ИЖК, трлн руб.	2,6	3,5	4,0	4,5	5,2	6,4
Доля ИЖК в портфеле, %	27,0	31,0	37,0	42,0	43,0	43,0
ДФО						
«Нежилищные» кредиты, млрд руб.	381,0	395,0	333,0	319,0	351,0	429,0
ИЖК, млрд руб.	130,0	177,0	204,0	231,0	265,0	321,0
Доля ИЖК в портфеле, %	25,0	31,0	38,0	42,0	43,0	43,0

Источник: рассчитано по данным ЦБ РФ.

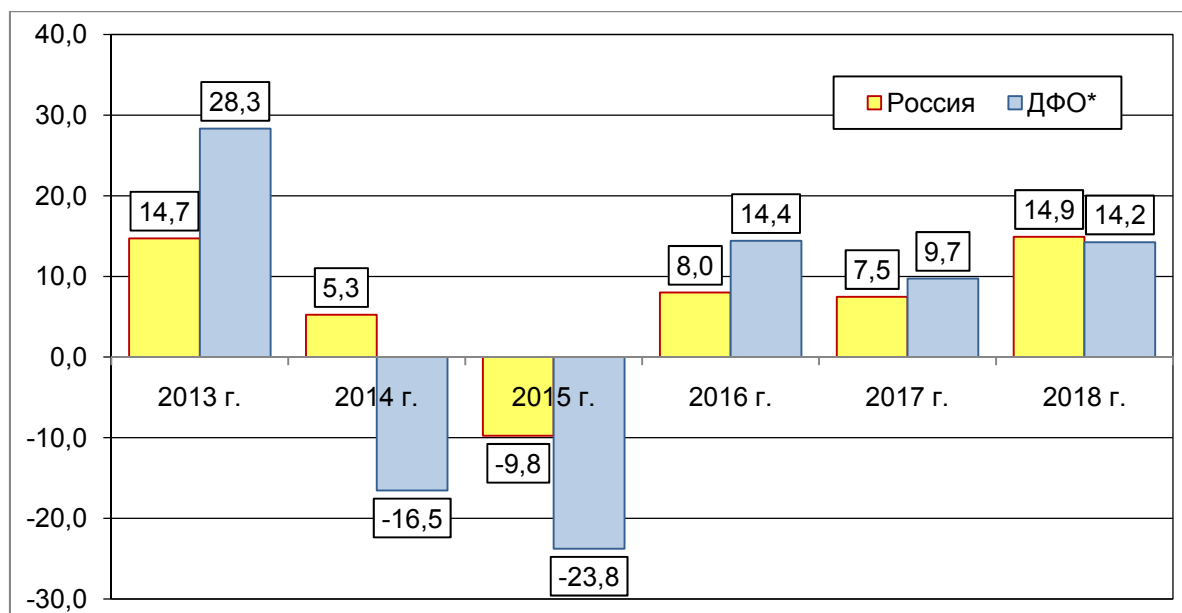

Рис. 5.6. Темп прироста объема рублевых кредитов, предоставленных юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, %

Примечание. * ДФО в старых границах

Территориальное распределение предоставленных рублевых кредитов отличалось крайней неустойчивостью по годам. Например, доля заемщиков Приморского края сократилась за анализируемые годы на 12,6 п. п. за счет резкого падения долевого показателя в рублях, доля заемщиков Хабаровского края выросла на 3,8 п. п. за счет увеличения долевого рублевого показателя на 5,4 п. п., а заемщиков Магаданской области – на 6,9 п. п. Особенно неустойчивой была территориальная структура валют-

ных кредитов. Так, например, доля заемщиков Якутии в анализируемом периоде варьировала от 28 до 78%, Камчатского края – от 0,3 до 12%, Приморского края – от 2,5 до 36,5%, Хабаровского края – от 9,3 до 36,6%, Магаданской области – от 0,3 до 27,8%.

Несмотря на ломаную динамику (резкие подъемы и спады), в целом за анализируемый период объемы кредитования юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в рублях в большинстве регионов ДФО выросли, варьируя от 103,2–115,6% в Камчатском крае, Амурской области, ЕАО и ЧАО до 142–145% в Якутии, Хабаровском крае и Сахалинской области и 210,7% в Магаданской области. Снижение объемов кредитования юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям наблюдалось только в Приморском крае (на 13%). Индексы роста объемов кредитов в иностранной валюте при среднем по ДФО 1,9 раза варьировали в пределах 1,1–1,9 раза в Якутии и Хабаровском крае, до 3,6 и 7,3 раза в Сахалинской области и Камчатском крае и 44–48 раз в Магаданской области и ЧАО.

В 2018 г. 34% вновь предоставленных кредитов юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям в рублях в ДФО приходилось на заемщиков – субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП). Это соответствовало второму месту среди федеральных округов РФ; выше был только показатель СКФО – 46,9%. В валютных кредитах доля МСП гораздо ниже (2%) и соответствует лишь шестому месту среди федеральных округов РФ (в среднем по РФ – 2,8%).

Особенно высокой долей заемщиков – субъектов малого и среднего предпринимательства среди дальневосточных регионов отличались:

- по рублевым кредитам – ЕАО (4-е место в нисходящем ранжированном ряду субъектов РФ с показателем 84%), Амурская и Сахалинская области (22-е и 23-е места соответственно), Камчатский (25-е место) и Приморский (34-е место) края;

- по валютным кредитам – Приморский край (9-е место с показателем 22,2%) и Чукотский АО (19-е место и 6%).

Доля заемщиков – индивидуальных предпринимателей в совокупном объеме вновь предоставленных рублевых кредитов юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям в целом по РФ малозаметна (1,3%), а в ДФО составляет 5% (второе место после СКФО с показателем 7,2%), в объеме кредитов в иностранной валюте – практически незаметна по РФ и отсутствует в ДФО. Среди дальневосточных регионов значительным удельным весом заемщиков – индивидуальных предпринимателей в совокупных рублевых кредитах юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям отличаются только ЕАО (1-е место с показателем 39,1%) и Амурская область (10-е место и 12,3%), в остальных регионах ДФО их доля – менее 10%.

Распределение объемов кредитов юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям связано с региональной структурой экономики. На повышенную долю добычи полезных ископаемых (ДПИ) в структуре кредитования юридических лиц по ДФО (7,6% против 4,2% по РФ) повлияли, прежде всего, высокие объемы кредитования

в Якутии, Магаданской и Сахалинской областях (83%). Более половины кредитов по ВЭД «Обрабатывающая промышленность» предоставляется заемщикам Хабаровского края; по ВЭД «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» – заемщикам Якутии, Хабаровского и Приморского краев (73% общерегионального объема вновь предоставленных кредитов ЮЛ и ИП); в строительстве – Хабаровского и Приморского краев, Якутии, Сахалинской и Амурской областей; в кредитовании транспорта и связи – Приморского края, Якутии и Хабаровского края (85%); в кредитовании торговли – Приморского и Хабаровского краев, Якутии и Магаданской области (табл. 5.11).

Таблица 5.11

Объем кредитов, предоставленных юридическим лицам – резидентам и индивидуальным предпринимателям в рублях по видам экономической деятельности и отдельным направлениям использования средств, на 1.01.19, млн руб.

Территория	Всего	ДПИ	ОП	ПРЭГВ	С/х	Строит.	Тр-т и связь	Торг.
РФ	40014578	1663877	6074288	1842135	1174980	1521404	2193971	8775770
ДФО	805898	61371	107966	87553	20409	44729	33155	219446
Республика Саха (Якутия)	124224	20786	5395	27984	542	8007	7954	15348
Камчатский край	35850	1925	2598	5359	466	1447	742	5369
Приморский край	255689	239	35637	13019	6068	8216	12468	92070
Хабаровский край	223684	2030	54763	23227	4612	11912	7728	66495
Амурская область	57531	4764	7551	9602	8172	6111	609	9454
Магаданская область	38898	16737	388	4329	52	502	425	14235
Сахалинская область	55217	13433	1057	2582	309	6533	2748	10311
ЕАО	2921	74	373	156	104	49	18	341
ЧАО	11884	1383	204	1295	84	1952	463	5823

Примечание: ДПИ – добыча полезных ископаемых, ОП – обрабатывающие производства, ПРЭГВ – производство и распределение электроэнергии, газа и воды; С/х – сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; Строит. – строительство; Тр-т и связь – транспорт и связь; Торг. – оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования.

Источник: Сведения о размещенных и привлеченных средствах / Центральный Банк России. 2019.

Кредитование в обрабатывающем секторе дифференцировано по территориям и продуктовой направленности. Так, основной объем кредитования производства пищевых продуктов сосредоточен в Приморском крае и Амурской области (на их долю приходится 75% общего объема кредитов по ДФО), производства кокса и нефтепродуктов – в Хабаровском крае (100% общерегионального объема), производства прочих неметаллических минеральных продуктов – в Якутии и Приморском крае (88%), металлургического производства – в Приморском и Хабаровском краях (98%); производства транспортных средств и оборудования – так же в Приморском и Хабаровском краях (98%).

Структура корпоративного и индивидуально-предпринимательского кредитования на Дальнем Востоке отличается характерными особенностями:

1) повышенным удельным весом добычи полезных ископаемых (но в отличие от других восточных макрорегионов – более низким удельным весом кредитования добычи топливно-энергетических ресурсов), производство и распределение электроэнергии, газа и воды, строительства, транспорта и связи (доля выше только в Центральном и Северо-Западном федеральных округах) и торговли (доля выше только в Северо-Западном и Южном федеральных округах);

2) пониженным удельным весом обрабатывающей промышленности (доля ниже только в Центральном федеральном округе) и сельского/лесного хозяйства (ниже доля этого ВЭД только в Северо-Западном федеральном округе).

В структуре кредитов юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям ДФО наибольший удельный вес имели торговля (27,2%), обрабатывающая промышленность (13,4%), производство и распределение электроэнергии, газа и воды (10,9%), добыча полезных ископаемых (7,6%) и строительство (5,6%). Структура кредитов в обрабатывающей промышленности – производство кокса и нефтепродуктов (34,6%), пищевых продуктов (29,6%) и производства транспортных средств и оборудования (12,9%). Динамика кредитования в этих отраслях влияла на общую динамику объема кредитования корпоративного сектора экономики ДФО, по темпам роста которого регион занимал 2-е место после Центрального ФО. Прослеживались следующие тенденции: повышенная динамика кредитования производство и распределение электроэнергии, газа и воды (на 36,6%; в Якутии, Хабаровском крае, Амурской области и ЕАО), строительства (на 26%; в Якутии, Камчатском и Хабаровском краях и Магаданской области) и торговли (на 23,4%; в Приморском и Хабаровском краях, Амурской и Сахалинской областях); отрицательная динамика кредитования обрабатывающей промышленности в целом (в основном, в Камчатском и Приморском краях), в том числе пищевых продуктов (в Хабаровском, Приморском краях и Магаданской области), производства транспортных средств и оборудования (во всех краях и в Амурской области). Отрицательная динамика кредитования транспорта и связи (в Камчатском и Приморском краях) и прочих ВЭД (в Камчатском и Хабаровском краях и Амурской области) так же отразилась на темпах роста совокупных кредитов юридическим лицам. Вместе с тем, на росте корпоративного кредитования в целом по ДФО сказался рост показателей в производстве прочих неметаллических мине-

ральных продуктов (на 32,5%; в Якутии, Амурской области и ЕАО) и в металлургическом производстве (в 3,6 раза; в Хабаровском крае).

Основной объем валютных кредитов юридическим лицам идет заемщикам, занятым в добыче полезных ископаемых (в целом по ДФО – 74,8%, в том числе в Хабаровском крае – 46,6%, в Сахалинской области в добыче топливно-энергетических полезных ископаемых – 72,9%, в Якутии и Магаданской области – по 98%, в Камчатском крае – 5,6% и в Чукотском АО – 100%).

На долю заемщиков, связанных с обрабатывающим сектором, приходится 7,7% общих валютных кредитов, из которых около 60% приходится на Хабаровский и Приморский края. В структуре кредитов юридическим лицам 77,1% приходится на обработку древесины и производство изделий из дерева (в том числе 100% – в Хабаровском крае и 16,9% в Приморском крае) и 9,1% идет в производство пищевых продуктов (все – в Камчатском крае, где они занимают 100%).

За 2018 г. объем валютного кредитования юридических лиц в ДФО вырос на 45% против 37% в целом по РФ, в том числе в добыче полезных ископаемых – почти в два раза, обрабатывающей промышленности – почти в три раза, в том числе производства пищевых продуктов – в 8,6 раза, обработки древесины – в 6,5 раза, сельского хозяйства, охоты и предоставления услуг в этих областях – почти в 13 раз, торговли – в 3,2 раза. При этом существенно сократились объемы валютного кредитования топливно-энергетических полезных ископаемых (в два раза), лесного хозяйства (в три раза), транспорта и связи (в девять раз) и операций с недвижимостью (в два раза).

Анализ уровня возвратности корпоративных кредитов на начало 2019 г. показал, что особенно высокой долей просроченной задолженности по рублевым средствам отличались кредиты в обрабатывающие производства (6,8% против 6,7% по РФ – за счет Якутии, Хабаровского края, ЕАО, Сахалинской и, особенно, Магаданской области, где просрочка варьировала от 12 до 46%), в том числе в металлургическое производство (65,3% против 5,3% по РФ), производство машин и оборудования (30,5 против 5,4%), в сельское и, особенно, в лесное хозяйство (14,4 против 8,4%), в строительство (18,1 против 20,5) и торговлю (7,8 и 11,6%). Чрезвычайно высока просрочка по кредитам в производство пищевых продуктов в Сахалинской и Магаданской областях и ЕАО (от 33 до 77%), в обработку древесины и производства изделий из дерева в Амурской области и Камчатском крае (соответственно 67 и 100%), в добычу полезных ископаемых в Камчатском крае (100%), в металлургическое производство в Магаданской области (100%), в Камчатском, Приморском и Хабаровском краях (от 25% до 72%), в производство машин и оборудования в Якутии (100%) и Приморском крае (83%), в производство транспортных средств и оборудования в Камчатском крае (47%), в сельском и лесном хозяйстве в Якутии (34%), Приморском и Хабаровском краях (14 и 29% соответственно) и ЕАО (32%), в строительство в Камчатском, Приморском и Хабаровском краях, в Амурской и Сахалинской областях (от 11 до 28%), в транспорт и связь в Амурской области (11%) и ЕАО (23%) и т.д. Между тем, высокие уровни просрочки по отдельным ВЭД

сказались на повышенном ее уровне в целом по кредитам юридическим лицам только в Приморском крае (6,6%), Хабаровском крае (10,4%), Сахалинской области (5,1%) и ЕАО (13,7%), потому что эти отрасли ВЭД играют здесь большую роль по сравнению с другими регионами ДФО.

По валютным кредитам юридических лиц и индивидуальных предпринимателей ДФО уровень просрочки довольно низкий – 5,6%, хотя и превышает среднероссийский уровень в 1,8 раза, исключительно вследствие низкой возвратности кредитов в лесном хозяйстве Хабаровского края (66%) при доле данных кредитов в общем объеме кредитной задолженности юридических лиц по ДФО в 17,4%. Из-за этого низкого показателя и общий уровень просроченной задолженности по совокупным кредитам юридическим лицам Хабаровского края оказался самым высоким среди регионов ДФО (27%). В Приморском крае 100%-ая просрочка по ВЭД «Строительство», однако как объемы самой кредитной задолженности, так и ее просроченной составляющей по данному ВЭД крайне малы и не повлияли на уровень возвратности совокупных кредитов юридическим лицам края, который оказался очень высоким (доля просроченной задолженности всего 0,1%).

По объему и доле в накопленной кредитной задолженности юридических лиц в иностранной валюте ДФО занимал предпоследнее, 7-е место среди округов РФ (3,0%), выделяясь высокой долей кредитования добычи полезных ископаемых (9,6%), в том числе топливно-энергетических полезных ископаемых (4,4%), обработки древесины и производства изделий из дерева (8,1%), производства кокса и нефтепродуктов (7,2%), производства транспортных средств и оборудования (5,1%), производство и распределение электроэнергии, газа и воды (4,8%) и транспорта и связи (4,1%).

При этом весьма динамичный рост корпоративного кредитования, по мнению экспертов ЦБ РФ, не был лимитирован низкой доступностью кредитов (их высокой стоимостью, наоборот, они констатировали нормализацию ситуации с доступностью кредитов): этот фактор не входит в топ-3 отрицательных факторов, таких, как слабый спрос, экономическая неопределенность и чрезмерное налогообложение.

Привлеченные средства юридических и физических лиц, индивидуальных предпринимателей

По объему средств клиентов, привлеченных кредитными организациями, ДФО занимал на протяжении всего анализируемого периода 7-е место среди федеральных округов. На начало 2019 г. объем средств в рублях, иностранной валюте и драгоценных металлах, привлеченных кредитными организациями на территории региона, составил около 1,6 трлн руб. (2,7% их совокупного объема по РФ), в том числе в рублях – 1,4 трлн руб. (3,2%), в иностранной валюте и драгметаллах – 199,6 млрд руб. (1,2%).

Темпы роста совокупных привлеченных средств РФ и ДФО за анализируемый период были примерно одинаковыми, за исключением 2015–2016 гг., когда разница в темпах роста достигала 11–12 п. п. В 2017–2018 гг. темпы роста привлеченных средств по ДФО заметно замедлились. Рублевые привлеченные средства росли довольно дина-

мично (кроме падения в 2015 г.) с вариацией от 108 до 123%. Динамика валютных привлеченных средств по ДФО была очень неравномерной, начиная с незначительного сокращения в 2013 г. (на 6%), роста более чем в 2,5 раза в 2014 г. и почти в 1,9 раза в 2015 г. и кончая глубоким спадом на 26 и 34 п. п. соответственно в 2016–2017 гг. В 2018 г. валютные средства клиентов росли с ускорением по сравнению с общероссийскими с разницей в 16,8 п. п. (что в определенной мере связано с эффектом низкой базы). В целом за анализируемый период объем рублевых привлеченных средств вырос как в целом по РФ, так и в ДФО в 1,9 раза, валютных – соответственно в 2,2 и 2,8 раза.

Доля валютных привлеченных средств в их совокупном объеме по ДФО варьировала по годам от 7,1 до 23%. Исторический максимум уровня «валютизации» привлеченных средств, так же как и в целом по РФ, пришелся на начало 2016 г., а на начало 2019 г. составил 12,5% (РФ – 27%).

На начало 2019 г. более 2/3 совокупных (рублевых и валютных) средств привлекалось с территории Приморского и Хабаровского краев и Сахалинской области. По сравнению с 2013 г. повысилась доля клиентов Приморского края (с 34 до 41%) и Амурской области (с 4,7 до 8,3%) в общерегиональном объеме привлеченных валютных средств, доля Сахалинской области в рублевых и совокупных средствах (с 11 до 15–16%) и снизилась доля клиентов Хабаровского края по всем видам привлеченных средств (с 25 до 20–21%) и Магаданской области, особенно в валютных средствах по ДФО (с 10 до 3,7%).

В структуре привлеченных средств в ДФО средства на счетах госорганизаций занимают незначительный удельный вес – всего 2,4% в рублях и 0,2% в иностранной валюте, негосударственных организаций – соответственно 11,5 и 16,6%; депозиты юридических лиц без учета средств индивидуальных предпринимателей – 14,5% в рублях и 19,7% в иностранной валюте; вклады (депозиты) физических лиц – 67,7 и 60% соответственно. Таким образом, доля всех средств организаций на счетах (т. е. практически «бесплатных» средств) составляет 13,8% в рублях и 16,8% в валюте, а доля «платных» средств (депозитов юридических лиц и вкладов/депозитов физических лиц) – соответственно 82,2 и 79,7%. При этом доля средств негосударственных организаций в структуре «бесплатных» средств составляет 82,9% в рублях и 98,8% в валюте, доля всех средств юридических лиц (средства на счетах и депозиты) – 28,5% в рублях и 36,4% в валюте.

Таким образом, основу привлеченных средств составляют вклады (депозиты) населения; доля «платных» средств гораздо выше нежели «бесплатных»; юридические лица держат свои средства, по большей части, на депозитах, особенно, в иностранной валюте; львиную долю средств организаций на счетах составляют средства негосударственных организаций, в том числе в иностранной валюте – 100% или почти 100% (в целом по региону, в Камчатском крае, Сахалинской области, ЕАО и ЧАО).

Структура привлеченных средств ДФО отличается рядом особенностей:

- пониженным удельным весом депозитов юридических лиц по сравнению с РФ в целом (в 1,9 раза ниже в рублях и в 1,8 раза – в иностранной валюте);

- повышенным удельным весом вкладов (депозитов) населения – соответственно в 1,3 и 1,6 раза выше, чем по РФ в целом.

Структуры привлеченных средств в отдельных регионах ДФО крайне дифференцированы:

- по доле негосударственных организаций в объеме валютных средств на счетах кредитных организаций выделяются, обуславливая и несколько повышенный показатель в целом по региону, Камчатский край (42%), а по удельному весу «платных» средств в рублях – повышенные показатели Хабаровского края, Амурской и Магаданской областей и ЕАО, где они составляют 84–90% при средней по России 78%, в иностранной валюте – повышенные показатели Якутии, Хабаровского края, Магаданской области и ЕАО, составляющие 87–94% при средней по РФ 73%;

- заметно пониженные показатели ДФО по удельному весу депозитов юридических лиц «обязаны» низким показателям всех краев, Амурской области и ЧАО (11–16% при средней по РФ 35%), и, наоборот, повышенным удельным весом «платных» средств организаций отличаются Якутия (44% валютных депозитов), Магаданская область (20% в рублях и 45% в валюте), Сахалинская область (соответственно 30 и 36%) и ЕАО (доля валютных депозитов – 38%);

- повышенные показатели ДФО по удельному весу вкладов (депозитов) физических лиц «обязаны» Камчатскому краю (доля в рублях – 72% при средней по России в 51%), Приморскому и Хабаровскому краям (69–78% в рублях и 71–76% в иностранной валюте), Амурской области (73% в рублях), ЕАО и ЧАО (соответственно 88 и 79% в рублях). При этом крайне низкий удельный вес вкладов физических лиц в структуре привлеченных средств наблюдался в Сахалинской области (48 и 46% в рублях и валюте соответственно), в Камчатском крае (40% в валюте), в Амурской области (34% в валюте), в Магаданской области (49% в валюте).

В объеме следующих видов привлеченных средств ряд дальневосточных регионов вошли в топ-30 среди субъектов РФ (в скобках позиции регионов в рейтинге):

- средства клиентов в рублях – Приморский (16) и Хабаровский (24) края, в иностранной валюте – Приморский (16), Хабаровский (27) края и Сахалинская область (25);

- средства на счетах государственных организаций в рублях – Приморский край (12), Сахалинская область (13), Якутия (20) и Хабаровский край (28); в иностранной валюте – Приморский (12) и Хабаровский (29) края и Якутия (17);

- средства на счетах негосударственных организаций в рублях – Приморский (15) и Хабаровский (22) края и Сахалинская область (23); в иностранной валюте – Приморский (12), Камчатский (19) и Хабаровский (30) края и Сахалинская область (24);

- депозиты юридических лиц в рублях/в иностранной валюте – Сахалинская область (13/19), Приморский край (19/20) и Якутия (30/30);

- вклады (депозиты) ФЛ в рублях/в иностранной валюте – Приморский (16/11) и Хабаровский (23/26) края.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эта книга продолжает серию публикаций по проблемам социально-экономического развития крупнейшего макрорегиона страны – Дальневосточного федерального округа. Авторы надеются, что представленная монография вызвала интерес у читателей, в сферу деятельности которых входит понимание и изучение процессов и явлений, происходящих в крупных макроэкономических системах. О том, в какой степени удалось выполнить поставленную перед собой задачу по интерпретации основных факторов и условий экономической динамики макрорегиона в период 2013–2018 гг., судить читателю. Авторы постарались представить свое видение динамических процессов, происходящих в отдельных производственных и инфраструктурных отраслях и сферах деятельности в предположении о том, что на региональную динамику оказывают влияние как закономерности и процессы, протекающие в национальной и мировой экономике, так и внутрирегиональные особенности, условия, факторы производства.

Для национальной экономики период 2013–2018 гг. характеризовался адаптацией как к внешним вызовам, обусловленными низкими ценами на экспортное сырье, девальвацией национальной валюты, финансовыми и технологическими санкциями, так и к внутренним проблемам, связанными с низким уровнем инвестиционных мотиваций, внутреннего спроса, производительности труда и др. На экономические пропорции Дальнего Востока оказывали влияние те же негативные факторы, что и на национальную экономику, но проявление их в отдельных сферах деятельности было обусловлено как многолетними региональными трендами и пропорциями, так и структурными особенностями экономики. Авторы постарались представить свое видение краткосрочной динамики на региональном уровне применительно к российскому Дальнему Востоку с выделением характерных особенностей в основных производственных и инфраструктурных секторах экономики, внешнеэкономической деятельности, финансовой и социальной сфере, благосостояния населения.

Рассмотрение реакций национальной и региональных экономик на проявление кризисных шоков по основным макроэкономическим параметрам позволило показать, что характеристики динамики на уровне регионов, сохраняя общую закономерность, имеют в ряде случаев существенные различия в зависимости от пространственного распределения факторов производства и институциональных решений. Авторы попытались показать, что существуют специфические характеристики, определяющие дина-

мические процессы в экономике в краткосрочном периоде, которые могут стать фундаментом для создания новой экономической и социальной системы.

Как уже отмечалось, одной из главных задач мониторинга является создание надежной и объективной базы для выработки государственной политики регулирования территориального развития и определения ее приоритетов. В период «сжатия» информационной базы данных в рамках агрегирования объектов статистического наблюдения и отчетности аналитические исследования и экспертные оценки приобретают особое значение и актуальность. Эта книга – одно из приглашений к дискуссии и новым исследованиям в рамках мониторинга экономических и социальных процессов крупных макросистем. Авторы будут признательны за любые аргументированные замечания, пожелания, советы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Дальтрансуголь» достиг мощности в 30 млн тонн угля в год // Бизнес-газета «Дальний Восток». 2017. 25 мая.
2. 44% жителей Дальнего Востока хотят покинуть регион // REGNUM. 2019. 1 июля. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2657270.html> (дата обращения: 10.07.2019)
3. Wood Resources International: в 2015 г. Китай увеличил импорт российских пиломатериалов на 20% // Lesprom Network. 2016. 11 марта. URL: <http://www.lesprom.com/ru/news/72397> (дата обращения: 12.03.2019).
4. Аганбегян А.Г. Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных проектов // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 3. С. 165–187. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2019.3.165-181>
5. Аграрный сектор Дальнего Востока: проблемы и перспективы развития / под общ. ред. А.С. Шелепы. Хабаровск: ГНУ ДВНИИЭОП АПК Россельхозакадемии, 2013. 212 с.
6. Антонова Н.Е. Лесной комплекс Дальнего Востока: есть ли задел под будущее развитие? // ЭКО. 2019. № 4. С. 27–47.
7. Антонова Н.Е. Трансформация лесного комплекса за годы российских реформ: дальневосточный срез // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 83–106. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2017.3.083-106>
8. Ассоциация морских торговых портов. URL: <http://www.morport.com/> (дата обращения: 15.07.2019).
9. Афанасьев Р.С., Богданов Л.Н., Гулидов Р.В., Леонов С.Н. «Модельные» бюджеты: последствия для субъектов Российской Федерации // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 1. С. 132–156. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2019.1.132-156>
10. Белоусова А.В. Региональный вывоз в экономике Хабаровского края: шоки и эффекты / отв. ред. А.П. Горюнов; Институт экономических исследований. Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2011. 128 с.
11. Благородные металлы Дальнего Востока и Байкальского региона. Бизнес-справочник «Дальний Восток». 2018. № 2 (55). 112 с.
12. Буздалов И., Фрумкин Б. Современное положение в российском сельском хозяйстве и новые требования к аграрной политике // Общество и экономика. 2014. № 7–8. С. 100–124.
13. Буздалов И.Н. России нужна новая аграрная политика // Экономическая наука современной России. 2015. № 4 (71). С. 73.
14. В Приморье занижали прожиточный минимум пенсионерам // PrimaMedia. 2019. 28 февраля. URL: <https://primamedia.ru/news/790987/> (дата обращения: 12.07.2019).
15. В России ускорилось сокращение населения // MAIL.RU. 2019. URL: <https://news.mail.ru/society/38009385/?frommail=1> (дата обращения: 18.07.2019).
16. Валиуллин Х.Х., Шакирова Э.Р. Иностраннные инвестиции в регионы России и Китая // Проблемы прогнозирования. 2004. № 5. С.101–115.
17. Вардомский Л.Б. Об азиатском векторе трансформации экономического пространства России // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России. М.: Кодекс, 2016. С. 539–556.
18. Васильева О. Производительность сельскохозяйственных предприятий и их участие в агрохолдингах на Дальнем Востоке России // Вопросы экономики. 2017. № 8. С. 104–120. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-8-104-120>

19. Вишнеvский Д.С., Демьяненко А.Н. Макроэкономическое зонирование как метод регионального стратегического анализа: Дальний Восток России // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 6–31. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2010.4.006-031>
20. Власюк Л.И., Редько В.В. Факторы роста экономики Дальнего Востока в 2000–2007 гг. // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 32–41. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2010.4.032-041>
21. Внешняя торговля ДФО / Дальневосточное таможенное управление ФТС России. 2013–2018. URL: <http://dvtu.customs.ru/index.php> (дата обращения: 15.06.2019).
22. Внешняя торговля России / RUSSIAN-TRADE.COM. 2019. URL: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2018-03/dinamika-vneshney-torgovli-rossii-v-2010-2017-godah/> (дата обращения: 01.03.2019).
23. Во Владивостоке проходит форум «Агро Дальний Восток и Сибирь. 2017» // Ежедневные Новости Владивостока. 2017. 5 декабря. URL: <http://novostivl.ru/msg/23583.htm/> (дата обращения: 27.04.2017).
24. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Поляризация или улучшение? Эволюция структуры рабочих мест в России в 2000-е годы // Мобильность и стабильность на российском рынке труда. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. С. 58–120.
25. Голубев А. Импортзамещение на агропродовольственном рынке России: намерения и возможности // Вопросы экономики. 2016. № 3. С. 46–62.
26. Голяшев А.В., Григорьев Л.М., Лобанова А.А., Павлюшина В.А. Особенности выхода из рецессии: доходы населения и инфляция // Пространственная экономика. 2017. № 1. С. 99–124. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2017.1.099-124>.
27. Григорьева Е. Почему экономят на работающих пенсионерах? // Аргументы и факты. 2019. 3–9 июля. № 27.
28. Гумеров Р. Агропродовольственная политика: как реализовать смену парадигм (концептуальные соображения по реформированию системы управления АПК России) // Российский экономический журнал. 2015. № 2. С. 66–83.
29. Дальневосточный федеральный округ. 2017: стат. сб. / Хабаровскстат. Хабаровск, 2018. 227 с.
30. Дальний Восток входит в моду у ритейлеров // Магазин Магазинов. 2017. 17 апреля. URL: <http://www.magazinmagazinov.ru/knowledge/analitika-i-issledovaniya/dalniy-vostok-vkhodit-v-modu-u-riteylerov/> (дата обращения: 21.07.2019).
31. Дальний Восток нищает быстрее других регионов // Независимая газета. 2017. 9 февраля. URL: http://www.ng.ru/economics/2017-02-09/1_6924_vostok.html (дата обращения: 28.07.2019).
32. Дальний Восток получит 14,5 млрд рублей на реконструкцию аэропортов / Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики. URL: https://minvr.ru/press-center/news/11831/?sphrase_id=272824 (дата обращения: 13.07.2019).
33. Данные по формам статистической налоговой отчетности / Федеральная налоговая служба России. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 25.07.2019).
34. Дементьев Н.П. Прямые инвестиции из-за рубежа: оценки на основе данных Банка России и Евростата // Российский экономический журнал. 2017. № 2. С. 56–69.
35. Дементьев Н.П. Прямые иностранные инвестиции в российской экономике: движение по кругу // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2017. № 1. С. 251–255.
36. Демиденко О. Не дожить: у дальневосточников не осталось больше иллюзий по поводу пенсии // REGNUM. 2018. 15 июня. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2431688/html> (дата обращения: 02.07.2018).

37. Дёмина О.В. Российские энергоресурсы на рынках стран АТР: развитие экспортной инфраструктуры // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 4. С. 21–30. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2015.4>
38. Дёмина Я.В., Мазитова М.Г. Развитие Дальнего Востока России в условиях интенсификации интеграционных процессов в АТР // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 4. С. 41–54. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2018.4>
39. Демографическое настоящее и будущее России / под ред. В.Ф. Колбанова, Л.Л. Рыбаковского. М.: Экон-информ, 2012. 417 с.
40. Демьяненко А.Н. Дальний Восток: между Империей и СССР // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 1. С. 5–18. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2018.1.5>
41. Демьяненко А.Н. О декомпозиции экономического пространства в пределах Дальневосточного макрорегиона // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 2. С. 5–20. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2018.2.5>
42. Демьяненко А.Н. Российский Дальний Восток: становление экономического макрорегиона // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 5. С. 5–19. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2017.5>
43. Демьяненко А.Н. Сколько столиц нужно Дальнему Востоку? // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 5. С. 5–11. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2018.5>
44. Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Экономическое пространство Дальнего Востока России: посткризисная динамика и экономическая безопасность // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 5. С. 25–32. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2018.5.25>
45. Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Экономическое пространство Дальневосточного Севера // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 3. С. 6–29. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2014.3>
46. Дерюгин А.Н. Бюджеты регионов в 2018 г.: лучшие итоги десятилетия // Экономическое развитие России. 2019. Т. 26. № 3. С. 56–62.
47. Добыча золота и серебра на Чукотке сократилась в 2018 году // Вести.Экономика. 2019. 14 января. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/113006> (дата обращения: 23.03.2019).
48. Доклад о целях и задачах Минпромторга России на 2017 год и основных результатах деятельности за 2016 год / Минпромторг России. 2017. 208 с. URL: http://minpromtorg.gov.ru/common/upload/files/Minpromtorg_blok_15.03_final_for_web.pdf (дата обращения: 20.02.2019).
49. Доля автомобильных дорог общего пользования, отвечающих нормативным требованиям на конец года местного значения / ЕМИСС. 2019. URL: <https://fedstat.ru/indicator/50213> (дата обращения: 12.07.2019).
50. Доля автомобильных дорог общего пользования, отвечающих нормативным требованиям на конец года регионального или межмуниципального значения / ЕМИСС. 2019. URL: <https://fedstat.ru/indicator/50215> (дата обращения: 12.07.2019).
51. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйства в 2013–2018 гг. / ФСТС. 2019. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b18_102/Main.htm; <https://gks.ru/folder/13397> (дата обращения: 30.06.2019).
52. Доценко И. Китайский бизнес по-новому открывает Дальний Восток // Российская газета. 2017. 29 декабря. URL: <https://rg.ru/2017/12/29/kitajskij-biznes-po-novomu-otkryvaet-dalnij-vostok.html> (дата обращения: 11.08.2019).
53. ЕАЭСД / НИУ ВШЭ. URL: <http://sophist.hse.ru/rstat/> (дата обращения: 12.07.2019).
54. Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 г. – ноябрь 2018 г. / под ред. Т.М. Малевой; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2018. 68 с. URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2018-12/19-12-2018-monitoring.pdf> (дата обращения: 12.04.2019).

55. Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь – декабрь 2014 года / ФСГС. 2015. URL: https://www.gks.ru/free_doc/2014/demo/edn12-14.htm (дата обращения: 01.07.2019).
56. Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь-декабрь 2018 года / ФСГС. 2019. URL: https://www.gks.ru/free_doc/2018/demo/edn11-18.htm (дата обращения: 01.07.2019).
57. Есть идея! // Аргументы и факты. Приложение «Дальинформ». 2019. 20–26 марта.
58. Желаемый размер пенсии – 40 тысяч рублей // Тихоокеанская звезда. 2018. 24 октября.
59. Золотодобытчики Магаданской области добыли 36,8 тонн металла // Золото и технологии. 2019. 16 января. URL: <http://zolteh.ru/news/zolotodobytchiki-magadanskoj-oblasti-dobyli-36-8-tonn-metalla/> (дата обращения: 18.05.2019).
60. Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1966. 661 с.
61. Изотов Д.А. Дальний Восток: новации в государственной политике // ЭКО. 2017. № 4. С. 27–44.
62. Изотов Д.А., Суслов Д.В. Инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока России со странами СВА: попытка активизации в конце 2000-х гг. // Россия и АТР. 2011. № 2. С. 113–128.
63. Инвестиционные проекты / Фонд развития Дальнего Востока. URL: https://www.fondvostok.ru/projects/investment_projects/ (дата обращения: 25.07.2019).
64. Инвестиционный климат России 2012: опрос существующих и потенциальных инвесторов / Консультативный совет по иностранным инвестициям. 2012. 28 с. URL: <https://fiac.ru/pdf/Russia's%20Investment%20Climate%202012%20ru.pdf> (дата обращения: 23.08.2019).
65. Индексы тарифов на грузовые перевозки / ЕМИСС. 2019. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31076> (дата обращения: 10.07.2019).
66. Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации / ФСГС. 2019. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1246601078438 (дата обращения: 15.06.2019).
67. Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов РФ в январе – августе 2016 г. / ФСГС. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1246601078438 (дата обращения: 14.06.2019).
68. Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов РФ в январе – июле 2019 г. / ФСГС. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1246601078438 (дата обращения: 14.06.2019).
69. Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда / Федеральное казначейство. 2019. URL: <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/> (дата обращения: 14.06.2019).
70. Исаев А. Г. Территории опережающего развития. Новый инструмент региональной экономической политики // ЭКО. 2017. № 4. С. 61–77.
71. Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2013, 2018 / ФСГС. 2018. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766 (дата обращения: 20.06.2019).
72. Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие / под ред. Я.И. Кузьмина, Л.Н. Овчаровой, Л.И. Яковсона; НИУ ВШЭ. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2018. 64 с.

73. Качество жизни в российских регионах / РИА-Рейтинг. 2019. URL: <http://www.riarating.ru/infografika/20190219/630117422.html/> (дата обращения: 12.07.2019).
74. Ким Л.В. Научное обоснование решения продовольственных проблем в Дальневосточном федеральном округе. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского государственного университета, 2016. 120 с.
75. Китайские инвесторы готовы вкладываться в проекты на Дальнем Востоке / Минвостокразвития РФ. 2019. 3 июля. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/21289/> (дата обращения: 23.08.2019).
76. Климова Н.Б. Обеспечение продовольственной безопасности России как стратегическая задача государства // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 2. С. 74–89.
77. Колесникова О.А. О некоторых подходах к оценке напряженности на рынке труда и определению уровня естественной безработицы // Вестник ВГУ. Серия: экономика и управление. 2013. № 1. С. 101–104.
78. Комплексная региональная программа «О развитии лесопромышленного комплекса Хабаровского края до 2020 года»: утверждена распоряжением Правительства Хабаровского края от 12 декабря 2015 г. № 942-рп. URL: https://laws.khv.gov.ru/pdf/%D1%80%D0%BF_00942_12122015_001.pdf?v=0,500587 (дата обращения: 30.10.2019).
79. Коровкин А.Г. Макроэкономическая оценка состояния и перспектив развития сферы занятости и рынка труда в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 1 (37). С. 168–176.
80. Коэффициент напряженности на рынке труда / ЕМИСС. 2019. URL: <https://fedstat.ru/indicator/59028> (дата обращения июнь 2019) ЕМИСС / ФСГС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/59028> (дата обращения июнь 2019).
81. Коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста, браков, разводов за январь – март 2019 г. / ФСГС. 2019. URL: https://www.gks.ru/free_doc/2019/demo/edn03-19.htm/ (дата обращения: 12.07.2019).
82. Кругман П.Р., Обстфельд М. Международная экономика. СПб.: Питер, 2003. 832 с.
83. Кузнецов А.В. Интернационализация российской экономики: инвестиционный аспект. М.: КомКнига, 2007. 288 с.
84. Кузнецова О.В. Иностранные инвестиции в российских регионах: 2000-е годы // Вестник федерального государственного учреждения Государственная регистрационная палата при Министерстве юстиции РФ. 2009. № 1. С. 32–39.
85. Кузнецова О.В. Накопленные иностранные инвестиции в российских регионах: территориальная структура и роль оффшорного капитала // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8. № 6. С. 47–62.
86. Кузнецова О.В. Прямые иностранные инвестиции в российских регионах в условиях санкций // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 3. С.132–142.
87. Кузнецова О.В. Формальная и реальная роль российских регионов в привлечении иностранных инвестиций (по статистике Центробанка) // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика / отв. ред. А.П. Катровский, В.Е.Шувалов, Т.И. Яськова. Смоленск: Универсум, 2016. С. 235–245.
88. Кузнецова О.В., Кузнецов А.В. Системная диагностика экономики региона. М.: ЛЕНАНД, 2016. 232 с.
89. Леонов С.Н. Современное состояние бюджетной системы дальневосточных регионов России // Региональные проблемы. 2001. № 5. С. 62–66.
90. Леонова Ю.Ю. Региональные интересы и факторы инвестиционной активности зарубежных компаний в России. М.: Книжный дом «Либроком», 2015. 200 с.
91. Лесная промышленность: отраслевой аналитический обзор // Экономика Дальнего Востока. 2018. № 16 (апрель). С. 14–19.

92. Льготная ипотека под два процента – что думают люди // Тихоокеанская звезда. 2017. 13 июля.
93. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. М.: ИНФРА-М, 1999. XXXIV. 974 с.
94. Максимов З. Узкие места в широкоугольном объективе. Модернизация подходов к морским портам «тонет» в громаде инвестиционных программ РЖД // Vgudok. 2018. 21 марта.
95. Малган Дж. Искусство государственной стратегии: мобилизация власти и знаний по имя всеобщего блага. М.: Институт Гайдара, 2012. 472 с.
96. Малоимущие на Сахалине и Курилах получают дешевые продукты // REGNUM. 2016. 1 декабря. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2212056.html> (дата обращения: 20.02.2018).
97. Матраева Л.В. Распределение прямых иностранных инвестиций в регионы Российской Федерации: проблемы анализа и причины дифференциации. М.: Дашков и К., 2013. 192 с.
98. Методология официального статистического учета прямых инвестиций в Российскую Федерацию и прямых инвестиций из Российской Федерации за рубеж / ЦБ РФ. URL: http://cbr.ru/statistics/credit_statistics/meth-kom-di.pdf (дата обращения: 10.07.2019).
99. Минакир П.А. Исследование экономики Дальнего Востока: 1975–2000 / Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 912 с.
100. Минакир П.А. Новая восточная политика и экономические реалии // Пространственная экономика. 2015. № 2. С. 7–11. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2015.2.007-011>
101. Минакир П.А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 4. С. 1016–1029.
102. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006. 848 с.
103. Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М., Горюнов А.П. Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 43–54. <http://dx.doi.org/10.24866/1998-6785/2018-4/43-54>
104. Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная социально-экономическая динамика. Дальний Восток / Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 304 с.
105. Минакир П.А., Суслов Д.В. Прямые иностранные инвестиции в экономике российского Дальнего Востока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 41–56.
106. Министерство природных ресурсов Хабаровского края. URL: <https://mpr.khabkrai.ru/Deyatelnost/Lesopolzovanie/44> (дата обращения: 17.06.2019).
107. Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ 2015. Доклад № 32 / ИМЭМО РАН. СПб., 2015. 54 с.
108. Мост Благовещенск – Хэйхэ введут в эксплуатацию весной 2020 года // РИА Новости. 2019. 18 января. URL: <https://ria.ru/20190118/1549529000.html> (дата обращения: 10.06.2019).
109. Мотрич Е.Л. Демографический барометр Дальнего Востока России // Национальные демографические приоритеты: подходы и меры реализации. Серия «Демография. Социология. Экономика». Т. 5. № 4 / под ред. С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской. М.: Изд-во Экон-Информ, 2019. С. 459–463.
110. Мотрич Е.Л. Население стран Северо-Восточной Азии: настоящее и будущее // Устойчивое развитие дальневосточных районов: эколого-географические аспекты. Владивосток: Дальнаука, 1999. С. 240–247.

111. Мотрич Е.Л., Молодковец Л.А. О формировании населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 53–69. <http://dx.doi.org/10.15838/esc.2019.1.61.3>
112. Мун Д.Е. Оценивание интенсивных факторов экономического роста Хабаровского края // Пространственная экономика. 2007. № 1. С. 159–171. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2007.1.159-171>
113. На Дальний Восток будут заманивать льготами и гектарами // Амурская правда. 2017. 9 июня.
114. На Сахалине среднедушевой доход растет вместе с социальной пропастью // REGNUM. 2017. 10 мая. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2272791.html> (дата обращения: 23.05.2019).
115. Назаренко В.И. Продовольственная безопасность (в мире и в России). М.: Памятники исторической мысли. 2011. 284 с.
116. Найден С.Н. Мониторинг доходов и расходов населения Дальнего Востока: итоги 2016 года // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 4. С. 5–28. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2017.4>
117. Найден С.Н., Грицко М.А. Реакция региональной социальной системы на институциональные и инвестиционные шоки // Регионалистика. 2016. Т.3. № 6. С. 6–22. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2016.6>
118. Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Июль 2016 / под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2016. 44 с.
119. Нестерова Д.В., Мариев О.С. Факторы привлечения прямых иностранных инвестиций в российские регионы // Экономика региона. 2005. № 4. С. 57–70.
120. О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 06.04.2011 г. № 68-ФЗ / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112623/ (дата обращения: 12.07.2019).
121. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 14.11.2018 г. № 1372 / КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=311203&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.16746268504275652#09648070459125282> (дата обращения: 11.05.2019).
122. О внесении изменений в перечень автомобильных дорог общего пользования федерального значения: постановление Правительства РФ от 26.06.2018 г. № 726 / Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71875632/> (дата обращения: 04.10.2018).
123. О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13.05.2000 г. № 849: указ Президента Российской Федерации от 03.11.2018 № 632 / Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201811040002?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 04.10.2018).
124. О внесении изменений в ставки вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы государств – участников соглашений о таможенном союзе: постановление Правительства РФ от 12.12.2017 г. № 1521. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285177/ (дата обращения: 12.06.2019)
125. О повышении пенсионного возраста в России: закон РФ № 350-ФЗ от 3 октября 2018 года. URL: <https://pensija.molodaja-semja.ru/reforma/zakon-o-pensionnom-vozhaste-2018> (дата обращения: 20.09.2019)
126. О приоритетных инвестиционных проектах в области освоения лесов и об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации:

- постановление Правительства РФ от 23.02.2018 № 190. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291691 (дата обращения: 12.06.2019).
127. О тарифных квотах на отдельные виды лесоматериалов, вывозимых за пределы территории Российской Федерации в третьи страны: постановление Правительства РФ от 12.12.2017 г. № 1520. URL: <https://rulaws.ru/government/Postanovlenie-Pravitelstva-RF-ot-12.12.2017-N-1520/> (дата обращения: 12.06.2019).
 128. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 328 URL: <http://base.garant.ru/70643464/> (дата обращения: 15.09.2019).
 129. Об утверждении Лесного плана Приморского края на 2019-2028 годы: распоряжение губернатора Приморского края от 30.04.2019 года №119-рг. URL: primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/forestry/docs.php (дата обращения: 12.06.2019)
 130. Об утверждении паспорта инвестиционного проекта «Модернизация железнодорожной инфраструктуры Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей с развитием пропускных и провозных способностей»: распоряжение Правительства РФ от 24.10.2014 г. № 2116-р / Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70674580/> (дата обращения: 15.07.2019).
 131. Об утверждении Перечня лесорастительных зон Российской Федерации и Перечня лесных районов Российской Федерации: приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 18.08.2014 г. № 367/ URL: <http://docs.cntd.ru/document/420224339> (дата обращения: 15.07.2019)
 132. Об утверждении порядка предоставления в Банк России первичных статистических данных о прямых инвестициях: указание Центрального Банка Российской Федерации (Банк России) от 28.12.2014 г. № 3519-У URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70736006/> (дата обращения: 15.07.2019).
 133. Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским лесоперерабатывающим предприятиям Дальневосточного федерального округа, участвующим в реализации приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов, на возмещение части затрат, осуществленных в 2013–2014 годах на реализацию таких проектов, в рамках подпрограммы «Лесопромышленный комплекс» государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»: постановление Правительства РФ от 5.12.2014 г. № 1319 / Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70716340/> (дата обращения: 12.06.2019).
 134. Об утверждении распределения объемов тарифных квот, установленных в отношении ели аянской (*Picea jezoensis*), пихты белокорой (*Abies nephrolepis*) и лиственницы даурской (*Larix dahurica*) (коды ТН ВЭД ЕАЭС из 4403 23 910 0, из 4403 23 990 0, из 4403 24 900 0, из 4403 25 910 0, из 4403 25 990 0, из 4403 26 000 0), вывозимых за пределы территории Российской Федерации в третьи страны, внешнеэкономической деятельности в 2018 году: приказ Минпромторга от 14.03.2018 г. № 784 URL: http://minpromtorg.gov.ru/common/upload/files/docs/Prikaz_784_14032018.pdf (дата обращения: 20.07.2019).
 135. Объем государственного долга субъектов РФ и долга муниципальных образований / Минфин РФ. 2019. URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt (дата обращения: 14.09.2019).
 136. Объем государственного долга субъектов РФ и долга муниципальных образований / Минфин РФ. 2019. URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt (дата обращения: 14.09.2019).
 137. Объем переработки грузов на внутреннем водном транспорте / ЕМИСС. 2019. URL: <https://fedstat.ru/indicator/35035> (дата обращения: 12.07.2019).

138. Окружко О.А. Феномен инвестиционной привлекательности Калужской области // Регион: экономика и социология. 2015. № 2. С. 224–240.
139. Основные показатели социально-экономического положения регионов ДФО в 2018 г. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу. Хабаровск, 2019. Ч. I – 50 с.; Ч. II – 186 с.
140. От народа и для народа // Дальневосточная столица. 2019. № 1 (77). С. 6, 7.
141. Отправлено грузов в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности внутренним водным / ЕМИСС. 2019. URL: <https://fedstat.ru/indicator/35024> (дата обращения: 12.07.2019).
142. Официальная статистическая методология организации статистического наблюдения за потребительскими ценами на товары и услуги и расчета индексов потребительских цен: утвержденная приказом Росстата от 30.12.2014 г. № 734.
143. Перечень внутренних водных путей и речных портов Российской Федерации, по которым разрешено плавание судов под флагом иностранных государств / Федеральное агентство морского и речного транспорта. URL: http://www.morflot.ru/deyatelnost/napravleniya_deyatelnosti/rechnoy_flot/vvt/f1928.html (дата обращения: 12.07.2019).
144. Перечень пунктов пропуска через государственную границу РФ: распоряжение Правительства РФ от 29.11.2017 г. № 2665-р / Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71723042/> (дата обращения: 12.07.2019).
145. Полиди А.А., Сичкар С.В. Эконометрическая оценка факторов и динамики прямых иностранных инвестиций в экономику региона // Экономика и предпринимательство. 2013. № 9. С. 234–239.
146. Порты ДФО: рост и развитие умеренные, железнодорожных мощностей не хватает // REGIUM. 2018. 5 марта. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2386990.html> (дата обращения: 10.03.2019).
147. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию РФ от 12 декабря 2012 г. / Гарант. URL: <http://base.garant.ru/70278636> (дата обращения: 25.11.2018).
148. Поставки российского круглого леса в Китай растут // ЛесОнлайн. 2018. 21 марта. URL: <http://www.lesonline.ru/analytic/> (дата обращения: 01.07.2019)
149. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 г. / ФСГС. 2019. URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/populations/catalog/duc_1/ (дата обращения 20. 02. 2019).
150. Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства. Т. 10. // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. 382 с.
151. Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства. Т. 8 // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. 502 с.
152. Производство основных видов продукции в натуральном выражении с 2017 г. (оперативные данные в соответствии с ОКПД2) / ЕМИСС. 2019. URL: <https://fedstat.ru/indicator/57783> (дата обращения: 12.07.2019).
153. Производство товаров за 2010–2016 года / Мультистат ГМЦ Росстата. 2018. URL: http://www.multistat.ru/?menu_id=93100160 (дата обращения: 10.11.2018).
154. Прокапало О.М., Бардаль А.Б., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2018 г. // Пространственная экономика. 2019. № 2. С. 110–149. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2019.2.110-149>

155. Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2016 г. // *Пространственная экономика*. 2017. № 2 (50). С. 138–173. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2017.2.138-173>
156. Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2017 г. // *Пространственная экономика*. 2018. № 2. С. 92–133. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2018.2.092-133>
157. Прокапало О.М., Исаев А.Г., Суслов Д.В., Деваева Е.И., Котова Т.Е. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2011 г. // *Пространственная экономика*. 2012. № 2. С. 89–127. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2012.2.089-127>
158. Прокапало О.М., Исаев А.Г., Суслов Д.В., Мазитова М.Г. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2012 г. // *Пространственная экономика*. 2013. № 2. С. 119–149. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2013.2.119-149>
159. Прокапало О.М., Исаев А.Г., Суслов Д.В., Мазитова М.Г. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2013 г. // *Пространственная экономика*. 2014. № 2. С. 106–140. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2014.2.106-140>
160. Прокапало О.М., Найден С.Н., Мотрич Е.Л., Бардаль А.Б. Российский Дальний Восток: экономические тренды / под ред. О.М. Прокапало; Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Институт экономических исследований. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 66 с.
161. Прокапало О.М., Суслов Д.В., Исаев А.Г., Деваева Е.И., Котова Т.Е. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2010 г. // *Пространственная экономика*. 2011. № 2. С. 54–91. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2014.2.054-091>
162. Протяженность автомобильных дорог необщего пользования / ЕМИСС. 2019. URL: <https://fedstat.ru/indicator/42093> (дата обращения: 13.07.2019).
163. Протяженность автомобильных дорог необщего пользования с твердым покрытием / ЕМИСС. 2019. URL: <https://fedstat.ru/indicator/42092> (дата обращения: 12.07.2019).
164. Протяженность автомобильных дорог общего пользования / ЕМИСС. 2019. URL: <https://fedstat.ru/indicator/42095?id=42095> (дата обращения: 12.07.2019).
165. Протяженность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием / ЕМИСС. 2019. URL: <https://fedstat.ru/indicator/42094> (дата обращения: 12.07.2019).
166. Протяженность автомобильных дорог общего пользования федерального, регионального или межмуниципального значения / ЕМИСС. 2019. URL: <https://fedstat.ru/indicator/56281> (дата обращения: 13.07.2019).
167. Реальная среднемесячная начисленная заработная плата работников по субъектам Российской Федерации за 2000–2018 гг. / ФСГС. 2019. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/t5.xlsx> / (дата обращения: 04.07.2019).
168. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002–2018 / ФСГС. 2019. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 15.07.2019).
169. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: ст. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.
170. Реймер В.В., Улезько А.В., Тютюников А.А. Инновационно-ориентированное развитие АПК Дальнего Востока. Воронеж: ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ. 2016. 347 с.
171. Российский Дальний Восток на пути в будущее / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, 2017. 395 с.
172. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. Доклад Центра трудовых исследований и Лаборатории исследования рынка труда НИУ ВШЭ / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова, С. Рощина. М., 2017. 148 с.

173. Руководство «Нового леса» вышло на переговоры с правительством Хабаровского края / Правительство Хабаровского края. 2019. 7 марта. URL: <https://khabkrai.ru/events/news/173307> (дата обращения: 07.03.2019).
174. Сведения о наличии и распределении земель в Российской Федерации / Росреестр. 2019. URL: <https://rosreestr.ru/site/activity/sostoyanie-zemel-ossii/gosudarstvennyu-natsionalnyu-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-v-rossiyskoj-federatsii/> (дата обращения: 01.08.2019).
175. Сведения о размещенных и привлеченных средствах / Центральный Банк России. 2019. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/pdco/sors/retro/> (дата обращения: 01.08.2019).
176. Сведения о распределении численности работников по размерам заработной платы за апрель 2017 г. / ФСГС. 2018. URL: <https://gks.ru/compendium/document/13268> (дата обращения: 21.07.2019).
177. Свободные порты Дальнего Востока ждут свободной железной дороги // REGIUM. 2017. 21 августа. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2312144.html> (дата обращения: 10.07.2019).
178. Сивелькин В.А., Кузнецова В.Е. Статистический анализ структуры социально-экономических процессов и явлений. Оренбург: ГОУ ВПО ОГУ, 2002. С. 56–57.
179. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
180. Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2018 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2018. URL: <https://gks.ru/folder/512> (дата обращения: 12.07.2019).
181. Социально-экономическое положение России. 2018 / ФСГС. 2019. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/social/osn-12-2018.pdf (дата обращения: 15.07.2019).
182. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в целом по экономике по субъектам Российской Федерации в 2013–2019 гг. / ФСГС. 2019. URL: https://www.gks.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 24.08.2019).
183. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в целом по экономике по субъектам Российской Федерации за 2000–2018 гг. / ФСГС. 2019. URL: [https://www.gks.ru/storage/mediabank/t4\(1\).xlsx](https://www.gks.ru/storage/mediabank/t4(1).xlsx) (дата обращения: 04.07.2019).
184. Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.09.2018 г. № 1989-р. URL: <http://government.ru/docs/34064/> (дата обращения: 24.08.2019).
185. Стратегия социально-экономического развития Амурской области на период до 2025 года: постановление Правительства Амурской области от 08.11.2017 г. № 529 / Правительство Амурской области. URL: <http://mer.amurobl.ru/ru/sections/53> (дата обращения: 20.02.2019).
186. Стратегия социально-экономического развития Еврейской автономной области на период до 2030 года / Министерство экономического развития РФ. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategterplanning/komplstplanning/stsubject/straterupdate> (дата обращения: 16.02.2019).
187. Стратегия социально-экономического развития Камчатского края до 2030 года / Министерство экономического развития РФ. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategterplanning/komplstplanning/stsubject/straterupdate> (дата обращения: 16.02.2019).
188. Стратегия социально-экономического развития Магаданской области на период до 2030 года / Министерство экономического развития РФ. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategterplanning/komplstplanning/stsubject/straterupdate> (дата обращения: 16.02.2019).

189. Стратегия социально-экономического развития Приморского края на период до 2030 года / Министерство экономического развития РФ. URL: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/strategterplanning/komplstplanning/stsubject/straterupdate> (дата обращения 16.02.2019).
190. Стратегия социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2030 года с определением целевого видения до 2050 года / Министерство экономического развития РФ. URL: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/strategterplanning/komplstplanning/stsubject/straterupdate> (дата обращения 16.02.2019).
191. Стратегия социально-экономического развития Сахалинской области на период до 2025 года: утверждена постановлением Правительства Сахалинской области от 28.03.2011 г. № 99. (в ред. постановление Правительства Сахалинской области от 22.01.2018 г. № 21, от 05.03.2018 г. № 75) / Правительство Сахалинской области. URL: <https://sakhalin.gov.ru/index.php?id=139> (дата обращения: 06.04.2019).
192. Стратегия социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года / Министерство экономического развития РФ. URL: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/strategterplanning/komplstplanning/stsubject/straterupdate> (дата обращения: 16.02.2019).
193. Стратегия социально-экономического развития Чукотского автономного округа до 2030 года: утверждена распоряжением Правительства Чукотского автономного округа 16.07.2014 г. № 290-рп. / Правительство Чукотского автономного округа. URL: <https://invest-chukotka.ru/investpolitika/investiczionnaya-strategiya> (дата обращения: 15.03.2019).
194. Структура ВРП по отраслям экономики по ОКВЭД 2 (КДЭС Ред.2) (2016–2017 гг.) / ФСГС. 2019. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vrp3.htm (дата обращения: август 2019 г.).
195. Суслов Д.В. Иностранные инвестиции на Дальнем Востоке: современное состояние и перспективы // Россия и страны Северо-восточной Азии: вопросы экономического сотрудничества / под ред. Вакио Фудзимото, П.А. Минакира, А.И. Татаркина. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. С. 63–75.
196. Сухомиров Г.И. Инвестиции и государственная поддержка сельского хозяйства в Дальневосточном федеральном округе // Проблемы развития территории. 2015. № 5 (79). С. 156–169.
197. Сухомиров Г.И. К проблеме импортозамещения продуктов сельского хозяйства в ДФО // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 110–123.
198. Сухомиров Г.И. Проблема самообеспечения сельскохозяйственными продуктами в регионах Дальневосточного федерального округа // Проблемы развития территории. 2017. № 1 (87). С. 173–186.
199. Сухомиров Г.И. Развитие дальневосточного сельского хозяйства и самообеспеченность населения сельскохозяйственной продукцией // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 1. С. 35–42. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2016.1>
200. Сухомиров Г.И. Развитие сельского хозяйства ДФО в условиях санкций и экономического кризиса // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 4. С. 56–66. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2017.4>
201. Сухомиров Г.И. Таежное природопользование на Дальнем Востоке России. Хабаровск: РИОТИП. 2007. 384 с.
202. Сухомиров Г.И. Технологическая модернизация сельского хозяйства Дальнего Востока // Проблемы развития территории. 2014. № 5 (73). С. 123–135.

203. Сухомиров Г.И., Шелепа А.С. Проблемы долгосрочного развития сельского хозяйства Дальнего Востока // *Пространственная экономика*. 2012. № 4. С. 155–165. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2012.4.155-165>
204. Терентьева А., Зиброва А., Петлевой В. Дорога до Эльги может перейти в концессию // *Ведомости*. 2017. 28 февраля.
205. Территориальные социально-экономические структуры. Т. 3 // *Геосистемы Дальнего Востока России на рубеже XX–XXI веков*. В 3-х т. / под общ. ред. П. Я. Бакланова; Тихоокеанский институт географии ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2012. 362 с.
206. Тимонина И.Л. Россия – Япония: реальный потенциал экономического взаимодействия // *Японские исследования*. 2016. № 1. С. 20–31.
207. Тимофеева Я.О., Голов В.И., Жарикова Е.А., Голодная О.М., Нестерова О.В., Кришевская С.В., Журавлев Ю.Н. Почвенные ресурсы Дальневосточного региона // *Вестник ДВО РАН*. 2015. № 5. С. 5–8.
208. Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред. П.А. Минакира ; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, 2010. 560 с.
209. Трещевский Ю.И., Круглякова В.М. Анализ динамики иностранных инвестиций в регионы России // *Terra Economicus*. 2010. Т. 8. № 1–2. С. 151–159.
210. Уровень занятости населения по субъектам Российской Федерации / ФСГС. 2019. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/trud5_15-72.xls (дата обращения: 03.07. 2019).
211. Федорова Е.А., Федоров Ф.Ю., Николаев А.Э. От какой страны прямые иностранные инвестиции выгоднее для России? // *ЭКО*. 2017. № 7. С.112–123.
212. Фокина К. Дальтрансуголь подвел итоги 2017 года // *РЖД-Партнер*. 2017. 29 декабря. URL: <https://www.rzd-partner.ru/logistics/comments/daltransugol-podvel-itogi-2017-goda/> (дата обращения: 03.07. 2019).
213. Чекавинский А.Н., Советов П.М. Проблемы использования научно-технических достижений в сельском хозяйстве. Вологда: ИСЭРТ РАН. 2015. 164 с.
214. Численность безработных по субъектам Российской Федерации / ФСГС. 2019. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/trud3_15-72.xls (дата обращения: 03.07. 2019).
215. Численность занятых по субъектам Российской Федерации / ФСГС. 2019. URL: [https://www.gks.ru/storage/mediabank/trud2_15-72\(1\).xls](https://www.gks.ru/storage/mediabank/trud2_15-72(1).xls) (дата обращения: 03.07. 2019)
216. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 г. / ФСГС. 2015. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_107/Main.htm/ (дата обращения: 4.07.2019).
217. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2018 г. / ФСГС. 2018. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b18_111/Main/htm (дата обращения: 12.07.2019).
218. Численность населения РФ на 1 января 2019 года // *Реальное время*. 2019. URL: <https://realnoevremya.ru/attachments/1043/> (дата обращения: 25.07.2019).
219. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в процентах от общей численности населения / ЕМИСС. 2019. URL: <https://fedstat.ru/indicator/33460> (дата обращения: июль 2019).
220. Численность рабочей силы по субъектам Российской Федерации / ФСГС. 2019. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/trud1_15-72.xls (дата обращения: 03.07. 2019).
221. Численность, состав и движение населения в Российской Федерации. Стат. бюлл. Госкомстат России. М., 1992. 419 с.
222. Чукотка увеличила добычу угля, газа и россыпного золота // *Дальневосточный капитал*. 2019. 17 января. URL: http://dvkapital.ru/regionnow/chukotskij-avtonomnyj-okrug_17.01.2019_13893_chukotka-uvelichila-dobychu-uglja-gaza-i-rossyynogo-zolota.html (дата обращения: 18.04.2019).

223. Шелепа А.С. Дальневосточное село: состояние и организационно-экономические проблемы развития. Хабаровск: ХГАЭП. 2006. 184 с.
224. Экономике Чукотки ждет диверсификация // Известия. 2018. 1 августа. URL: <https://iz.ru/773217/egor-sozaev-gurev/ekonomiku-chukotki-zhdet-diversifikatciia> (дата обращения: 12.04.2019).
225. Statistical Handbook of Japan. 1993. Statistic. Bureau Management and Coordination Agency.
226. Suslov D.V. Current Status and Problems of Attracting Foreign Direct Investment in the Russian Far East // Siberian Studies. 2018. Т. 45. № 3. С. 20–33 (На кит. яз.).
227. The State of Food and Agriculture – 2013. Food Systems for Better Nutrition / Food and Agriculture Organization of the United Nations. Rome. 2013. 100 p. URL: www.fao.org/publications (дата обращения: 08.11.2019).
228. UNCTADSTAT. 2019. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_referer=&sCS_ChosenLang=en (дата обращения: 17.06.2019).

Научное издание

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ МОНИТОРИНГ:
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ**

Под редакцией д-ра экономических наук *О.М. Прокапало*

Ответственная за выпуск *Л.А. Самохина*

Сдано в набор 02.12.19. Подписано к печати 23.12.19.

Формат 60x90/8. Уч.-изд. л. 12,8.

Институт экономических исследований ДВО РАН.
680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153, www.ecrin.ru